

Е. Емельянов
Длинная цепь

Егор Емельянов

Длинная цепь

«Автор»

2026

Емельянов Е.

Длинная цепь / Е. Емельянов — «Автор», 2026

Богатства севера лишь снег и герои. Но время от времени самые храбрые, самые безумные или просто отчаянные хотят чего-то большего, чем холодные ветры и бескрайние льды. Ни золото, оплаченное кровью в набегах, ни уважаемое место за длинным столом – ничего более не горячит их кровь. И тогда собирается новый поход на Мёртвые Земли. Покинутый континент, где не осталось никакой жизни, где даже воздух стоит неподвижно, и не найти на безоблачном небе солнца. Там, среди причудливых и опасных аномалий, безжалостных чудовищ и самых страшных лишений, лежат сокровища за пределами человеческого воображения. Шанс переиграть даже самый худший расклад. Шанс встретить что-тократно более страшное, чем смерть. Юный Риг всегда полагал себя человеком разумным. Хоть и рождённый на севере, он сделал своим оружием не топор или меч, но разумные речи и вежливые письма. Никогда не мыслил он даже увидеть проклятые земли. Но сложится так, что у него просто не останется выбора.

© Емельянов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сын мертвеца	9
Глава 2. Чужие люди	18
Глава 3. По законам Севера	30
Глава 4. Возвышение	44
Глава 5. Молитва висельника	57
Глава 6. Достойно короля	66
Глава 7. За чужие интересы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Длинная цепь

Пролог

Привал начинался, когда один из них не мог больше идти. Торлейф невольно порадовался, что в этот раз первым на землю упал не он, хотя и сам уже с трудом держался на ногах: никто не проговаривал это вслух, но все понимали, что наименее выносливый скорее всего и будет тем, кто следующим встретит смерть.

Вокруг них была пустота. Голая, потрескавшаяся от вечной засухи земля, редкие и тщедушные деревца без единого листика, абсолютно безоблачное небо и, конечно же, тишина: давящая, бесконечная. Хотелось говорить хоть что-нибудь, просто чтобы хоть голосом разбить эту монументальную глыбу недвижимого воздуха, почувствовать жизнь как таковую, но Торлейф слишком устал, чтобы шевелить сухими губами или ворочать тяжёлым языком. Его товарищи, такие же пыльные, сторбленные и высушенные голодом и жаждой, беседы так же не начали, так что они просто легли на спину и уставились в небо.

Даже солнца не было видно, хотя на небе ни единого, даже самого жалкого облачка, а вокруг светло, как днём. Остальные маются от жары, в то время как сам Торлейф и днём, и ночью чувствует небольшой холод, от которого не спасает ни плащ, ни жар костра.

Мёртвая Земля.

Их было шестнадцать человек, крепких молодых воинов, умелых головорезов. Теперь их осталось трое. Их проводник из отшельников сгинул месяц назад, просто перестал существовать, вступив в тень от дерева, во вторую его тень. Бессмертный пропал ещё раньше: во время привала вставил подобранную с земли палочку себе в нос, после чего одним резким движением руки вогнал её на всю глубину. Некоторые просто не проснулись без какой-либо видимой причины, или же исчезли прямо посреди дороги, без малейшего звука, не оставив следа, словно их и не было никогда.

Что самое страшное, у таких пропавших Торлейф не мог вспомнить теперь даже имени, и лица их оказались начисто стёрты из его памяти. Помнил он лишь то, что они были. Последний погибший просто однажды утром ушёл в противоположном направлении, не слыша попыток окликнуть его, отчаянно вырываясь из их рук. И теперь они отряд из трёх человек.

Полагалось выставить двух дозорных, дать третьему возможность сомкнуть глаза – так было заведено ещё с первого дня в этом проклятом месте, так было правильно. Но никто из них не спал. Где один спит, там двое смогут меж собой договориться, и третий рискует не проснуться.

Вместо отдыха Торлейф проверил содержимое своего мешка, как делал каждый привал последние две или три недели. Может быть, уже и четыре. Сложно сказать точнее, когда все дни – это лишь размеренный шаг друг за другом, на запад, след в след, короткий отдых, и снова быстрый шаг. Во время привала можно либо спать, либо есть – но только не то и другое одновременно. Они старались не торопиться, помня про вторые тени деревьев, про песню, что невозможно услышать, про Нечто, что молча идёт за спиной и ждёт, когда ты обернёшься. Но всё же они торопились.

Они не желали умирать на этих проклятых землях. Где угодно, но только не здесь.

Уже совсем близко, ещё пара недель пути, и они вернутся на берег, вернутся на корабль, вернутся домой. Если, конечно, корабль отшельников всё ещё ждёт их. Торлейф старался не думать о том, что будет, если безземельные мелкоглазые выродки решили бросить их на этой проклятой земле, или же их корабль стал жертвой неизвестного существа или невидимой силы. Старался не думать вообще ни о чем. Есть в мире такие места и такие моменты, где лучше

вообще не задумываться и просто идти, когда нужно идти, и отдыхать, когда сил больше не остаётся.

Даже не смотря на то, что он бесконечно устал, всё его тело пульсировало ноющей болью, пока он лежал на голой, испещрённой трещинами земле, и в гнетущей тишине смотрел в пустое небо, неспособный даже думать. Единственное, что он чувствовал, это абсолютную бессмысленность всего, что с ним происходило, через что он заставил себя пройти.

В тот момент, глядя на бесконечное голубое море, Торлейф неожиданно для себя ощутил, что готов умереть. Понял он это буднично, без особых эмоций, как осознают чувство голода, когда с головой ушли в какое-то дело на несколько часов, или же во время трапезы чувствуют, что мясу не хватает приправы. Желание покончить со всем было таким чистым, что случись в руках быть верёвке, а поблизости достаточно высокому дереву, Торлейф убил бы себя без раздумий.

Верёвки у него не было, как и высоких деревьев.

Ульрик Рыжий лежал рядом, Торлейф мог видеть его краем глаза. Когда-то его нельзя было заткнуть, всё шутки да шутки, даже когда жена и сын померли от морового поветрия. Но Мёртвая Земля смогла забрать смех Рыжего, хотя никто бы не поверил, что это возможно. Чуть дальше лежал Аик Два-Топора, на боку, свернувшись калачиком, точно нарождённый плод. Аик ныне был самым слабым среди них – тем, кто сегодня первым выбился из сил, и Торлейф только тем и держался последние дни, что старался не упасть на землю раньше него. Сигурд Копьё беспокоил Торлейфа больше всего – он ещё ни разу не упал первый, и железная цепь на шее у него была самая длинная, что формально делало его лидером отряда. При этом добычи ему досталось меньше прочих, и на долгой дороге слишком много времени, чтобы обдумать такую несправедливость.

С дрожащими от усталости руками Торлейф снова проверил содержимое своего мешка – не так много у тебя развлечений, когда ты практически мёртв, когда ты хочешь быть мёртвым. Оно было на месте, его сокровище, его часть добычи – больше, чем у всех остальных вместе взятых. Мерцало, светилось едва видимым светом внутри, в темноте мешка. Его добыча. Вещи, которые ему пришлось вытерпеть ради этого сокровища... Вещи, которые пришлось сотворить...

План Торлейфа был в том, чтобы не умереть на этих проклятых землях. И Торлейф Золотой всегда следовал плану, полагаясь на упрямство там, где не было уже ни сил, ни даже желания, всегда доводя начатое до конца. Он переживёт отсутствие еды, отсутствие сна, саму смерть, что душит его своим шёпотом с тех самых пор, как его нога вступила на этот проклятый берег. Он вернётся домой, продаст добытое, получит в изобилии монеты Вореи и кольца Империи, сможет купить достаточно, чтобы после продать и получить ещё большую прибыль, купить снова. Второе имя ему назвали в качестве шутки, но он оправдывает это прозвище, делает своё имя по-настоящему золотым. Вырвется из замкнутого круга обеспеченной бедности. Таков был план, он следует плану, и он всё ещё жив.

Он не умрёт на этих проклятых землях.

Верёвки у него не было, как и высоких деревьев.

Был топор.

Топор нужен, чтобы рубить дрова – так он себе это запомнил, старался не забывать. Это был их с товарищами негласный договор – рубить только деревья, и каждый старался соблюдать эту клятву. Если бы кто-то другой был первым, кто нарушит это равновесие, Торлейф с радостью стал бы вторым, но покуда всё так, как есть, топоры всё ещё были нужны, чтобы рубить, и рубить только деревья.

Этим Торлейф и решил заняться. Пока двое охраняют, один заготавливает топливо для костра и разводит огонь, после чего может ложиться спать. Пока один заготавливает дрова, двое могут договориться – дрова нужно рубить быстро.

С огромным трудом Торлейф заставил себя подняться и взять в руки топор, что с каждым днём будто становился всё тяжелее. Сегодня он рубит, завтра он охраняет, как и на следующий день, потом снова рубит, потом снова охраняет. Делай что должно, надейся на лучшее, будь бдителен. Осталось немного.

Только Сигурд пожелал ему удачи. Ульрик вяло махнул рукой, в то время как Два-Топора не удостоил Торлейфа даже взглядом – бедняга, казалось, был готов заплакать, если бы у него хватило на это сил.

Деревья удалось обнаружить неподалёку, хотя деревьями их можно было назвать с натяжкой. Лишённые листьев сухие ветки, торчащие из полых стволов, они легко рубились, но очень быстро горели. Есть их было нельзя. Даже если перебороть ужасный вкус, похожий на пепел, и заставить себя проглотить эту серую массу, она вся целиком выйдет с кровавой рвотой в течение часа. И даже если пытаться приучить свой организм ежедневными маленькими порциями, результат остаётся таким же. Может, сварить из них бульон? Кажется, этого они ещё не пробовали.

Перед тем как приблизиться, Торлейф внимательно осмотрел каждое дерево и убедился, что их количество совпадает с количеством теней от них, что все тени лежат в правильном направлении – прочь от огромного, бьющего в небо столпа света, источник которого располагался где-то в центре проклятого континента. Нормальные корни, не двигаются без ветра, а подле них воздух не сухой и не горячий, нет запаха масла, и волосы не становятся дыбом. Не опасны, скорее всего.

Немного успокоившись, Торлейф сделал глубокий вдох и осторожно коснулся кончиком своего топора всех ближайших деревьев по очереди. До сих пор все деревья с нормальными тенями на поверку оказывались обычными, мёртвыми деревьями, но последние три месяца приучили Торлейфа сомневаться во всем, приучили, что не бывает такой вещи, как излишняя осторожность.

Сухая древесина рубилась легко, а полученные части, которые более уместно назвать было не дровами, а осколками, весили всего ничего, так что удалось управиться быстро. Возвращаясь к товарищам, Торлейф чувствовал небольшой прилив бодрости от хорошо сделанного дела, и мрачные мысли ненадолго оставили его. Пусть их и оставалось всего трое, но скоро уже они достигнут ближних территорий, относительно безопасных, а там и до берега рукой подать. Никому больше не нужно умирать.

Осколки странных деревьев легко подхватили огонь, и уже скоро все они могли отогреться. Ну или во всяком случае они могли почувствовать тепло от огня. Рядись ты хоть в сотню соболиных шуб или же броди здесь практически голым, тебе всегда будет немного холодно или немного жарко, и даже возле огня этот холод не отступает. Ещё до того, как они подались в обратный путь, Ульрик до того извёлся вечным морозом, что сунул руки прямо в костёр, и даже тогда, с его слов, чувствовал эту липкую прохладу.

Но тепло от огня было приятным напоминанием, что в тебе самом ещё теплится жизнь. Даже Айк как будто бы немного приободрился, и сел поближе к костру, положив руки и голову на колени.

— Нас было трое, когда мы покинули Исчезнувший Город и повернули обратно, — сказал он спустя некоторое время. — Нас было трое, когда мы прошли Последнюю Тень. Почему же сейчас, у огня, нас сидит четверо?

Торлейф почувствовал, как холодная пустота зреет у него внутри. Он крепче сжал в руке свой топор, только сейчас сообразив, что так и не выпустил его по возвращении, и быстро осмотрел своих спутников. Айк Два-Топора, с которым они ещё в детстве кидались камнями в корабли отшельников, неумолимо верный своему слову Сигурд Копьё, весельчак и балагур Улирик Рыжий – он знал их всю свою жизнь. Но Исчезнувший Город покинуло трое, считая его. Знал ли он каждого всю жизнь? Трое ли их было?

Торлейф медленно поднялся на ноги, молча наблюдая, как встают со своих мест и остальные. Сделал глубокий вдох.

Он не умрёт на этих проклятых землях.

Глава 1. Сын мертвеца

До этого дня Риг считал себя человеком умным и рассудительным. Всю свою жизнь, все шестнадцать лет, он был уверен, что его цепь будет выкована не набегам на берега Империи или походами в Мёртвые Земли, но учётными книгами и вежливыми письмами. Не многие северяне были способны понять этот путь.

Риг чувствовал их лёгкое пренебрежение, когда они возвращались с очередного похода и замечали его на занятиях. На севере перо вместо топора берут лишь больные да калечных, а Риг не был ни тем, ни другим, но всё же старательно выписывал руны и буквы, знал числа и другие языки. На севере часто говорят, что доблесть можно проявить не только в боях. Мол, и пахарь, проводящий жизнь в ежедневном труде, и грамотей, ведущий учёт золота – тоже по-своему доблестны и заслуживают уважения. На деле же любой северянин, увидев человека с книгой, не удержится от презрительной ухмылки. Девушки за Ригом тоже никогда не бегали, предпочитая ребят отчаянных – будущих калек и мертвецов.

Но это было неважно. Отец всегда говорил, что «умный человек не ходит с топором – он указывает, куда людям с топорами следует идти». А потом отец отдавал команды, и корабли ворлингов устремлялись к чужим берегам, и уже Риг смотрел на гордых воинов с лёгкой ухмылкой, стоя по правую руку от отца. Он всегда был умным мальчиком, потому что именно так ему всю жизнь и твердили родители, учителя, да и все прочие жители их сурового края. Не может же быть иначе, когда ты на пяти заморских языках изъясняешься, с числами управиться можешь, грамоте обучен, да и с другими важными науками тоже знаком – обязан ты в таком случае быть умным, смекалистым.

Однако и умный мальчишка всё ещё мальчишка. Часть его рвалась вместе с воинами к чужим берегам: бороться с бушующим штормом, стоять плечом к плечу под визгливой песней вражеских стрел, делить на всех одну флягу, передавая её с коротким кивком человеку, что спас тебе жизнь прошлым утром. А лучшая участь – вернуться домой и выложить к ногам отца – своего ярла, богатства, достойные железного императора или серого Пророка.

Умом Риг, конечно же, понимал, как глупо бросаться в бой в попытке первым забраться на каменную стену, особенно когда наградой станет лишь хлопок по плечу от капитана да новое звено в цепи. Но сердце его упрямо желало поднять над головой оружие и услышать одобрительный рёв. А когда гнилые люди предложат ему предать отца, капитана, братьев по оружию или сам свой народ, Риг бы гордо ответил молчанием да плевком под ноги просителям.

Довольно легко быть человеком чести в своём воображении, когда ничего не стоит на кону. Однако минуло всего лишь две недели с того дня, как признали его взрослым и положили начало его цепи, вручили первое её звено, как Риг уже собирался этой самой честью поступиться. Маленький кусочек металла, размером с половину пальца, что висел у него на шее, на тонкой верёвочке, в этот вечер казался тяжелее якоря.

Он шёл ночью, без лампы или факела, крался точно вор, огибая родной город по широкой дуге и боясь показаться на глаза знакомым людям. Было у него предчувствие, что стоит любому достойному человеку взглянуть на него, как тот сразу же все поймёт и прочтает в его сердце точно в открытой книге весь недостойный замысел. Жители Бринхейма не были, как правило, носителями большого ума, но и себя Риг умелым лжецом не считал. Даже сейчас, подкрадываясь к своей цели в ночной темноте, он чувствовал, как горит от стыда лицо.

Ночь была тёмная, безлунная, а россыпь звёзд попряталась за облаками. Сам же родной Бринхейм хоть и был городом достаточно крупным и стен при этом не имеющим, света в столь поздний час давал мало. Шагая по неосвещённой земле, Риг то запинаясь о коряги или проваливался по щиколотку в холодную грязь, то утопал по колено в талых сугробах, пока мокрый весенний снег, летящий со стороны моря, налипал на одежду и наваливался тяжестью. Но Риг

не роптал и упрямо шёл вперёд, не отворачивая лица от маленькой яркой точки на вершине скалы. И темноту, и грязь со снегом воспринимал он как неизбежное и справедливое наказание, как часть сделки, которую он намеревался заключить этой ночью.

Обогнув город, Риг поглядел кругом, убедился в своём одиночестве, и лишь после этого развернулся в сторону прибрежной скалы, направился прямо к ней. Ветер теперь мог действовать в полную силу, бросая хлопья мокрого снега прямо в лицо и без особого труда пробираясь сквозь исхудавший плащ. Было время, когда этот плащ был гордостью Рига: привезённый с похода на воре́йские берега, он наверняка был когда-то собственностью богатого торговца или даже самого князя. Подшитый медвежьим мехом и украшенный серебряной нитью, в лучшие времена этот плащ пробуждал зависть даже у чистых сердцем.

Лучшие времена кончились три года назад.

Серебряную нить пришлось вытащить на продажу прошлой весной, а осенью – срезать меха. В следующем году придётся продавать сам плащ, и мысль об этом вызывала жгучую злость, что вскипает в сердце и горячит кровь не хуже горького пойла. Этой злостью Риг и грелся.

Ветер меж тем лишь усиливался, словно сам Ветробежник, последний среди всех богов, первый среди всех пустых хвастунов и трусливых беглецов, вдруг заинтересовался людскими делами и решил остановить Рига. Однако тот всё так же продолжал шагать, стараясь не думать о ночном холоде, что щипал ему лицо с остервенелой яростью. Лишь руки, и без того укрытые тёплыми рукавицами, Риг старался спрятать поглубже в складках плаща, дабы они сильно не промёрзли – руки ему очень скоро понадобятся.

В конечном счёте он добрался до маленькой, почти незаметной тропинки, ведущую на вершину прибрежной скалы. Ветер здесь был бессилен, и Риг постоял немного, собираясь с духом, после чего снял рукавицы, растёр онемевшие от холода щёки, поправил пояс, чтобы петля с боевым топором – отцовским наследием – была рядом с рукой, да стал подниматься. В гору идти было не легче, чем по сугробам вокруг города, к тому же рукоять топора постоянно норовила ударить по ноге, но близость цели будто бы сделала все вокруг Рига незначительным. Приближался решающий момент.

Почти у самой вершины, когда впереди уже виден был деревянный сруб, и можно было даже различить дрожащую фигуру охранника у двери, ветер вновь набросился на Рига, принося с собой помимо мокрого снега ещё и голоса:

— Довольно, Стрик, открывай немедленно! Оба мы знаем, что время твоё в тепле закончилось, и пора нам меняться.

Это плохо. Риг рассчитывал на то, что охранник будет лишь один.

Фигура охранника у двери дёрнулась, послушался громкий стук по дереву.

— Открывай немедленно!

— Убирайся в Край! — послышался приглушенный ответ из сруба.

— Я клянусь, если не выйдешь ты прямо сейчас, то сломаю я первой очередью эту дверь, а после ломать буду каждую кость в твоём теле!

— Делай как знаешь, старик.

Снова стук дерева по дереву.

— Я тебе голову проломлю, Стрик, зарублю как бродячую псину, и никто по тебе не восплачет! Знаешь что? Люди будут меня благодарить, от этого берега и до стылого моря на западе, в любом селении мне чарку налью за это благое дело!

— Иди в Край, плешивый! Я сплю!

В этот момент старик у двери заметил Рига, схватил топор и поднял повыше лампу:

— Стой! Назови себя!

Риг промолчал. Не пожелал останавливаться или даже замедлить шага, подошёл ближе. Он знал говорившего.

Низкорослый, грузный, был он абсолютно седой ещё до рождения Рига, с проплешиной на макушке – тень былого величия по имени Элоф Солёный, сходявший в такое число налётов, что никто не мог даже встать рядом с ним для сравнения. Цепь свою он всегда оборачивал вокруг пояса, и, как говорят бывалые воины, в молодые годы оборачивал её трижды. Вот только Элоф не имел своего клана, не завёл своего дома, не создал семьи, предпочитая всю свою добычу тратить здесь и сейчас. До сих пор люди помнили те столы, что он уставливал яствами до треска. Даже сейчас на всем Восточном Берегу после хорошего застолья говорят друг другу ворлинги, что «посидели до соли», хотя многие уже и не помнят истоки этого выражения.

Когда же годы стали понемногу отрезать по кусочку от доблести прославленного Элофа, начал он менять звенья своей цепи сначала на деньги, а позже и на еду или место под крышей. Захаживал он и в их дом, рассказывая Ригу и другим детям ярла бесконечные истории о своих приключениях – маленький Риг всегда любил и ценил такие вечера. И всегда мог Элоф Солёный получить горячий обед в их доме, всегда мог рассчитывать на тёплую постель, и никогда с него не спросили за это ни монеты, ни звена. А теперь он промерзал до костей у тюремного сруба, держа в плену старшего из сыновей своего благодетеля. Цепь Элофа же теперь висела у него на шее, была лишь о пяти звеньях, держалась на верёвке.

Когда тусклый свет лампы выхватил из темноты лицо Рига, охранник вздохнул, поставил лампу на скамью рядом с дверью, взял вместо неё круглый деревянный щит. Стальной окантовкой щита снова постучал он в дверь.

— Выходи, Стрик, гости пришли, незваные да ожидаемые! Сын Бьёрга.

Из сруба слышались ругательства, и вскоре дверь распахнулась. Наружу вышел высокий, жилистый человек в грязной одежде, с взъерошенными, подстриженными кое-как волосами, спутанной и уже начавшей сесть бородой, да взглядом диким, затуманенным выпивкой. В руках у Стрика Бездомного не было оружия, лишь фляга, а на его красном, обветренном и покрытом морщинами вперемешку со странными пятнами лице кривилась презрительная улыбка. На выходе из сруба Стрик ногой попал в полную жидкой грязи лужу, погрузился в неё по щиколотку, но не придал этому и секунды своего внимания, как, впрочем, и пронизывающему холодному ветру.

— А, сын мертвеца, — Стрик сделал из своей фляги глоток. — Проваливай в Край, щенок. Или я сломаю тебе лицо.

Риг бросил на пьяницу презрительный взгляд и больше на него не смотрел. Говорили, что когда-то Стрик был славным воином с длинной цепью, своей землёй и большим домом, женой и детьми. Если и так, то те времена прошли задолго до рождения Рига, и от той цепи не осталось и следа, ни единого звена. Ныне Стрик Бездомный был лишь бродягой, что большую часть жизни проводил в лесах, где жил точно дикий зверь в полном одиночестве. Лишь изредка он наведывался в города за выпивкой или уходил в налёт за еду и дурман с любым, кто будет согласен терпеть его тяжёлый нрав и отвратительный запах.

Пара бесчестных бездомных, старик да пьяница – вот кого ярл назначил в тюремщики для старшего сына самого Бьёрга, Солнца Севера. Ригу сложно было даже представить большее оскорбление для их семьи, и, должно быть, ярл знатно позабавился этой своей шутке.

Риг не выказал тюремщикам уважения ни словом, ни кивком головы, и уж тем более не протянул им открытой ладони.

— Я за братом пришёл, — сказал он, положив руку на обух своего топора. — Не место сыну Бьёрга на Позорной Скале.

Бездомный Стрик незамысловато выругался, но за оружием тянуться не стал, и лишь вновь приложился к фляге, а Элоф нахмурился, опустил свой щит и тяжело вздохнул.

— И чего ж ты тогда пришёл-то, младший сын Солнца Севера?

— А должен был молча в стороне посидеть, пока нашу семью поливают грязью?

— И теперь на этой скале сразу оба сына оказались. А ещё была у Бьёрга дочь, о которой младшему из сыновей тоже не мешало бы помнить да заботиться, и о которой кроме него позаботиться больше и некому. Тебя, парень, могут на Ступени поднять уже только за то, что сюда пришёл, да к тому же в такой тёмный час.

В сущности, Риг был молод, и это было его основное преимущество. Будь на страже один лишь плешивый Элоф, скорее всего он бы уже рискнул, попробовал бы сыграть на эффекте неожиданности. Не дал бы себя поучать старому дураку. Рука Рига невольно сжалась на обухе топора, и от взгляда Элофа оно не укрылось.

— А коли ещё и оружие с пояса потянешь, то придётся уже ответ железом держать.

Риг злобно зыркнул на плешивого старика. Уж если кому и говорить про ответ железом, то точно не ему, сменявшему честь на миску похлёбки. У Рига может и пяти звеньев в цепи пока не было, да и началась она лишь две недели назад, но он предпочтёт скорее от голода загнуться или промёрзнуть до костей, чем своё единственное звено сменять на что бы то ни было. И хоть надлежало ему, желторотому, выказывать уважение к тому, у кого цепь длиннее, никакого уважение к Солённому Элофу у Рига не было. Был бы выбор, предпочёл бы скорее в поход на Мёртвые Земли уйти, чем вести беседы со старым предателем. Но другим вариантом был лишь жалкий безцепный пьяница, на которого и смотреть то было противно. Скрипнув зубами, Риг ответил:

— Если ярлу будет угодно спросить, я ему и отвечу. И если потребуется железом, значит железом.

— Слова-то большие, да мелкий рот, — сказал Стрик, но никто не бросил в его сторону и взгляда.

— Парень, думаешь, многие выйдут уравнивать твоё слово? Или тебе просто не терпится дно поцеловать? И кто тогда за твоей сестрой будет присматривать?

Риг дерзко вскинул в голову, посмотрел прямо на старика. Хороший ответ был у него на языке, достойный, но горечь сдавила ему горло, и не смог он его из себя выдавить. Вместо этого сказал лишь коротко:

— Меня на Позорной Скале только два человека и видели. Им и решать, был я тут или не был.

— Решать ярл Торлейф будет, как и положено. И если ты думаешь, что он в память о дружбе с твоим отцом будет милостив, то лучше отбрось эти мысли куда подальше.

— Чего стоит дружба Торлейфа я уже видел, — усмехнулся Риг. — Тело отца даже от берега не успели увезти, как он уже его место занял.

Опасные слова. Риг понимал, что ему следует быть осторожным в выражениях, но за последнее время, да даже за всю свою жизнь, он слишком устал от осторожности.

Элоф нахмурился, покачал головой.

— Я сделаю вид, что не слышал таких тяжёлых слов. И что не видел тебя этой ночью, если сейчас же уйдёшь и оглядываться поостережёшься. Даже старики были молодыми, и все молодые делали глупости – это не страшно, покуда глупость не сделана было до конца.

— Можешь донести храбрейшему ярлу Торлейфу мои слова, старик, если хочешь, мне всё равно. И что видел меня – тоже доноси. Но уйду я только вместе со своим братом.

— На брата твоего серьёзные обвинения возложили, он должен ответить. Есть закон.

— Хорош языки чесать, — вновь мешался Стрик, после чего одним мощным глотком опорожнил остатки своей фляги. — Холодно. Драться будем или как?

Левая рука Рига нырнула под плащ, Элоф поднял щит, Стрик ухмыльнулся.

— Или как, — сказал Риг и бросил пьянице маленький холщовый мешок, а когда тот поймал его, все услышали, как внутри звякнули монеты.

Солёный Элоф тяжело вздохнул.

— Парень, ты хоть знаешь, что ты сейчас сделал?

Риг не ответил, смотрел прямо перед собой, крепко сжав зубы. В общем-то, это и был весь его план, первая его половина во всяком случае. План откровенно плохой, но сколько не ломал он голову за прошедшие дни, ничего лучше в неё не пришло. И не помогли тут ни знание пяти языков, ни умение цифры большие складывать, так как количество монет в этом кошеле любой дурак сосчитать сумеет.

Стрик тем временем развязал тесёмки и высыпал монеты себе на ладонь, поднеся их почти вплотную к своим мутным глазёнкам, а после быстрого пересчёта подвёл итог:

— Мелочь одна, и на один славный день не хватит. Мало.

После этого монеты вернулись в мешочек.

— Большого у нас нет, — тихо сказал Риг. — Если нужно больше, потом я рассчитаюсь по всем долгам. Даю слово.

— На Край сходи со своим словом. Ему неделя от роду и веса в нём, что у твоих соплей, — Стрик мерзко улыбнулся. — Но добавь к этим монетам свою цепь, и будем в расчёте.

Ладонью левой руки Риг рывком накрыл то место на груди, где под одеждой на тонкой верёвке висело его первое звено. А Стрик Бездомный засмеялся противным, лающим смехом, после чего игриво перебросил мешочек с монетками в воздухе, отпихнул Рига со своего пути и стал нетвёрдой походкой спускаться вниз по тропинке. Никакого оружия он с собой не забрал, и, по всей видимости, у грязного бродяги не было даже ножа.

— Эй, ты куда это собрался, пьянь бесчестная? — окликнул его Элоф.

— Выпить. Погреться у огня. Пышных девок потискать.

— Ты уйти не можешь, нет у тебя такого права, если слово твоё хотя бы одной мерой ещё тяжелее воздуха. Уплачено тебе было за стражу до утра!

— В Край иди, плешивый! Те деньги закончились, — с этими словами Стрик вновь подбросил мешочек с монетками да поймал другой рукой. — А эти ещё нет.

И он продолжил свой спуск. Одно можно сказать про бесчестных людей точно — на них всегда можно положиться, они никогда тебя не удивят.

— Мерзавец, — пробурчал Элоф. — Падаль бесчестная.

Риг предпочёл промолчать. Он смотрел на плешивую голову старика, на его опущенный щит, на его глаза, совсем не следящие за молодым воином. Это был хороший момент, удачный для второй, новой части плана. Вытянуть отцовский топор из петли, замахнуться, ударить.

Убить.

Это не выглядело трудной задачей, если думать об этих действиях по отдельности. Или если не думать о них вообще. Набрать в грудь воздуха и сделать разом, быстро, одним рывком, как в воду прыгнуть с высокой скалы.

Сделав глубокий вдох, Риг потянулся к своему топору.

Выхватил, замахнулся.

Ударил, но лезвие рассекло лишь воздух. Риг сделал неуклюжий шаг вперёд, прежде чем железная кромка щита Элофа врезалась в его лицо — боль была сильной, но настолько неожиданной, что ощущалась как будто бы не в полной мере. Бухнувшись на землю спиной, Риг успел лишь поднять гудящую голову, прежде чем получил второй удар, на этот раз каблуком сапога по лбу, и крепко приложился затылком о каменистую землю.

— Ты нас обоих в очень непростое положение поставил, сын Бьёрга, — голос старика был спокойный, даже холодный, словно не человек слова произнёс, а кромка льда прохрустела. — Обязательно было доводить до такого? Отпусти топор.

Риг упрямо сжал своё оружие крепче. После подкупа и попытки убийства семейное имя не замараешь такой мелочью, как брошенное оружие, смысла в упрямстве не было. Но время разумных поступков закончилось две недели назад. Риг с трудом осмысливал происходящее: и то, что он сделал, или, точнее, попытался сделать, и то, к чему это приведёт остатки их семьи.

Мелькнула даже мысль, что ярл не упустит такого шанса, отправит их всех умирать в объятия вечной зимы, на Белый Край – от этого стало по-настоящему страшно.

— Я сказал отпустить.

Элоф с силой наступил Ригу каблуком сапога прямо на руку, и от резкой боли тот всё же выронил оружие. Старик наклонился, ногой придавив Рига к холодной и твёрдой земле, забрал выпавшее оружие.

— Отдай! Это моё! — сказал Риг и мигом устыдился того, как по-детски это прозвучало.

Попытался встать, но нога бывшего воина прижимала его крепко. Обхватил грязный сапог обеими руками, попытался сдвинуть, и всё равно не вышло, Элоф лишь усилил давление, стало тяжело дышать. Попытался сбить ногу ударом кулака – бесполезно, слишком мало силы в руке без мозолей, и лёжа нет возможности хорошо замахнуться.

Медленный вдох.

Сила – это масса объекта, дважды умноженная на скорость, с которой этот объект движется. Эффективнее всего силу удара можно увеличить, если бить быстрее, но наносить удар по ноге Элофа с большей скоростью у Рига не получится при всём желании. Можно попробовать увеличить вес самого удара. Правая рука быстро обшарила землю: грязь, лёд, сухие щепки, склизкая гниль, рыхлый мокрый снег. Камень. Обхватил, ударил как мог быстро – и сапог Элофа соскочил с груди, дал возможность подняться. А на севере ещё говорят, что многие знания – лишь замёрзшая вода в голове. И в бою может помочь, если...

Ещё один удар кромкой щита. Риг почувствовал, как тёплая кровь стекает по лицу.

— Глупец. Твой отец всегда с такой широкой улыбкой говорил про твои успехи, умным человеком тебя считал, называл своим преемником. И что в итоге? Обычный мальчишка. Пустая гордость, детские обиды.

— Только они у меня и остались, — Риг бросил попытки подняться, смиренно лёг в грязь. — Спасибо щедрости нового ярла. Но и этого ему было мало, теперь он хочет ещё и жизнь моего брата забрать. Что умного с этим можно сделать?

Элоф вздохнул.

— Преклонить колено, мальчик, вот что ты можешь сделать. Усмирить свою гордость и просто показать смирение перед тем, как сложилась твоя судьба.

— Как это сделал ты?

— Как сделали все. Лишь вы с братом уже три года упрямитесь, и вот куда это вас привело. На Позорную Скалу.

— А сам-то ты где, старик? — Риг заставил себя усмехнуться. — Променил свою цепь на монеты, преклонил колено, все сделал по уму, но я смотрю на тебя, смотрю кругом, и вот он ты, на Позорной Скале.

— Не играй со мной словами, парень, это другое. Я не преступал закон.

— Как и человек, что уже две недели гниёт за решёткой в этом срубе позади тебя. Он лишь сделал то, что сделал бы каждый, и все вокруг это знают. Но никто и слова не сказал против.

Старый воин опустил щит, сделал шаг назад. Риг приподнялся на руках, замер на мгновение, ожидая удара, а когда его не последовало, сел и грустно усмехнулся. Подняв голову, он посмотрел туда, где в ночной темноте пряталось лицо Элофа Солёного. Старик молчал и, хоть это молчание и действовало Ригу на нервы, он не пытался его прервать, лишь продолжал держать голову поднятой. А потом он услышал, как упал в грязь его топор.

— Вставай, — сказал Элоф, и голос его было едва слышно. — Не дело на холодной земле валяться, словно пёс бездомный. Так и заболеть недолго.

Риг медленно поднялся, стараясь не смотреть на оставшийся лежать возле его ног отцовский топор, хотя искушение броситься к нему и было велико. Элоф, меж тем, своё оружие

сунул в петлю, освободившейся рукой погладил седую бороду, после чего повернулся к Ригу спиной. Постояв так мгновение, он неспешно пошёл вниз со скалы вслед за Стриком.

— По нужде схожу, — сказал он, не оборачиваясь. — В моём возрасте это требует времени, но даже такой бесчестный мерзавец, как Стрик, сможет поддержать стражу в одиночестве пока я не вернусь. Полагаюсь на него.

И он начал медленно спускаться, делая каждый свой шаг в темноте с величайшей осторожностью. Риг меж тем медленно встал на ноги, нервно выдохнул, после чего, не сводя взгляда с удаляющейся фигуры, нагнулся за своим топором и вернул его в петлю на поясе. К тому моменту, как широкая фигура Элофа окончательно растворилась в темноте, Риг сумел унять дрожь в руках и вошёл в сруб.

Внутри было гораздо теплее, чем снаружи, но запах ещё в дверях заставлял невольно кривить нос. Мест для содержания заключённых было там всего четыре, и три из них были ожидаемо пустыми – суд на Старой Земле проходил быстро. Хотя закон устанавливал возможность держать человека в неволе до двух недель, редко какому бедолаге случалось провести за решёткой хотя бы три дня. Кнут, кажется, был первый такой за всю историю их города, если не всего севера. Однако и редко какой бедолага был столь большой костью у ярла в горле.

За железной решёткой Риг увидел своего брата, и в первое мгновение не узнал его.

После двух недель своего заключения Кнут сделался грязен и неопрятен: длинные чёрные волосы были не убраны, борода не вычесана, сам он заметно исхудал. Одежда, и без того за последние три года повидавшая разное, теперь и вовсе приобрела вид совсем непотребный, больше приличествующий бродяге навроде Стрика, чем благородному воину. И хоть равнитель говорил, что дело вышло непростое, и до суда нужно тщательно проверить множество деталей, только дурак не увидит руку ярла у него на плече. И задумка их была Ригу понятна: укротить обвиняемого, трудностями и лишениями сломать его дух, а ежели сломать не выйдет, то на худой конец придать тому вид самый отталкивающий, отвернуть от него взгляды честных людей.

Вот только даже в грязи и обносках взгляд у старшего из наследников Бьёрга оставался всё тем же. И по одному только этому взгляду никто бы не принял бы Кнута за оборванца, пьяницу или душегуба, в какие лохмотья его не ряди, и каким испытаниям не подвергай его тело. Гордый и несломленный, сидел он прямо, как и подобает сыну севера, и даже после двух недель на скудной пище и без движения, оставался широким в плечах, каждым движением выдавал в себе умелого воина. Цепь его, о сорока трёх звеньях, дважды обёрнутая вокруг шеи, говорила красноречивее пустых слов.

Было много достойных ворлингов, живущих на Восточном Берегу, и были цепи длиннее, но никто из прославленных героев ранее не имел столько звеньев в свои двадцать четыре года и никто не принимал эту честь с большим достоинством и смирением, чем Кнут Белый. Ни разу, даже в стенах родного дома, вдали от чужих глаз и ушей, он не возгордился, и историй про каждое звено, да за какие дела оно было получено, никому не рассказывал. А если спрашивали его достаточно долго и настойчиво, то отвечал он в итоге коротко и неохотно: что выполнял приказы и вершил должные дела, и на том весь сказ. То был истинный сын Старой Земли, и видеть его за тюремной решёткой было столь же странно, как корабль на вершине горы.

Он засмеялся, когда увидел Рига в дверях, громким и раскатистым смехом, полным жизни и искреннего дружелюбия, и сам Риг не смог сдержать ответной улыбки. Только Кнут мог так смеяться, проведя две недели в тюремном срубе на воде и хлебе, да в ожидании жестокой казни.

— Славную шутку ты сотворил, маленький братец, — сказал он, не тратя дыхание на пустые приветствия. — Признаюсь, не ожидал. Принёс мне вина? Или может быть мёда? Тот у ярла будет лицо, когда я хмельным взойду по Ступеням. А кто это так благословил твоё лицо? Выглядит скверно.

— Солёный Элоф.

— Ха, а я на Бездомного Стрика подумал, больно уж он дикий норовом. И как оно, когда тебя, молодого, старик заборол да разукрасил?

— Он крепче, чем кажется.

— Или ты мягче, чем должен быть, — ухмыльнулся старший брат. — Ну да ладно, не закипай, опытному глазу сразу видно, что у Элофа ещё довольно соли течёт по венам. Его уж какой десяток лет недооценивают, и десятка два юнцов его, старого, вызывали на поединок, а он всё живой. Не про каждого ворлинга скажешь, что он до полной седины дожил.

Риг предпочёл не продолжать разговор о своём позоре, поспешно сорвал ключ, висящий на крюке возле двери, после чего направился к решётке. Лицо Кнута мигом утратило задорное веселье, стало серьёзным и острым, точно скальная гряда, о которую ночами разбиваются корабли.

— Не стоит тебе здесь быть, маленький братец.

— Тебе тоже не стоит.

Риг бросил настороженный взгляд на дверь, но всё было спокойно. Он торопился и не сразу попал ключом в замочную скважину.

— Подожди, Риг, повесь ключ на место. Забери меня вся поганая дюжина, я рад тебя видеть, но я никуда не пойду с тобой, уж точно не буду сбегать украдкой, словно настоящий преступник. Если я преступил закон, то я и отвечу перед законом.

— Дорогу ярлу ты преступил, а не закон, — Риг дважды провернул ключ в замке и распахнул дверь. — И отвечать будешь перед ярлом, если не поторопишься.

Кнут бросил взгляд на открытую перед ним решётку, потом посмотрел на младшего брата и поднялся, скрестив руки на груди и возвышаясь над ним, точно гора, на добрых полторы головы.

С раздражённым вздохом Риг зашёл ему за спину, попытался сдвинуть с места, но даже две недели в заключении будто бы и капли сил у Кнута не отняли, и уж точно не убавили у него упрямства. На мгновение они словно бы вернулись в детство, когда совсем ещё маленький Риг пытался выйти из дома, а сидящий к нему спиной посреди прохода Кнут делал вид, что не замечает младшего брата и его жалких попыток, пока вся остальная семья надрывалась от смеха. Кнут всегда любил эту шутку, повторял несколько раз. Иногда довольно долго.

— Дурак! — крикнул Риг, ударив брата кулаком по могучей спине, после чего крепко зажмурил глаза и приподнял голову, постоял так немного. — Ты что, не понимаешь, что случится завтрашним утром?

Кнут пожал плечами:

— Будет суд.

— Будет представление, а не суд! Они разыграли одно, чтобы запереть тебя здесь, и завтра разыграют другое.

— Есть законы.

— Ярл плевал на законы! Сел на гору из золота, и смотрит на нас сверху вниз – ближе уже к Сонцевору и другим богам, чем к честным людям. И каждый вокруг промолчит и отведёт взгляд в ту сторону, где его монеты прозвенят.

— Закон Севера един для всех, Риг. Ты из нас умный, ты сам знаешь, что никто и никогда в Старой Земле не будет выше закона, даже ярл. Особенно ярл.

— Дурак!

Риг попытался вытянуть брата за его цепь, точно упрямого пса, но проще было в одиночку проташить корабль по суше.

— Не понимаешь? Ярл боится, что однажды ты по праву достойного потребуешь место за широким столом, а чуть позже начнёшь смотреть и на его место во главе этого стола. Он

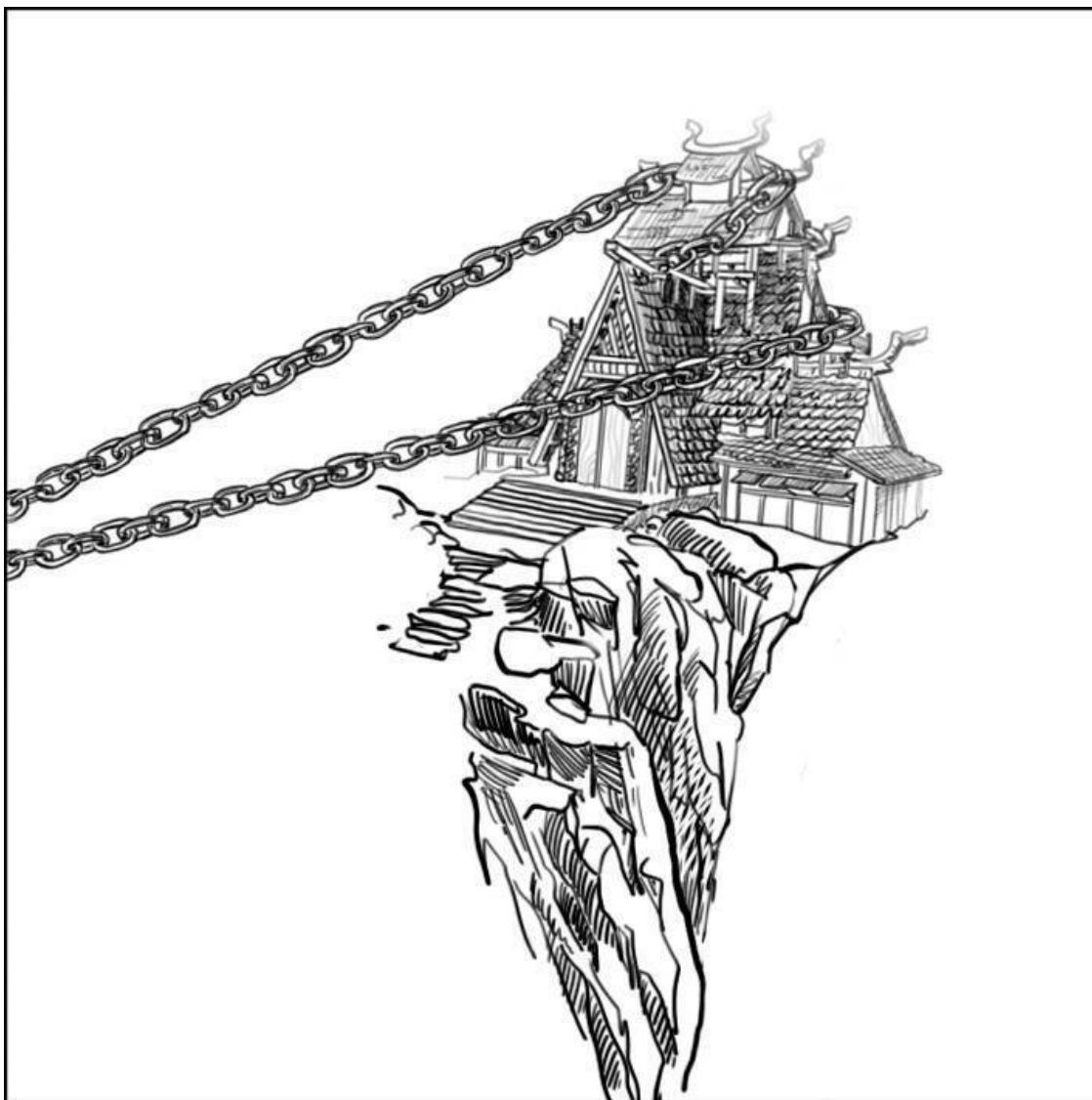
костью ляжет, но снимет длинную цепь с твоей шеи. Сделает это, даже если придётся топор в руки взять, и руки испачкать.

Кнут снова засмеялся, как будто Риг сказал что-то необычайно остроумное, как будто не казнят его следующим днём за выдуманное преступление.

— С чего бы он стал ждать столько лет? Я не вчера первое звено получил, и ни для кого не секрет был, что в бою у меня доблести достаточно. Но Торлейфу Золотому это всегда это было безразлично. В случае нужды он себе ещё звеньев купит у бедолаг вроде Элофа Солёного, вот и вся ему с моей стороны угроза.

Кнут снова сел на своё место, подогнув ноги под себя и не переставая улыбаться.

— Ты когда врага обезоружить хочешь, ты же не по топору ему сечёшь, ты руку пытаешься задеть, что оружие держит. Риг, Торлейфу нет до меня никакого дела, и никогда не было. Но не прошло и недели с начала твоей цепи, как он стал косо смотреть в нашу сторону, видеть твоё отражение в собственной тени, — Кнут ласково похлопал по плечу младшего брата своей широкой ладонью. — Ты уж не разочаруй его, ладно?

Глава 2. Чужие люди

Риг вышел из сруба с лицом спокойным, не выражающим каких-либо эмоций. Мать ещё в детстве называла его полумертвым, переживала за то, что её младший сын ничего не чувствует, и он так и не успел сказать ей, что это не так. Чувства у него имелись, просто они были не важны.

Быстрым шагом он спустился вниз и двинулся к городу, прочь от Позорной Скалы и брата, что остался без пригляда охранников и с ключом в руках, но по-прежнему за тюремной решёткой. Дурак. Набитый благородством, упрямый, гордый дурак.

Несмотря на то, что Бринхейм был крупнейшим городом в округе, да ещё и служил последним рубежом перед Белым Краем, стен у него не было, за ненадобностью, а потому никто не помешал Ригу незаметно проскользнуть обратно. Достигнув первых домов, он замедлил шаг и, стараясь не смотреть на тех немногих людей, кого неведомые, но наверняка не самые благородные причины выгнали на улицы в столь поздний час, двинулся к питейному дому. Его узнавали, конечно, не столько за собственные дела, коих пока не было, но по делам отца и старшего брата, шептались вслед неразборчиво. Дело это было привычное, привыкать было не нужно.

Узкие улочки, скользкая грязь, приземистые дома, крепкие люди. Забавно, как Риг знал, благодаря книгам, весь мир, но в то же время никогда не покидал своего родного города, знал лишь эти узкие улочки, слякоть, приземистые дома. Крепких людей он не знал совершенно. По именам мог назвать практически каждого, но несколько человек попались ему на пути, а он не знал, как завести с ними разговор. О чем спросить? Что сказать? Не то, что бы ему этого хотелось, впрочем. Ему и так хорошо.

Питейный дом некогда был домом обычным, где старик Олаф превращал гибкую древесину в хорошие луки, и где после смерти старший его решил луки в этом доме более не делать. Вместо этого сын Олафа стал разливать медовуху и горький эль. Решил он это весьма удачно, и уже через два года расширил дом вдвое, а наливать стал и разное заморское, беря за него втридорога. Помогло ему, конечно, и расположение, прямо на дороге из гавани, на пути у истосковавшихся по дому моряков со свежей добычей, да и протекция ярла тоже была не лишней. Ныне, даже и не зная вовсе местоположения питейного дома, найти его не составляло никакого труда уже по одному только производимому здесь шуму.

Риг не запомнил дороги до питейного дома, а когда он вошёл, никто не обратил на него внимания. Внутри было жарко и пахло чем-то мятно-острым вперемешку со сладким, а грохот кружек и горячих бесед сразу же сделался гораздо насыщеннее. Но что-то было не так этой ночью, непривычно, иначе. Не лёгкий гомон, равномерно размазанный по воздуху от одной стены до другой, а скорее невероятно шумное ядро кутежа в самом центре, со всех сторон окружённое молчанием и тяжёлыми взглядами.

Причиной этого необычного разделения оказались две дюжины заморских гостей, что было для этой части Восточного Берега делом необычным самим по себе. Большинство торговцев из империи, Вореи, или Синбхарада редко заплывали севернее Переломного мыса, да и не было у них на это причины. Единственное, что могли иногда искать здесь редкие посланники ворейских князей или рекрутёры императора, так это храбрость северных мужей да крепость их клятвенного слова, ибо этого добра на границе с мёрзлыми пустошами хватало всегда. В основном потому, конечно, что ничего другого тут никогда и не было.

Вот только чужаки, что той ночью истребляли медовуху и хмель посреди питейного дома, меньше всего были похожи на вербовщиков. Все они были при оружии, и друг на друга похожи были не больше, чем на окружавших их ворлингов, вид при этом имея непременно бывалый, что только подчёркивали шрамами или увечья. Разодеты кто во что горазд, напоминая своими одеждами самых экзотических южных птиц, коих Риг видел в своих книгах, часть звенела

перстнями или серьгами, другие же пестрели плащами или яркими татуировками. Один из иноземцев был полностью лысым, а правая половина его лица по первому взгляду казалась синей из-за мелкой, длинной и непонятной вязи текста. Другой и вовсе оказался серокожим последователем Пророка с самого дальнего юга, но, в отличие от известных представителей своего народа, не имел и намёка на сдержанность: подмигивал дворовым девкам и хохотал во всё горло, показывая абсолютно чёрные зубы. Был среди них и беглый раб из Синбхарада, с огромным клеймом на лбу и вырванными ноздрями, одетый весь в белое и чью голову украшала шляпа с настолько широкими краями, что даже раскинув руки в стороны, у него едва ли бы получилось схватить её за края.

Чужаки расставили столы аккуратным кругом, точно готовясь к осаде, били об пол кувшины с вином, ухватывали в причудливые танцы любых подвернувшихся девок, а также водили с ними хороводы вокруг своего хмурого высокого товарища, и горланили песни на пяти разных языках. Швыряли они направо и налево в равной степени воре́йские монеты, имперские кольца и даже стальные таблички с короткими витиеватыми надписями – слова Пророка, деньги халифата, о которых Риг до этой ночи только читал.

Но более всего в этой шумной братии привлекал внимание мужчина с длинными волосами цвета тёмного пепла и гладко выбритым лицом. Вопреки остальным своим пёстрым товарищам, одет он был исключительно в чёрное, с редкими вкраплениями серебра. Сидящий посреди импровизированного круга из залитых выпивкой столов, любитель чёрного с лёгкой и задумчивой улыбкой тихо говорил о чём-то молчаливому юноше со слепым взглядом, пока его собственные глаза без остановки, но с вальяжной неспешностью осматривали дом и каждого из его посетителей. Их с Ригом взгляды встретились на пару мгновений, зацепились друг за друга, но Риг сразу же двинулся к наливному столу.

За исключением оккупированной иноземцами области в центре, остальная часть питейного дома была по чести распределена между шести городских кланов. Заметное большинство, конечно же, составляли Лердвинги, клан ярла. После того, как Торлейф занял место правителя за длинным столом, дела у них шли хорошо, клан вырос почти вдвое, так как многие внезапно вспомнили, что когда-то давно их дедушка или бабушка были из Лердвингов. Очень удобно.

Многие пытались находить подобное родство у себя до сих пор: кучерявый Свейн, например, сын трофейной рабыни и, скорее всего, кого-то из мужчин Лердвингов, к семнадцати годам уже успел потерять где-то глаз в попытках доказать, что он сын своего отца, а не сын своей матери. Столь отчаянная служба, однако, не принесла ему большой пользы: в обмен на глаз он получил возможность быть прислугой для старших, бегая по их поручениям, да возможность срывать свой гонор на тех, кто ещё не начал свою цепь. Ну и второе имя, конечно же – Свейн Принеси. Обычно названное имя – предмет гордости, но лучше уж жить без имени вовсе, чем иметь такое.

Отдельной группой сидели в углу мелкоглазые отшельники, говорящие неизвестно о чем на своём, им одним понятном языке. Грязная куча из мужчин и женщин, стариков и детей, все как один оборванцы с обветренными и поеденной солью кожей и маленькими глазёнками – тошно даже смотреть. Большая часть из них рождались, жили и умирали на своих кораблях, и по ним это сразу видно. Пираты, контрабандисты, попрошайки, воры, но также иногда и торговцы, да проводники по Мёртвым Землям – только ради последних двух занятий их иногда и терпели в приличных местах, не впуская, впрочем, в города даже близко, так что видеть целую группу на твёрдой земле было, мягко говоря, странно и неожиданно.

Обычно отшельников гнали бы на их вонючие корабли батогамы, да и кланы бы лаiali друг на друга из-за какой-нибудь старой вражды. Но этой ночью никому не было дела до старых мелочных ссор или до корабельных оборвашек, и все как один ковыряли хмурыми взглядами шумное застолье иноземцев, да явно ждали лишь повода.

С такими хмурыми лицами беда была неизбежна, но в тот момент Ригу было все равно. Куда больше его заботил вопрос поиска свободного места: не мог он сесть за столы ни к одному из кланов, не мог, да и не стал бы ютиться с мелкоглазыми отшельниками, и уж точно не пошёл бы искать себе место среди помилованных дикарей, кому разрешили вернуться с Белого Края просто потому, что никто уже не помнит тех преступлений, за которые их клан был изгнан поколения назад. Если не брать в расчёт всех этих людей, обычных столов оставалось не так и много, и все они были заняты теми, кому достаточно было и своего имени: капитаны кораблей, торгоши с Южного Берега, ремесленники, да лесные отщепенцы навроде Стрика Бездомного. Риг не мог отнести себя и к ним. Даже собственное тело казалось ему каким-то незнакомым и лишним, болтающимся сбоку от него настоящего. Может быть, если найдёт он рукой бутылку, а в сердце своём желание поделиться выпивкой, то тогда и место какое сыщется? Мало кто откажется выпить за чужой счёт.

Пока он шёл в дальний конец питейного дома, где на полках стояли ряды бутылок и кувшинов, и разливался из бочек хмель да медовуха, один из иноземцев в ярко-красной рубаше вскочил на стол вместе гитарой. Инструмент был сделан из полированного дерева и выглядел довольно изысканно, особенно на контрасте с руками музыканта, что были покрыты шрамами от жутких ожогов. Изуродованные руки музыкант не прятал, нарочито закатав рукава рубашки до самых локтей. Лихо скинув густые черные волосы со лба и пнув ногой мешавшую ему запечённую свиную голову, он побренчал немного, после чего громко объявил на языке империи:

— Песня о любви!

Это заявление было встречено шквалом пьяного одобрения от его товарищей, которое ещё больше возросло, когда наёмник начал петь неожиданно хорошо поставленным голосом, пусть и с небольшой хрипотцой.

Знавал я девчонку с Золотых Островов
Красивая – просто нету слов.
Но имела причуду, спала лишь у стенки,
И прижимала к ушкам коленки.

А утром пришла худая весть
Девчонка моя потеряла честь.
Теперь мы, увы, не можем быть вместе.
Поищу своё счастье я в другом месте.

Знавал я девчонку из Ворейских лесов.
Дочка купца, знатный улов.
Смеялась громко, заразительным смехом,
И очень богата была своим мехом.

Песню эту Риг знал, как, впрочем, знали её на любом побережье, хотя слова там менялись от порта к порту, каждый куплет высмеивал как минимум один народ или целую страну, а версий у этой похабщины было больше, чем исполнителей. Тем удивительнее, что столь разношёрстная компания, где были представители должно быть каждого королевства со всех сторон света, весело и задорно подпевали оскорбительным для их родины словам. Разве только на Старой Земле помнят, что такое гордость и честь?

Тем не менее, под пение и хохот иноземцев, Ригу удалось добраться до наливного стола, где хозяин, Мизинец Олафа, как его теперь все зовут, смерил нового посетителя хмурым взглядом. А после демонстративно убрал с глаз два кувшина, словно и не сын Бьёрга, Солнца Севера, пришёл в его дом, а мелкоглазая крыса из отшельников. Скрестив крепкие руки на груди,

Мизинец демонстративно поправил свою цепь на запястье – восемь звеньев. Денег у Рига не было, и они оба это прекрасно знали. Но был топор отца, бесполезный в его руках, лишняя тяжесть и напоминание о собственной немощи, который Риг после короткого колебания выложил перед хозяином. Мизинец ответил вздохом и осуждающе покачал головой, но оружие, тем не менее, взял, взвесил его в руке, потрогал лезвие кончиком пальца, сделал пробный взмах и кивнул, словно понимал в этом хоть что-то. Пошарив где-то возле пола, хозяин поставил перед Ригом полупустую глиняную бутылку с мутноватой жидкостью и подозрительным осадком на дне.

Певец меж тем уже успел пройти по серокожим девицам из земель Пророка и диким островитянкам с эбонитово-черной кожей, что ловко прятались в темноте и незаметно сменяли одна другую в постели героя до самого утра. Песня, впрочем, все не заканчивалась, и музыкант продолжал веселить товарищей, подбадривающих его хлопками, стуком кружек по столу и выкриками. Некоторые пытались даже подпевать, насколько позволял им талант и опьянение.

Знавал я девчонку из Синбхарада
Такой и мама твоя будет рада.
А еще она шла в подарок с сестрой.
Самое время мне уйти на покой.

Но утром пришла худая весть
Девчонка моя потеряла честь.
Теперь мы, увы, не можем быть вместе.
Поищу свое счастье я в другом месте.

Певец прижал струны рукой, обвёл слушателей лихим взглядом заговорщика, ухмыльнулся. Товарищи застучали по столам громче прежнего, подбадривая его и требуя продолжения. Лишь двое из них не разделяли общего веселья – слепой юноша и человек в чёрном, который смерил певца грозным взглядом.

Но певец лишь усмехнулся в ответ и ударил по струнам.

Знавал я девчонку со Старой Земли
Она кричать могла до зари.
Но была и преграда для меня, храбреца
Кричала девчонка лишь в доме отца.

Не все ворлинги знали железный язык, на котором принято изъясняться в Империи и, как следствие, во всем остальном мире когда речь заходит про деньги. Не все, но очень многие. Никто из них не стал бросаться угрозами или поднимать крик, но все мужчины тотчас же встали со своих мест, как будто работники, у которых закончился перерыв и предстоял очередной этап привычного и необходимого труда.

В этот момент человек в чёрном аккуратно поставил свою кружку на стол, и в наступившей тишине этот негромкий звук прозвучал как удар молотка. Голос его был не менее спокойным, с ноткой скучающей задумчивости, как будто необходимость отвлекаться на эту ерунду была для него неизбежной, но в то же самое время абсолютно недостойной обязанностью.

Со стороны наёмников же, считай, никто и не почесался. Лишь один молодой парень встал из-за стола, и было даже удивительно, насколько он был среди них неприметен. Коротко-стриженный и немного сутулый, он в первую очередь привлекал внимание своими большими и добрыми глазами, которые весьма странно смотрелись в соседстве со сломанным носом, кости которого срослись не совсем ровно. В отличие от своих товарищей по оружию, одет он был

неброско и небогато, в выдавшую всякое серую стёганку, поверх которой был простой нагрудник – насколько мог заметить Риг, только у этого наёмника и была в тот вечер надета хоть какая-то защита. Выглядел нагрудник весьма крепким, и портила его спокойную внушительность лишь вмятина посередине, точно в районе сердца: неглубокая, но покрытая следами ржавчины.

Но ещё до того, как северяне двинулись к парочке наёмников, слово сказал человек в чёрном:

— Довольно, Финн. В очередной раз ты доказал всем и себе самому, что ты наёмник, а не кузнец, — он вытер рот белым платком, встал из-за стола и взял не оружие, но массивную трость с резным набалдашником. — Очень хорошо. Но пока ты ходишь под моим знаменем – ты представляешь это зная.

— У тебя нет знамени, мой король.

Названный королём мягко улыбнулся.

— А у тебя нет права решать, кого я оскорбляю и с кем я буду сражаться. Но ты почему-то стоишь над всеми, возвышаешься, словно петля больше не жмёт твою шею.

Названный Финном гневно втянул воздух широкими ноздрями, случайно или умышленно демонстрируя свою шею, где навечно остались шрамы от грубой верёвки. Со стола он спустился прыжком, посмотрел на своего предводителя с вызовом.

— Значит так, да? — спросил он, поставив музыкальный инструмент у стола и поднимая сжатые кулаки. — Ну, давай, Ваше Величество, подходи. Помахаемся. Ты мне не король, Браудер, ты мне никто. Своим так называемым «рыцарям» приказывай, а я буду делать то, что сам захочу.

Лишь в этот момент Риг понял, кто перед ним. И хотя не раз он читал его описания в книгах и донесениях, увидев живую, всё равно не признал сразу. Потому, в основном, что на вид был перед ним обычный человек, из плоти и крови. А на самом деле – легенда.

Перед тем как ответить, Браудер Четвёртый, принц Эриндаля, Безземельный Король и глава отряда наёмников под названием «Рыцари Эриндаля», поднял правую руку. Он лишь показал Финну тыльную сторону своей ладони, после чего демонстративно загнул один палец за другим, и ещё мгновение назад пышущий гневом наёмник скрипнул зубами, отвёл взгляд.

Безземельный Король, однако, драться как будто и не собирался: сидел спокойно, глядя на Финна с некоторым скучающим высокомерием. Так человек смотрит на лошадь, что силой превосходит его многократно, но что носит седло на спине и жуёт удила. После этого он посмотрел на неприметного наёмника, что единственный поднялся на защиту певца.

— Бартл, раз ты уже встал, будь любезен.

Когда же названный Бартлом вышел из-за стола и встал напротив Финна, стало очевидным и их сильное внешнее сходство, разве что дерзкий певец был чуть более коренастый. Но сомнений не было никаких – друг против друга стояли два брата, и Финн, судя по виду, был из них старшим.

— Мне это тоже неприятно, — сказал Бартл бархатистым голосом, поднимая сжатые кулаки и вставая в пружинистую бойцовскую стойку.

— Ага, — Финн тоже поднял руки, стал осторожно смещаться вправо. — Мы оба знаем, что это не совсем правда.

Они медленно кружили друг с другом, постепенно сближаясь, и Риг смотрел вместе со всеми, позабыв на мгновение и о своих делах, и о своих проблемах. Пока неожиданно Финн вдруг не замер да не отпустил руки, поднимая беззащитное лицо навстречу брату.

— Да пошло оно всё в Бездну, — успел сказать он, прежде чем кулак младшего брата тараном влетел в его челюсть.

Певец пошатнулся, но устоял, крепко потёр челюсть в том месте, куда пришёлся удар. После второго — сплюнул кровь с разбитой губы. Он стоял ещё некоторое время, держа руки

опущенными, не делая никаких попыток защититься, пока Бартл методично наносил удар за ударом, и было что-то жуткое в этом спокойном насилии. Наконец Финн упал.

— Довольно, — сказал Безземельный Король.

Бартл уже успел присесть над упавшим братом, занёс окровавленный кулак. В таком положении он и замер, одной рукой удерживая брата за горло, до хрипоты, а второй приготовившись нанести следующий хлёсткий удар. Рука Бартла дрожала от напряжения. В таком положении братья провели не более пары мгновений, но всё равно это показалось слишком долгим. После Бартл медленно отпустил старшего брата, и так же медленно, можно даже сказать аккуратно разжал кулак и поднялся на ноги, своим собственным телом управляя с той же настороженной уверенностью, с каким псарь ведёт дрессированных собак.

Ворлинги, меж тем, вернулись на свои места с одобрительным гомоном. Некоторые были недовольны тем, что нормальная драка не состоялась и не смогли они померяться силой с чужеземцами, но большинство сочло наказание наглеца справедливым, а само зрелище вполне удовлетворительным, хотя и немного странным.

«Имперцы», — вынес вердикт кто-то, и многие согласились.

Риг же вернулся к поискам свободного места. Оглядев переполненный зал, он увидел пустой стул лишь возле одного стола, где в поистине гордом одиночестве сидел Вэндаль Златовласый. И хоть сам Вэндаль был из клана Лердвингов, сел он от них как можно дальше, и даже головы в их сторону не поворачивал. Никто, впрочем, и не искал его общества, и так оно было всегда.

Владеющий мечом столь искусно, что даже после множества походов он так и не получил ни одного шрама, Вэндаль пользовался славой одного из лучших мечников на всём Восточном Берегу. Однако искусен он был не только с оружием в руках, и отметился огромными познаниями во многих науках, а также кораблестроении, кузнечном ремесле, успехах в верховой езде, картографии и в гончарном деле. Он буквально без всякого труда преуспевал во всём, за что бы ни брался, и был при этом красив настолько, что это вызывало отвращение. Однако к своим сорока годам не имел ни жены, ни друзей, и лишь несколько пленных слуг в его большом доме составляли ему компанию, но Риг не видел, чтобы он разговаривал и с ними.

Уже не первый год ходили слухи, что цепь Златовласого втрое длиннее, чем у ярла, однако проверить это не было никакой возможности. Цепь свою никому он не показывал, а все новые звенья просто скидывал в массивный кованый сундук у себя дома, и на все вопросы отвечал той самой ухмылкой, из-за которой так и хотелось выбить ему зубы.

Ещё в те годы, что Вэндаль по приказу отца обучал Рига наукам метафизики, тот прекрасно понял причину, почему люди сторонились этого славного и будто бы неуязвимого воина. Он всегда и на всех смотрел так, словно собеседник утомил его ещё до начала беседы, а презрительная ухмылка на его лице появлялась так часто, что вокруг неё уже стали появляться крошечные морщинки. Впрочем, даже эти морщины необъяснимым образом сделали Вэндаля ещё привлекательнее.

Именно такой вот ухмылкой Вендаль и скользнул по Ригу, когда тот сел с ним за один стол. Хотел, по всей видимости, что-то сказать, но сразу же передумал и лишь коротко фыркнул, что невольно вызвало бурление ярости в душе Рига. Многие на севере смотрели на Рига с непониманием или даже презрительно, ведь он не бегал, как дурной, с топором и не хватался за оружие при любом шорохе. Но никто не смотрел на него, некогда сына и наследника ярла Бьёрга, свысока. Безмерным было желание стереть эту едкую ухмылку, желание сломать это слишком красивое для мужчины лицо, но Риг не обольщался по поводу своих шансов.

Некоторые время от времени зовут Златовласого на круг, но тот раз за разом с раздражающей лёгкостью доказывает всем, что его по праву многие почитают за лучшего воина на всём Восточном Берегу. Никогда при этом он не убивал противника и лишь выставлял того неуклюжим шутком, подвергал унижениям, вырезая на их спинах первую букву своего имени

или оставляя без штанов. Всеобщая неприязнь самого Вэндаля как будто и не беспокоила, он никогда сам не искал мужского общества, а девушек предпочитал доступных, а ещё лучше оплаченных монетой, хотя наверняка имел бы большой успех и у женщин достойных, пожелай он этот успех иметь. Риг завидовал ему и в детстве мечтал быть похожим на своего наставника. Его безразличию и независимости он завидовал до сих пор.

В итоге Риг тоже не стал ничего говорить, вытащил пробку из своей бутылки, наполнил до середины стакан и выпил содержимое одним махом. Делая подобное, для мужчины с Севера важно удержать спокойное, по возможности даже скучающее выражение лица, и Риг, хоть и с трудом, но кажется преуспел в этом деле. Однако единственным зрителем был Вэндаль и тот не мог придать Ригу меньшего значения.

— Молодец, — послышался голос позади. — А теперь проваливай, ты занимаешь моё место.

Обернувшись, Риг увидел Стрика Бездомного с двумя пустыми стаканами в руках и свежим синяком под левым глазом.

— С кем ты успел подраться? — спросил Риг.

— Не твоё дело, сын мертвеца. Тебя самого кто разукрасил?

Риг дотронулся до верхней губы и почувствовал лёгкую боль, а посмотрев на палец, увидел на нем капельку крови. Элоф, похоже, постарался на славу.

Стрик засмеялся своим отвратительным лающим смехом и, хлопнув Рига по плечу, взглядом указал на его бутылку.

— Угостишь?

— Нет.

— Ну тогда и убирайся в Край.

И с этими словами старик схватил его за шиворот и грубо выпихнул со стула, швырнув на грязный пол. После он спокойно уселся на освободившийся стул, развернув его и положив руки на спинку. Риг вскочил на ноги через мгновение, рука его метнулась к петле на поясе, но только лишь для того, чтобы нащупать там пустоту.

Неважно.

Быстрый и сильный удар в висок может вызвать столкновение мозга со стенкой черепа, кратковременную потерю сознания. Сбоку от лица, между линией волос и бровью, на уровне глаз.

И что дальше? И что потом?

Смерив презрительным взглядом это грязное отребье, Риг молча схватил со стола свою бутылку и ушёл. За спиной услышал голос Вэндаля:

— Разве ты не должен был до утра охранять его брата?

— Дураки стерегут себя сами. А теперь заткнись и налей мне выпить.

Вэндаль засмеялся, а потом сказал что-то ещё, но Риг уже не разобрал его слова.

Уселся, за неимением других мест, возле двери, прямо на пол, посреди помилованных отбросов с Белого Края без цепи. Те не знали ни мира, ни языка, а потому кучковались обычно друг с другом, пока не издохнут или не поползут всем скопом в сторону южного берега. Было что-то горько-упоительное в том, чтобы с ноткой театральности опуститься на самое дно: сидеть среди низших людей, чувствовать, как сквозняк пробирает до самых костей и выжигать внутренности дешёвым пойлом. Риг сделал большой глоток прямо из горла и закашлялся от горечи. Никто не обратил на него внимание.

В балладах и песнях герои часто искали утешения в вине или медовухе, и в детстве Риг видел в такой печали особую доблесть. Однако сейчас, в пьяном гомоне питейного дома и пустоте внутри его сердца, он не видел ничего доблестного. Он просто делал глоток, потом другой, и мысли в голове становились медленными и вязкими. Непонятно, как кто-то мог находить в этом хоть какое-то облегчение — оно не легче, оно просто иначе.

Новые планы, один глупее другого, всплывали в его одурманенном разуме. Он думал о том, чтобы нанять отряд Безземельного Короля и силой вытащить Кнута из плена, с боем прорваться к кораблям, отплыть к родственникам на Западный Берег. Это звучало довольно безумно, но Король имел славу человека, за хорошую цену способного сотворить что угодно. Как человек, заплативший за выпивку отцовским топором, хорошую цену Риг позволить не мог.

Позже ему пришла в голову идея устроить пожар в городе, воспользоваться суматохой, но пришлось признать – Кнут предпочтёт сгореть заживо, но останется в проклятой клетке. Была мысль потянуть время, послать письмо за помощью к родне на другой конец Старой Земли, но их клан едва ли поднимет знамёна ради сухой ветки семейного дерева – отец Рига позаботился об этом очень давно, рассорился на родине со всеми, с кем только было можно.

И ещё много, много других, не менее бесполезных идей. Просто череда плохих планов, которые вернее было бы даже назвать фантазиями, как и всегда. Когда брат и сестра решались попробовать его предложения, конец всегда был один – они продавали часть своих вещей, чтобы не поцеловать дно от голода. Раз за разом, по непонятной причине продолжая верить ему, следовать за ним в очередной отчаянной аванюре. Просто потому, что на краю их мира было принято говорить о том, как умён юный Риг, сын Бьёрга, а умный человек наверное и план может предложить хороший.

Умный Риг, без названного имени, и его череда плохих планов.

И теперь Кнут умрёт.

Сам виноват. Дурак.

— Да пошло оно всё в Бездну, — сказал тихо Риг на имперском.

Сделал долгий смачный глоток из бутылки и отметил, что противный вкус уже больше не ощущается. Это интересное наблюдение отвлекло его на некоторое время, пока мысли вновь, точно в яму, не скатились к брату и глупым планам его освобождения.

Собственно, план пробраться ночью на Позорную Скалу был ничем не лучше, в тот момент Риг готов был это признать. Он весьма смутно представлял, что делать после того, как брат согласится на своё спасение, и, даже если бы им удалось покинуть город живыми и оторваться от погони, дальнейшие их перспективы выглядели безрадостно. Единственным правдоподобным выходом было бегство в северные пустоши, на Край Мира, но, сказать по чести, даже смерть на плахе выглядела слаще. Есть причины, почему именно туда ссылали целыми семьями и кланами на несколько поколений, и почему даже самые могущественные ярлы предпочитали соблюдать законы Севера, чтобы этой участи избежать.

Вздохнув, Риг отпихнул в сторону пустую бутылку, пронаблюдав, как она катится по липкому полу и собирает крошки и прочий мелкий мусор, пока не увязла полностью. После сложил руки на коленях и уронил на них тяжёлую голову. С закрытыми глазами питейный дом кружился кругом, но когда Риг ухватился за собственные колени, то стало полегче.

— Кто хочет новую песню? — послышался крик из середины зала.

Множество одобрительных криков пошли в ответ, и вскоре вновь послышалась мелодия струн и песни пьяного наёмника в ярко-красной рубахе по имени Финн. Есть люди, которым и разбитое лицо как будто бы не способно умерить куража. Впрочем, в этот раз наёмник выбрал более мирную песню, ритм для которой извлекал не только из своего инструмента, но и громко топая по полу.

Я лихой мат-рос.

Я в море вы-рос.

Сбежал в пять лет из дома,

И в море вы-рос.

На припеве подпевали ему не только товарищи, но и некоторые ворлинги: бывалые торговцы или ветераны Заморского легиона пели так же на железном языке, а кто помоложе и на имперских берегах бывал пока не часто, горланили слова на старом наречии. Впрочем, ни разные языки, ни разное дело или место рождения не мешали торгашам, иноземным наёмникам, северным налётчикам, рыбакам и пахарям слиться в этой общей, многоголосой волне.

Я вижу восход солнца, о-о-о.
Я вижу восход солнца, о-о-о.
Я вижу восход солнца,
Приходит новый день.

Только Риг и прочие обитатели пола были чужие на этом празднике. Сбитые с толку выходцы с Белого Края так и вовсе смотрели вокруг испуганно, отчасти благоразумно ожидая от шумной и теперь единой толпы неприятностей. Почувствовав к своим временным «сотрапезникам» резкое и сильное отвращение, а ещё больше отвращения к себе, Риг встал и направился к выходу, слегка пошатываясь при ходьбе. Все взгляды посетителей вновь были прикованы к наёмникам Короля, и никто не заметил его ухода, ровно как и пропажи с одного из столов боевого ножа, коим резал мясо заснувший за столом воин. Мясо Риг тоже забрал с собой.

Снаружи тьма медленно отступала, хотя солнце ещё барахталось где-то в море. Снег уже прекратился, но вот воздух ещё не прогрелся, и был всё таким же промёрзлым и жгучим. Это к лучшему – мороз прочищал голову.

Запахнув плотнее свой потрёпанный плащ, Риг двинулся вверх по улице, и песни наёмников становились всё тише, по мере того как он удалялся от чужого веселья.

Меня ждут в те-пле.
Я сплясал в пет-ле.
Заснул ночью на вахте,
И сплясал в пет-ле.

Я вижу восход солнца, о-о-о.
Я вижу восход солнца, о-о-о-...

Прохожих в этот час было немного – слишком рано для дел хороших, слишком поздно для дел плохих. Немногие, застигнутые утром на улице бедолаги изучали землю под ногами, топали и дышали на руки, чтобы согреться в ожидании неизвестно чего, но Ригу казалось, что каждый зацепился за него взглядом, и что если он обернётся, то увидит, как люди смотрят ему в след.

Он не оборачивался. Шагал не быстро и не медленно, сдерживал себя, старался не привлекать внимания, и с каждым шагом его оборванный, но сохранивший память о богатстве плащ казался ему всё ярче и всё заметнее. Не было никаких сомнений, что этот плащ в итоге его и выдаст. Однако Риг продолжал идти, вверх по улице, всё ближе и ближе к дому ярла Торлейфа. И рукоять ножа, что он прятал под своим плащом, становилась как будто бы легче.

Как и положено, дом правителя стоял несколько в стороне, обнесённый высоким забором, и на первый взгляд выглядел достойно, как будто бы и не лучше прочих. Но если присмотреться, можно было заметить, что дерево, из которого построен дом, не местной породы, ручки на дверях отлиты из металла и украшены маленькими, едва заметными узорами, а в окнах второго этажа было видно стекло, расписное, но заметить это с улицы можно было лишь если взглянуть на него под определённым, не самым удобным углом.

Окна эти в предрассветный час смотрели сверху вниз своей бездонной чернотой, точно живые, вглядываясь в самую душу. Риг этот взгляд проигнорировал, прошёл вдоль забора, прижав руку к лакированному дереву и вырезанным рисункам, повествующим о том, как поганая дюжина встала на плечи равным, назвала себя богами, заявила права на общее и требовала поклонения. Странный выбор сюжета для забора вокруг дома ярла, особенно для того, что и сам уже на полпути между достойными людьми и прогнившими богами.

Чувствуя под пальцами фрагменты истории и зазоры между досками, Риг обогнул дом и дошёл до участка с большим чёрным пятном, которое было похоже на глаз и которое немного пугало его в детстве. Аккуратно надавив в этом месте, Риг раздвинул две доски и с трудом протиснулся в получившийся лаз – когда в нем мальчишкой была лишь половина роста, делать это было куда удобнее. Попад внутрь двора, он быстро вернул всё на место, и в этот момент услышал за спиной тихий рык. Обернулся медленно, стараясь не делать резких движений.

Огромный сторожевой пёс с большим шрамом прямо посреди морды и без половины левого уха, смотрел на Рига суровым взглядом и скалил огромные зубы. Верёвка, которой была обмотана его шея и которая крепилась к стене дома за массивное железное кольцо, несколько успокаивала, но выглядела слишком уж тонкой и доверия не внушала.

— Здравствуй, приятель.

Риг присел на корточки, достал кусок мяса из кармана, жестом поманил пса. Тот, не прекращая угрожающе рычать, медленно подошёл, обнюхал сначала руку гостя, потом еду, и, одним резким укусом, который едва не стоил Ригу пальцев, схватил угощение.

— Давно не виделись, Нук – Риг почесал массивную голову пса рядом с обручком уха, дал понюхать ладонь. — Прости, что так вышло. Как служба?

Пёс, уже успевший разжевать и проглотить мясо, радостно гавкнул, после чего открыл рот и вывалил длинный красный язык, всем своим видом показывая, что не против ещё одного угощения.

— Рад слышать, что всё у тебя, великана мохнатого, хорошо. Правда рад. Ты только не шуми, пожалуйста, ладно? Я к твоему хозяину в гости хочу зайти, на минуточку. Хочу сделать сюрприз. Понимаешь?

Нук ответил громким лаем и облизал Ригу лицо.

— Хороший пёс.

Риг почесал густую шерсть на шее животного, в том самом месте, где обхватывала её верёвка, и медленно вытащил спрятанный нож.

— Кто здесь хороший пёс, Нук? Кто тут хороший пёс?

Это просто разумно. Животные – рабы своих инстинктов, с ними нельзя договориться. Неизвестно, как сторожевой пёс отреагирует на кровь своего хозяина, и велика вероятность, что отреагирует он не очень хорошо. Даже маленькая вероятность – слишком много.

Нук стал прыгать вокруг Рига, игриво насккивал и пытался повалить на землю, махал обручком хвоста. Верёвка, за которую он был привязан к дому ярла, была очень длинной и, по всей видимости, нисколько ему не мешала. Он, пожалуй, и не знал даже о её существовании, свободный бежать куда пожелает его душа, покуда только душа его желала бежать не дальше забора. Печальная участь для гордого зверя.

Риг почесал Нука за ухом, взял за шею, и тяжело вздохнул.

Стал резать верёвку. Работа оказалось не такой и простой, как на первый взгляд, так как верёвка, хоть и тонкая, оказалась весьма прочной и лезвию ножа, которым недавно мясо резали, поддавалась неохотно. Да и сам Нук не облегчал задачу, вертясь как самый настоящий непоседа, периодически делая паузы, чтобы вновь лизнуть Ригу лицо или радостно полаять, рискуя разбудить и привлечь внимание людей внутри дома.

Наконец успевший вспотеть Риг совладал таки с проклятой верёвкой и улыбнулся Нуку, потрепав того по холке.

— Ты здесь хороший пёс.

Риг поднялся, вернулся обратно к забору, открыл потайной лаз.

— Пошли, приятель. Давай.

Однако Нук лишь продолжал играть с ним, пытаясь схватить его за ногу, и то ли стащить его сапог, то ли затащить к себе. Риг вырвался, вновь позвал пса к свободе, но тот как будто и не видел дыры в заборе, или же простой верный разум собаки не мог осознать саму идею того, что в заборе есть проход и он может туда уйти да не вернуться.

Риг бросил ещё один взгляд на дом Торлейфа, взгляд долгий и преисполненный сомнений, после чего сам ушел через дыру в заборе, один, махнул псу рукой.

— До встречи, приятель.

Нук гавкнул ему на прощание.

Снова поднялся ветер и начался дождь, но в этот раз раздражающе мелкий, морозящий и без снега.

Украденный нож Риг сначала хотел вернуть владельцу, потом стал думать, в какое надёжное место его можно спрятать, но в итоге оружие стало ему противным. В итоге оно нашло свой приют в ближайших кустах.

Неспешным шагом Риг дошёл до моря, подставляя хлёсткому ветру лицо и стараясь моргать как можно реже. Море, красное от восходящего солнца, было красивым и равнодушным, неспешно накатывая на каменистый берег с тихим, почти ласковым шипением, чтобы всего лишь через мгновение безропотно отступить, оставив на прощание быстро истлевающую пену.

Глава 3. По законам Севера

Суд над Кнутом был назначен на рассвете. К тому моменту, как Риг пришёл на главную площадь, не явились ещё многие, но свободного места почти не осталось. Каждый из шести кланов отвоевал себе своё место вокруг массивных каменных ступеней в центре, кто лучше, кто хуже, и все они держались своих, образуя тесные отдельные толпы народа. Между ними оставалось достаточно места, чтобы там могли пройти два человека, ежели они будут шагать в обнимку, но дураков, желающих вклиниться в эти свободные места и оказаться меж молотом и наковальней, не находилось. Если не считать, конечно, Златовласого Вэндаля, преспокойно стоящего посреди двух враждебных его семье кланов и лениво покусывающего ярко-красное яблоко. Злобные взгляды со всех сторон ему при этом совсем не докучали.

Были на площади женщины, одетые нарядно, едва ли не празднично, были и дети, но совсем немного, буквально две-три дюжины мальчишек и пара девчонок из Лердвингов. Мужчины расчесали волосы и бороды, надели кто лучшие костюмы и яркие рубахи, а кто и кольчугу. Люди явились на праздник.

Но в то же время собравшиеся мужчины, все из них, от покрытых шрамами воинов и умудрённых сединами старейшин до простых ремесленников и безбородых юнцов, старались показать себя сильными и опасными. Стоя при этом в широкой тени своего клана, собираясь кучами, плечом к плечу со своими против чужих. Над площадью царил лёгкий гомон сердитых голосов.

Медленно падал редкий, мелочный снег.

Взглядом окинув собравшихся, Риг увидел несколько славных ворлингов, что ещё недавно звали себя его друзьями, клялись в верности, и вместе с ним планировали свержение Торлейфа. Они называли Рига законным правителем, верили в это больше, чем он сам, и давали слово, что поднимут оружие по его зову. А он верил им, или, если быть до конца честным, скорее верил в их жадность. Однако стоило ярлу лишь один раз показать свою власть, все как один отвернули головы, спрятали глаза – важный урок о купленной верности.

Риг на самом деле и не держал на них большой обиды, полагая в том свою вину: доверяться жадным предателям есть тоже, что ставить сторожем над мышами пару голодных котов. Они лишь те, кто они есть, и не их вина, что дешёвая их преданность стоит действительно дешево. Ему самому следовало быть умнее.

Возможно, тогда его брата не осудили бы на смерть.

Под громкий шёпот и липкие взгляды Риг прошёл к Одинокому Дозорному – могучей статуе в дальнем конце площади. Вечный страж, как всегда, стоял гордо, уперев древко каменного копья в широкий свой постамент и держа голову высоко поднятой, безразличный к делам людей под его ногами. Можно было лишь догадываться, о чем он думает, какими мыслями наделил его лицо неизвестный скульптор – столетия прошли, прежде чем вокруг статуи вырос город, но ещё до того, как вернувшиеся с Края двенадцать семей построили вокруг неё свои первые хижины, ветер уже успел обтесать лицо Дозорного до ровного, гладкого камня. Именно подле него теперь и столпились безродные скитальцы, опустившиеся до бесчестия пьяницы, клятвопреступники, воры и прочий сброд, веса цепи на шее не имеющие. Примкнули к ним и вернувшиеся с северных пустошей потомки изгнанников, большинство из которых после нескольких поколений вдали от цивилизации и человеческой речью-то владели не в полной мере, а повадками своими иной раз напоминали больше дикое лесное зверье. Славная компания.

Одним из возвращённых, что звался лишь прозвищем Бешеный Нос, был жуткий на вид дикарь с красным, обветренным лицом, одетый в шкуры и перештопанные куски ткани. В отличие от большинства дикарей, он не погибал от голода, да и на юг не уходил, проживая уже

который год где-то на окраине и выживая охотой. Впрочем, на полноценного ворлинга Бешеный Нос все равно похож не был: зыркнув на Рига, точно лесной зверь, он, казалось, вот-вот сорвётся с места и пустится бегом, не разбирая дороги. Но он все же остался стоять где стоял, поглядывая исподволь. И Ригу не нравился его взгляд, слишком осмысленный для дикаря, слишком внимательный. Может быть, Бешеный Нос просто чувствовал себя чужим к югу от Белого Края, и потому был насторожен. А может быть это взгляд шпиона.

— У тебя оса летает, рядом с левым ухом, — сказал ему Риг.

Бешеный Нос резко повернул голову налево, но естественно никаких ос не увидел – до лета было ещё далеко. Вот только пришедшие с Края были все были точно рыба на берегу, и Бешеный Нос мог даже не знать, что такое оса и как на неё нужно реагировать, однако напугать его Риг и не пытался. Хотел лишь знать, понимает ли дикарь человеческие слова, чтобы потом иметь возможность повторить их ярлу. Как выяснилось – понимает.

Бросив на возвращённого презрительный взгляд, Риг демонстративно отошёл от него подальше. Не столько потому, что у него оставалось много секретов или было хоть какое-то желание вновь испытывать судьбу, но просто из отвращения к подобному бесчестию. В итоге Риг оказался рядом со Стриком.

— Здравствуй, сын мертвеца, — бродяга бросил взгляд на каменные ступени в центре площади и ухмыльнулся, но больше ничего не сказал.

Риг предпочёл грязного пьяницу и вовсе игнорировать, что в целом было не трудно – тот явно был не любитель поговорить. Не получив ответа, он тут же утратил к Ригу всяческий интерес и вернулся к молчаливому созерцанию Каменных Ступеней, что его, по всей видимости, вполне устраивало.

Народ, тем временем, продолжал прибывать, заполняя площадь ничуть ни меньше, чем когда умер Бьёрг Солнце Севера. Вскоре между кланами уже невозможно было пропихнуть и монетку и то тут, то там стали вспыхивать ссоры, припоминаться старые обиды и тут же плодиться новые. Именно об этом и говорил долгие годы отец Рига, пытаясь покончить с их застарелой враждой, и все они согласно кивали головами и поднимали кубки за его здоровье. А потом уцепились друг другу в горло ещё до того, как солёное море взяло его обратно. Риг смотрел на них со смесью злости и обиды, плавно перетекающих в мелкое злорадство: не желающие меняться, неизменными и погибнут. Туда и дорога.

Одним из последних неспешно пришёл Элоф Солёный, и тоже нашёл своё место у ног Дозорного, по левую руку от Рига.

— Жаль, что до этого дошло, парень, — сказал он вместо приветствия.

Риг кивнул, но ничего не ответил. Это была не то чтобы какая-то большая поддержка со стороны старого воина: встать рядом да выразить сожаление. Но это было куда больше, чем Риг мог ожидать в своём положении, и уж точно больше, чем со стороны других жителей их славного города.

— Признаюсь, удивился, когда ночью вернулся, а он всё ещё там сидит, — продолжил Элоф со вздохом. — Дело молодое. В его годы я бы тоже остался.

— А сейчас?

Бывалый воин на мгновение задумался.

— А сейчас я бы туда не попал. Гордость – это развлечение для тех, у кого ничего не болит по утрам.

— Глядя на некогда великого Элофа Солёного сейчас, я бы сказал, что немного гордости ему бы не помешало.

Зачем он пытается поддеть старика, единственного выразившего поддержку? Ригу тут же стало стыдно за себя, но слов своих он обратно не взял – сыну ярла не пристало просить прощения. Или же ученику Вэндаля Златовласого? Родился ли Риг с этим ядом, или наставник помог ему таким стать?

— Ты, мальчик, не огрызайся мне тут. Гордость некогда великого Элофа Солёного сюда и привела, сделала таким, каким ты его сейчас видишь. И тебя таким делает.

— Преклонить колено, отринуть гордость – не самые воодушевляющие советы. Разве бывалые воины не должны быть...

Риг покрутил рукой в воздухе, словно пытаясь найти подходящее слово.

— Такими, как Ондмар Стародуб? — подсказал Элоф.

— Не такими, как ты.

Старик весело крякнул.

— Отец мне всегда говорил «если не можешь быть примером, то будь предупреждением». Человека хуже него я за всю жизнь так и не встретил, и сам старался таким же не стать. Получается, совет оказался недурственным.

Риг ухмыльнулся, и на мгновение, он даже забыл где находится, и по какому поводу. Но мгновение это быстро закончилось, достаточно было лишь на высокие каменные Ступени взглянуть на другом конце площади.

— Думаете, у него есть шанс?

— Говоря по-честному, ни единого, — ответил старик не задумываясь. — Но я за свою жизнь уже с десятков раз без шансов сражаться выходил. И ничего, барахтаюсь вот ещё как-то, живой до сих пор.

Риг кивнул. Честный ответ на самом деле подарил даже больше надежды, чем если бы Элоф обнадёжил его хоть какими-то шансами. А ещё Риг начинал понимать, почему отец всегда приветчал Солёного в своём доме.

Когда площадь была уже заполнена почти до предела, и часть зрителей стала ютиться на заборах да на крышах ближайших домов, не обделил грядущее событие своим вниманием и Безземельный Король. Явившись одним из последних, он собрал множество недовольных взглядов в свою сторону, и рискни занять достойное место, непременно закончил бы с ножом в боку. По счастью, ему хватило благоразумия, чтобы удовольствоваться местами в дальнем конце площади, в паре шагов от Рига.

Эскортом Королю служили, в первую очередь, дерзкий певец по имени Финн, держащий в своих изуродованных руках бутылку из мутного зелёного стекла, и Бартл, все так же облачённый в стальной нагрудник с небольшой вмятиной. Финн что-то сказал своему младшему брату, ткнул его в плечо. К тому моменту они подошли достаточно близко, чтобы Риг услышал ответ Бартла:

— А мне тут нравится. Народец тут славный, дружелюбный, и людей судят не по титулам, а по делам.

Полная площадь хмурых ворлингов глядела им вслед. Финн ухмыльнулся:

— Подожди, пока у нас тут дела появятся, и нас начнут за них судить. Вон сколько народу пришло на казнь посмотреть – сразу видно, что цивилизация и сюда добралась. Скучают местные по хорошей казни.

— Тебе нигде не нравится.

Финн пожал плечами:

— Просто потому, что бываем мы исключительно в паршивых местах.

— А что бы мы делали там, где всё хорошо?

— Ну тоже верно.

Замыкал же их маленькое шествие слепой юноша, на плече которого примостились две маленькие птички. Выглядели птахи совсем как живые, если не считать их полной неподвижности, но не успел Риг подивиться умению неизвестного мастера, как одна из них сорвалась с плеча юноши и упорхнула в сторону Позорной Скалы. Хозяин птицы на случившееся никак не отреагировал, но вот Король повернулся в сторону Рига и, глядя прямо на него, усмехнулся. Риг сделал вид, что смотрит на что-то, расположенное позади чужеземцев.

— Почему мы пришли сюда, мёрзнуть этим утром? — спросил Финн на языке холмов Эриндаля, по всей видимости полагая, что никто вокруг не сможет его понять. — Если вам двоим интересно смотреть, как падает голова северянина, я мог бы вас уважить и не выходя наружу, на этот проклятый холод.

— Потому что я так захотел, — ответил Браудер, задумчиво разглядывая толпу людей перед собой. — Здесь будет на что посмотреть и помимо северных голов.

Финн ухмыльнулся и сказал уже на железном языке:

— Ну, как скажешь, Ваше Величество.

Его младший брат, стоящий по другую руку от Короля, бросил осуждающий взгляд на Финна.

— Казалось бы, парень с разбитым лицом должен держаться скромнее.

— Я разговариваю весьма скромно, братец, поверь мне. Не посылаю Его Величество в Бездну и не предлагаю ему поесть восемь холмов. Кстати говоря, пойдёшь в Бездну, Бартл. Для того, кому дали прозвище Равный, ты стал отвечать слишком уж много поклонов.

С этими словами Финн приложился к бутылке. Одну только её, сделанную из стекла, пусть и довольно мутного, можно было бы сменить на приличное количество денег и стоило только догадываться, во сколько хозяин питейного дома оценил её содержимое. Однако Финн с равнодушным лицом лакал прямо из горла, проливая изрядную часть на роскошную красную рубашку и волосатую грудь. Сделав три мощных глотка, он бросил взгляд на слепого и вновь обратился к Королю:

— А наш молчаливый друг не мог сказать, что мы здесь увидим? Мы ведь потому уже почти год и таскаем его за собой, разве нет? Чтобы он рассказывал нам о том, что случится, и где нам лучше встать, чтобы оно случилось не с нами.

Слепой юноша не двинул и единым мускулом, все так же глядя в никуда. Но до ответа все же снизошёл:

— Сегодня многое может случиться, — сказал он, и голос его был тихим, почти переходящим на шёпот, но все же каким-то образом Риг услышал его вполне отчётливо.

— Очередной осколок мудрости, — Финн отвесил слепому почтительный поклон. — Благодарим тебя, о бесполезный. Столько месяцев таскаем за собой это чучело, а все, что получаем взамен — это «много чего может случиться» и «тёмная ночь придёт». Чтобы бы мы только делали без этого славного парня и его жутких птиц?

Бартл Равный вздохнул, Безземельный Король усмехнулся, а слепой юноша не реагировал вовсе, и жизни в нем как будто бы было не больше, чем в его чудных птицах. Сам же Финн не унимался.

— Готов спорить, из меня получится куда лучший прорицатель, — Финн демонстративно поднял свободную руку в драматичном жесте, точно актёр на ярмарке, после чего прикоснулся кончиками пальцев к прикрытым векам. — И предсказываю я, что в итоге будет суд поединком. Людям севера хлеба не надо, дай только головы друг другу рубить и назвать это правосудием. Посидят, языками почешут, сколько утерпят, а потом пойдут топорами махать, как солнцу встать. Что скажешь, птичий хозяин? Прав я или как?

Уголки губ слепого дрогнули слегка, но он промолчал.

— Только не нужно зависти, — Финн хлопнул юношу по плечу. — Ничего не могу поделать с тем, насколько я хорош. Таков мой дар, и он же моё проклятие. Печалиться тут совершенно нечего, а если ты хорошо попросишь, я могу взять тебя в подмастерья.

Наёмник сделал ещё глоток из бутылки и потряс её в руке – внутри оставалось буквально пара скромных глотков – после чего встал на цыпочки и поставил бутылку на каменный постамент Одинокого Дозорного. Десятки презрительных взглядов облепили его в этот момент, и даже возвращённые с пустошей да бесчестные мелкоглазые отшельники смотрели на него с неодобрением, но Финн лишь ухмыльнулся. После этого он запустил руку в карманы своих

штанов и извлёк от туда пару серебряных колец, что идут в империи за деньги. На одно из таких колец можно было бы достойно жить целый месяц.

— Но если у тебя есть своё пророчество, я с радостью послушаю и даже поставлю немного денег. Как тебе, а? Ставлю два серебряных, что парень так или иначе уже до конца дня с Создателем познакомится.

— Ты говоришь уверенно, — заметил Король. — Как будто и правда пророчествуешь.

— Если на твоё судилище пришла тьма народу, то ты точно перешёл дорогу важному и мстительному ублюдку. А за такие переходы уйти без оплаты не получится, как ты не старайся.

— Но мы же однажды ушли, — сказал Бартл. — Ты-то уж точно отделался очень легко на мой взгляд. На месте того градоправителя я бы тебя вздёрнул на ближайшем суку при первой же возможности, даже если бы мне на выкуп предложили твой вес золотом.

— Спасибо, Бартл, — Финн доверительно положил руку на плечо брата, — Это значит для меня очень много, я это ценю. От всего сердца, спасибо.

Бартл усмехнулся и смахнул с себя изувеченную ожогами руку брата, на что тот лишь рассмеялся и вернул своё внимание хозяину птиц:

— Ну так что скажешь, приятель? Два серебряных на смерть обвиняемого! Годится?

Риг бросил на болтливого наёмника гневный взгляд, который тот заметил, но ответил лишь пьяной улыбкой.

Маленькая птичка прилетела и села на голову слепого юноши, замерев неподвижно.

— Много может случиться, мастер Финн, и сын кузнеца может ходить подле короля, и король заплатит за кузнеца многократно, — слепой юноша неспешно кивнул. — Годится.

Если Финн и собирался что-то сказать в ответ, то не успел. Волна голосов прошла по толпе, и людская масса встрепенулась, подобралась, точно проснувшийся от резкого шороха зверь. Хоть Риг и не видел ничего поверх множества голов, он знал что произошло.

К Ступеням вели Кнута.

Никто не стал кричать ему оскорбления или насмехаться над ним, но и слов поддержки никто тоже не высказал. Точно водная гладь после брошенного в неё камня, толпа людей поволновалась, но вскорости успокоилась и обернулась полным молчанием. В наступившей тишине было слышно, как звенят кандалы.

Не было сомнений, что заковать Кнута было идеей ярла. Придать тому вид опасного безумца, душегуба, который при первой возможности набросился и растерзал бы каждого – всё это очень похоже на его образ мысли. Когда же Кнут начал восходить по ступеням, каждая из которых была выше предыдущей, при том, что и первая была не сказать чтобы низкой, стала очевидна и другая низость Торлейфа, сковавшего руки Кнута. Получивший обвинение в убийстве, Кнут должен был возвыситься на девятую ступень из двенадцати, что и обычному человеку было непросто, а после двух недель в клетки, на воде и хлебе, с несвободными руками – даже представить кажется нелепым.

Но Кнут поднимался, с прямой спиной и поднятой головой, во всяком случае, поначалу. После движения его стали медленнее, голова опустилась, плечи поникли, и к пятой ступени стало слышно, как звенья его цепи стали стучаться о камень, а на шестой – его тяжёлое дыхание. На восьмой ступени он замер, шатаясь точно больной или помешанный, и лишь чудо не позволило ему свалиться вниз. Попроси он помощи в этот момент, никто бы не осудил его, но Кнут был сложен из другого камня, и резким движением он не столько забрался, сколько запрыгнул на девятую ступень, повернулся к толпе, тяжело опираясь локтем о десятую, и крикнул голосом сиплым, задушенным, но неизмеримо громким:

— Пришли судить сына Бьёрга? Поднять его на Ступени?! Судите лучше Кнута, по прозвищу Белый – он поднялся сам!

Прямо посреди площади стоял Ингварр Пешеход, и занимал он место троих человек разом, возвышаясь даже над высокими. Ни одна лошадь не могла выдержать вес его тела, и

потому с юности ходил он исключительно пешим ходом – настолько был он велик ростом и габаритами. И когда он поднял в воздух правый кулак, все это видели.

— Добро! – крикнул он, не тая голоса, и голосом этим можно было посрамить упавшие горы.

— Добро! – отозвались на другом краю площади.

То тут, то там поднимали ворлинги кулаки, и то тут, то там звучали одобрительные выкрики, все громче и все увереннее. Невольно Риг почувствовал приятное, тёплое самодовольство внутри себя – не всё ещё кончено, и они с братом ещё могут посрамить этот нелепый суд.

Но все выкрики и поднятые руки разом пожухли, точно горелая трава, когда из-за угла вышел ярл Торлейф Золотой с его малой дружиной. И так, в один момент, точно по щелчку пальцев, Риг и Кнут снова оказались одни.

Глядя на грузную фигуру ярла было сложно поверить, что эти толстые, сжатые массивными перстнями пальцы когда-то держали оружие, а ноги в расшитых мехом сапогах когда-то топтали заморскую землю и уж тем более шагали по Мёртвой Земле. Выглядел Торлейф совсем не как ярл, а скорее похож был на упитанного торговца. Казалось оскорблением, что подобный человек сумел сесть во главе длинного стола. Но цепь его как всегда была при нем, выкованная, вопреки прозвищу, из обычного железа и длиной не меньше двадцати локтей. Торлейф не дерзнул оборачивать её кольцами вокруг своей толстой шеи, как обычно делают воины, и вместо этого накиннул на плечи, точно короли имперских осколков свои мантии. Концы этой длинной цепи доверил нести четверым своим младшим детям, шагающим следом. Свою густую рыжую бороду Торлейф заплёл в косу, и все равно доходила она ему до пупа, а на плечи накиннул шубу из густого белого меха могучего медведя, и это при том, что весна уже вступала в свои права и было уже, в общем-то, довольно тепло. Впрочем, шубу эту Торлейф носил и летом, не иначе как чтобы показать своё богатство. И Риг не испытывал сомнений, что шкура зверя была куплена за монеты, или может имперские кольца, но точно не добыта в бою. Хотя сам Торлейф вряд ли видел в этом что-то постыдное.

Старшему сыну текущего ярла, Эйрику, было позволено идти вровень и нести знамя Лердвингов – ещё одна пощёчина от ярла своему народу и своему клану. Эйрик даже в свои двадцать два года был по-прежнему безбородый, а к тому же большеглазый и с круглым, практически детским лицом, усыпанным веснушками. И если сам Торлейф был хоть и толстым, но крепким, и черты воина в нём если и нельзя было заметить, то можно было хотя бы угадать, то старший сын его был просто ломтём сала на нелепых ножках. Ярко-рыжие кудрявые волосы да похожая на бочку фигура – вот и всё, чем походил он на своего отца. Он не был ещё назван вторым именем и цепь нёс лишь о десяти звеньях – едва ли честно заслужил хоть одно из них, да и этого количества мало для знаменосца. Но вышагивал он гордо, так, словно имел и права, и заслуги, и видно было, как многим достойным людям корёжит лица это зрелище. Но никто, может, и не предал бы этому большого значения, если бы по левую руку от Торлейфа не шагал сам Ондмар Стародуб.

Высокий, могучий, под стать своему названному имени, носил он густую смолисто-чёрную бороду, которую к сорока годам до сих пор не посмела тронуть седина – белыми у легендарного воина стали лишь виски. Он выглядел живым напоминанием того, как должен выглядеть настоящий правитель или хотя бы тот, кого он называл своим поверенным. И если про Вэндаля Златовласого говорили, что спрятанная его цепь может быть длиннее ярловой, то с цепью Ондмара сомнений быть не могло и обёрнутая вокруг могучей шеи, груди и пояса бесчисленное множество раз, она все равно волочилась за ним по земле с угрожающим шелестом. Герой великого эпоса, сошедший к простым людям – такое впечатление он производил на людей и своим видом, и своими поступками. Легенда.

Даже слепой бы сказал, что ясно видит достойного, и в любой момент прославленный Ондмар Стародуб мог потребовать место ярла по праву, а сотни голосов поднялись бы на его стороне, и тысячи мечей со всего Восточного Берега укрепили бы эти голоса, если потребуется. Но он молчал; голоса и мечи оставались в покое. Ондмар как будто и не искал другой доли, и явившись однажды в Бринхейм без объяснения причин, год за годом оставался Носителем Щита в их захолустье. Он же был и причиной, почему традиция Суда Поединком, которую действительно на всем Севере любят больше всего на свете, в Бринхейме практически сошла на нет. Оспаривая слова Торлейфа в поединке, любой желающий выходил биться не против ярла, но против Носителя Щита. И Ондмар, в отличие от Вендаля, не играл с добычей, в первые же мгновение разрывая врага в клочья. Риг спросил как то у Кнута, смог бы тот победить самого Ондмара и тот ответил с улыбкой, что этого великого воина победит только время, но и в этом нельзя быть полностью уверенным. Такой вот человек шёл рядом с Торлейфом Золотым, не заслужив чести нести знамя.

Замыкала шествие дюжина лучших воинов ярла, составляющая его малую дружину, но более того ничем не примечательные, за одним очевидным исключением. Настоящий шаулир-ский воин с мертвецки бледной кожей скромно шёл самым последним, держа копье на плече и низко склонив голову в широкополой соломенной шляпе, из-за чего было не увидеть его лица. Впрочем, за три года, что шаур провёл здесь, каждый желающий уже успел изловчиться и заглянул под эту шляпу, чтобы увидеть плотную серую повязку, закрывающую бледноожему глаза.

Все слышали про лишённый зрения и низкорослый народ с Шаулира, но все же чудно было вживую видеть, как незрячий уверенно бредёт среди зрячих. Одет он был в свои бесформенные, невзрачно-серые одежды, весьма тонкие и лёгкие на вид, однако неизменные на нем даже в самые лютые морозы, и ноги его тоже как всегда были босы, оставляли на снегу неглубокие следы. У железного императора, говорят, было две сотни таких слепых воинов, и не меньшее число было у Пророка мёртвого бога на далёком юге, но даже один такой наёмник внушал уважение и служил демонстрацией богатства. Отец Рига и Кнута, во всяком случае, в своё время на услуги шауров не тратился, вместо этого покупая сталь и корабельную древесину – сложно представить более наглядной разницы между двумя правителями, прошлым и нынешним.

За исключением Ондмара Стародуба и шаура, вся прочая малая дружина ярла разодета была ему под стать, лишь формально сохраняя достоинство скромности и неприязнательности. На деле же они без всякого стеснения красовались богатством, нажитым под его широким крылом, словно богатые одежды были шрамами или трудовыми мозолями. Стоит ли говорить, больше половины из них и воинами были в лучшем случае посредственными: в последние три года малую дружину в Бринхейме набирали не по крепости руки, а по важности рода и по количеству монет у них в сундуках. Благо, что ещё не по женскому имени и миловидности лица.

Риг смотрел на ярла и угаснувшее было пламя злобы внезапно разгорелось с новой силой. Он не стал отводить взгляда, когда их глаза встретились, и не стал прятаться за спинами безродных, когда ярл и его дружина, что до этого шли к Каменным Ступеням, внезапно развернулись в его сторону. Риг не боялся в тот момент открытого вызова, и даже более того – жаждал этого больше всего на свете. Не рационально, можно даже сказать глупо, но на тот момент Ригу было всё равно.

Они сверлили друг друга взглядом все те долгие мгновения, пока Торлейф и его подпевалы приближались к нему, точно чародейский клинок разрезая толпу без прикосновения. И если Риг крепко сжимал зубы от злости, то на широком лице ярла светилась самая доброжелательная улыбка. С такой же улыбкой пять лет назад он сидел под их крышей, держал руку отца и лгал, не дрожа голосом.

«Можешь на меня положиться, мой друг», — сказал он той ночью. — «Я не подведу. Как и всегда я по левую руку от тебя, с твоим знаменем в руках. До самого конца, и даже дальше».

А после, когда Бьёрг, названный Солнцем Севера, умирал на имперских берегах, Торлейф был здесь. И он по-прежнему здесь, когда по ложному обвинению судят сына Бьёрга, а места за длинным столом продаются так же легко, как вчерашняя рыба и восковые свечи.

Что-то такое и собирался сказать Риг, когда ярл истребует его приветствия. Если ворлинги Восточного Берега забыли, кому они отвешивают поклоны и жертвуют долю с добычи, то Риг может им и напомнить, не забойтесь сказать, как оно есть. А дальше будь что будет. И если сложится скверно, он и рядом с Кнутом на Ступени взойдёт, не сломается.

Но Торлейф не искал его приветствия. Приблизившись достаточно, чтобы говорить достойно и не кричать, точно базарная девка, он демонстративно отвёл взгляд и обратился уже к Безземельному Королю:

— Браудер, известный в мире как Безземельный Король, командир «Рыцарей Эриндаля», — ярл отвесил короткий поклон головой. — Приветствую тебя на северной земле.

Говорил Торлейф на железном языке, языке империи, наиболее распространённом по всему миру. Любопытно однако, что избежал называть хоть какие-то титулы Короля, пусть даже все они принадлежали тому де-юре и не стоили и воздуха, что тратится на их произнесение. Попытку назвать хоть один титул гостя во время приветствия можно, с некоторой натяжкой, приравнять к признанию прав на этот самый титул. Жителям Севера не могло быть до этого ещё меньше заботы, но всё же Торлейф поостерегся. Опасается имперских наблюдателей и не хочет рисковать торговыми соглашениями?

— Торлейф Золотой, — Браудер положил руку на живот и слегка согнулся в поясе.

При желании и у Торлейфа тоже можно было найти много имён, и он был законным правителем, де-факто, так что у Браудера как будто и не было резона обращаться к собеседнику в столь простой манере. Но если ярла и смутила такая краткость командира наёмников, он никак этого не показал.

— Я слышал, вы прибыли вчера до заката и заняли порядочно места в питейном доме. Так мне сказали, во всяком случае, мои дружинники. Сегодня утром.

— Сказано было верно. К моей большой печали, не имел возможности сообщить о своём прибытии заблаговременно, как и, к сожалению, сразу же по прибытии, — Король снова отвесил короткий полупоклон. — Я вынужден путешествовать тайно.

Улыбка на лице ярла стала ещё более доброжелательной.

— Да, мне доводилось слышать об этом. Мне, и всем, кого Боги не лишили возможности слышать, от сюда и до Зелёного Берега. Для путешествующих в тайне, вы с людьми производите впечатляющее количество шума.

Браудер слегка улыбнулся и развёл руки в стороны.

— Моя ошибка. Я взял с собой самых верных и надёжных людей, лучших в бою и не ведающих страха. Теперь я склонен думать, что стоило брать самых незаметных, ведающих хотя бы основы приличия, — на этих словах Король покосился в сторону Финна, но тот был слишком занят, чтобы обратить на это внимание, пока ковырялся грязным пальцем в своих зубах.

Невольно Риг отметил, как будто бы между прочим Король сообщил о том, что при нём лучшие его воины. Не укрылся намёк, судя по всему, и от Торлейфа.

— Стало быть, остальные ваши воины не с вами? Признаюсь, я раздосадован этой новостью, сильно раздосадован. Стоило мне только прослышать о вашем визите на Старую Землю, как я сразу же подумал, что у меня-то всегда найдётся достойное занятие для Безземельного Короля и его Рыцарей. И достойная плата.

— К сожалению, все мои славные шесть сотен уже на контракте у одного из банковских домов Лирии. И вы знаете их полководцев – хитрые собаки предпочитают воевать не ради

победы, но ради постоянного жалования от покровителей. Годами разменивают одни и те же города неспешными осадами, и не вступают в сражения, даже если умудрились застать врага без оружия и штанов. Полагаю, год или два мои люди ещё будут при деле. Если, конечно же, не случится больших перемен.

Последняя фраза была угрозой? Бессмысленное уточнение в любом другом случае.

Ярл с пониманием кивнул несколько раз головой, словно особенности ведения войны в вольных городах Лирии и правда были ему знакомы.

— Тайно или нет, я рад приветствовать вас на нашей земле, друг мой. Север может казаться негостеприимным, но люди севера — дело совершенно иное. Если есть хоть что-то, чем я могу быть полезен, пожалуйста, дайте мне знать.

Торлейф пытался скрыть это за дружелюбным лицом и щедрой рукой, но Риг знал его слишком давно и видел ясно, как в безоблачный день, что тому не терпится спровадить наёмников куда подальше, и что лёгкие угрозы в словах Короля были услышаны.

Собственно, Риг не стал бы упрекать ярла в малодушии. Пусть даже две дюжины, а не шесть сотен, но то были отчаянные рубаки, гуляющие вольно по его землям, вооружённые острой сталью и громкой репутацией, возглавляемые самим Безземельным Королём. Они почти дошли до Белого Края, где не было уже ничего, а значит пришли сюда умышленно. По всей видимости, Торлейф не имел ни малейшего понятия, что они искали, но они явно планировали найти это здесь. А когда люди с оружием что-то ищут, это не сулит ничего хорошего.

— Благодарю вас, ярл Торлейф. Слава о вас и вашей щедрости гремит даже на западных осколках Империи, и теперь я вижу, что стоит она на надёжном основании. Края ваши действительно суровы, но преисполнены своей особой красотой. Мне жаль, искренне жаль, что я не смогу насладиться этой красотой в полной мере. Подлинное горе, безусловно, но утром завтрашнего дня наш корабль будет готов к отплытию, и мы вынуждены будем продолжить наше путешествие.

— Корабль? — Торлейф удивлённо вскинул брови, и это, пожалуй, была первая его искренняя эмоция в этой беседе. — Бринхейм не имеет широкой гавани, и я вполне уверен, что знаю каждое судно, что стоит у наших причалов. В основном потому, что каждое судно там — моё. И я не припомню, чтобы я планировал отдавать их кому-то в аренду.

Малая дружина, словно повинаясь какому-то невидимому сигналу, заметно, и можно даже сказать нарочито напряглась. Король и его люди же, напротив, оставались абсолютно расслабленными и невоинственными.

— Полагаю, всё же не каждый корабль принадлежит вам, мой друг, хотя бы потому, что я знаю одно исключение. Я сказал бы вам название, но к сожалению отшельники никак не называют свои суда.

Риг вспомнил множество мелкоглазых уродцев, что ютились в питейном доме, да и сейчас вокруг их можно было увидеть не мало. Стало быть, приплыли они сюда не случайно, а на встречу с Безземельным Королём. Уж казалось бы, рождённый во дворце должен больше прочих брезговать такой компанией, но Браудер Четвёртый, по всей видимости, был не из брезгливых.

— Своя логика в этом есть, — Торлейф цокнул языком и покивал головой. — Мы, жители суши, тоже не часто даём имена своим домам. И, как правило, не плаваем с мелкоглазым ворьём.

Браудер проигнорировал скрытое оскорбление и лишь пожал плечами:

— Корабль есть корабль. И я хоть и человек, от морского дела весьма далёкий, могу заметить, что корабль у этого, как вы сказали, «мелкоглазого ворья» достаточно вместительный и следует в нужную нам сторону. Как следствие, этот же корабль избавит вас от нашего присутствия уже завтрашним утром.

— А могу я полюбопытствовать направлением вашего путешествия. Быть может, один из моих кораблей плывёт в ту сторону?

— Мёртвые Земли.

Удивительно, какая тишина туту же установилась на площади, стоило главарю наёмников сказать лишь два слова. Слова эти были понятны всем на любом языке, и каждый почувствовал, как беспокойно стало на душе, словно проснулся от вещего сна, где свою смерть увидел, а открыв глаза самого сна уже не помнишь, только чувство. И стоя достаточно близко, Риг видел, как у Торлейфа Золотого напряглось лицо и в глазах неожиданно появились слезы. Но мгновение, и морок развеялся.

— Печально слышать, что вы не останетесь подольше, — изображать скорбь и сожаление у Торлейфа всегда получалось очень хорошо, и по незнанию поверить ему было не сложно. — Возможно, нам случится устроить славный пир, когда вы навестите нас на обратном пути.

— Я могу лишь надеяться, что наш обратный путь будет пролегать через ваше гостеприимство. Обещать этого, впрочем, не могу.

Они раскланялись друг другу. Малая дружина ярла расслабилась, и лишь шаур продолжал стоять так же, как и стоял — неподвижно, держа своё копьё за спиной, на шаулирский манер. Торлейф улыбнулся особенно широко:

— Позвольте мне хотя бы уважить столь дорогого гостя и оплатить ваши счета в питейном доме. Я слышал, ваши brave ребята вчера устроили там добрый переполох и славно погоняли хозяина в погреб за лучшими напитками. Счёт же от доброго хозяина до сих пор остался неоплаченным.

Мгновение Безземельный Король выглядел растерянным, или, во всяком случае, пожелал таким выглядеть. Как бы там ни было, он быстро взял себя в руки.

— Прошу вас, не стоит. Уверяю вас, мой друг, что королевская казна вполне может себе позволить один славный вечер в таверне.

— Я ни мгновения не сомневаюсь. Но все же вынужден быть непреклонным в этом вопросе, и прошу вас уважить мою настойчивость. Что это за хозяин, что берет с гостя плату за своё гостеприимство? Риг, сбегай-ка прямо сейчас к Мизинцу, хозяину питейного дома, да передай ему, что по всем долгам за иноземцами будет уплачено мною лично.

В первые мгновения Риг даже не понял, что ярл обратился к нему, да ещё и с приказом, настолько внезапно это вышло. Просто стоял, глазами хлопал, и молчал.

Оглядываясь назад, Риг видел как на ладони все действия Торлейфа и то, чтобы скрыто между ними. Ярл не мог подойти к Ригу напрямую, это уравнило бы их в глазах народа, и не дело правителю равняться с юнцом при одном звене. Но вот приблизится к свергнутому королю, командиру прославленного отряда наёмников — это было вполне уместно. Отвлечь внимание Рига, отдать приказ при скоплении людей, чтобы все это видели и слышали, да ещё и перед судом над его старшим братом. Торлейф подловил удачный момент, застал Рига врасплох, из-за чего тот выглядел безмозглым истуканом. Все это было так просто, так очевидно, но лишь когда ловушка уже захлопнулась.

Всё детство Риг слушал о том, как он умён, но правда была в том, что его ума хватало лишь для того, чтобы обернувшись, осознать собственную глупость и злиться.

— Ты слышал меня, мальчик? Или заслушался чужими беседами?

Со стороны малой дружины ярла да собравшегося вокруг люда послышались тихие смешки. Ярл же смотрел дружелюбно, почти ласково, и улыбка не покидала его мягкого лица.

— Я слышал твой приказ, дядя Торлейф, — ответил Риг, стараясь говорить голосом спокойным и уверенным.

— Я не твой дядя, Риг, и ты не нашего рода. Но я твой ярл, и я дал тебе простой приказ.

— Я помню, кто ты такой. Дядя Торлейф — так мы звали тебя, когда мы были ещё маленькими, я и Кнут. Тогда ты приходил к нашему порогу и приносил нам подарки, смеялся и пересказывал сказки с далёких земель, рассказывая про свои приключения.

— Славные были дни. Иногда я скучаю по ним тоже, и даже жалею, что они должны были когда-нибудь закончиться. Но прошлое остаётся в прошлом, а сегодня у нас всегда есть дела и их нужно делать. У тебя есть дела, Риг. Мой приказ.

Толстяку было нужно, чтобы Риг последовал его приказу, признал за ним право такие приказы отдавать. И место, и время тоже были выбраны не случайно: на главной площади, при собрании всех достойных людей города, перед началом суда. Намёк был понятен — преклони колено, или брат твой отправиться дню целовать, и ты вслед за ним.

И Риг хотел, правда хотел. Говоря откровенно, сесть во главе длинного стола, назваться ярлом и править глупыми людьми, слушать их мелкие ссоры, да смотреть, как год от года скудеет добыча налётчиков и ветшает их город — всё это звучит не так чтобы уж очень заманчиво. И если бы во главе длинного стола сел Ондмар Стародуб, Риг первым бы присягнул на верность новому правителю. Преклонить колено, и Кнут будет жить — легко.

Но преклонить колено перед этим? Видеть это увязшее в жадности лицо, слушать его сладкие речи, получать от него поручения, точно сопливый мальчишка у маминого подола? В Край это всё, в Бездну, или куда похуже.

— Я останусь здесь, дядя Торлейф, рядом с моим братом. Я должен быть здесь, таков закон Севера.

Улыбка на лице ярла потухла, малая дружина его зашептала. Риг бросил быстрый взгляд в их сторону, а именно на Ондмара Стародуба, но взгляда воина не поймал — тот смотрел прямо перед собой, головы не опуская.

— Я знаю закон, мальчик. И хоть он не высечен в камне и не выведен чернилами по бумаге, я уверен, что и ты знаешь его не хуже меня. Закон не говорит о таких вещах.

— Закон Севера говорит в первую очередь о справедливости. Пускай её не очертить бумагой, камнем или металлом, но всем известно, что честно, а что есть подлость и предательство.

— Истинно так, — Торлейф кивнул, бросив на Рига хитрый взгляд. — Не нужно портить бумагу или переводить железо, чтобы сказать: достойно исполнять приказы и хранить верность традициям, и негоже, к примеру, красться ночью к чужому дому с оружием в руках, — ярл сделал короткую паузу. — Где же справедливость в том, чтобы послушаться прямого приказа?

— По справедливости, рядом с обвиняемым должна быть семья. Должен быть тот, кто запомнит все произошедшее и повторит для других, особенно если твоим решением обвиняемый более не сможет потом говорить. Это будет справедливо, и это будет Закон.

Риг умышленно сказал «твоим решением», а не «решением ярла» и видел, как слегка подёрнулось лицо Торлейфа. Но уже через мгновение улыбка вновь вернулась на его сытое лицо и, огладив неспешно свою длинную бороду, он сказал:

— Это будет Закон.

Именно в этот самый момент неподалёку взревел рог, и от этого звука содрогнулись сердца ворлингов — звук был сильным, известным, но последний раз его слышали шесть лет назад. Клань в одно мгновение прекратили свои мелкие склоки, утратили также интерес и к Торлейфу с Ригом, и чужеземцам Безземельного Короля.

Все как один обернули лица к северу, после чего каждый, молодой или старый, мужчина или женщина, прославленный воин или безродный пьяница — все опустились на одно колено. Ярл Торлейф был среди прочих, хоть тому под тяжестью шубы и собственного брюха на то потребовалось больше времени. Остались стоять лишь иноземцы, да Стрик Бездомный, с которого не было спроса, и, конечно же, Кнут, временно возвышенный над всеми.

Последним преклонил колено и дружинник по имени Робин, от самого ярла получивший прозвище Предпоследний – короткостриженный, безбородый иноземец с уродливым шрамом вокруг шеи, что прибыл по приглашению ярла пару лет назад, да так здесь и остался. Вечно с мрачным выражением лица, он не занимался каким-либо ремеслом, не растил злаки или полезные травы, не строил корабли и не ходил в налёты, лишь упражняясь ежедневно со своим полуторным мечом, да практикуясь в стрельбе из своего арбалета, но отказываясь от дружеских поединков. В остальное слонялся без дела, и было не похоже, чтобы красоты севера пленяли его, но и покидать их края он тоже не спешил. Да и в целом держался он обособленно, людей не избегая, но и не сближаться с ними не пытался. Держался равно и со славными воинами и с бесчестным огребьём, сам при этом жил без цепи, и в то же самое время по причине неизвестной был удостоен места за длинным столом. В целом же хранил он на своём лице нейтрально-безразличное выражение ко всему, что попадалось ему на глаза, и лишь в этот самый момент неожиданно изменил себе.

— Леворукое отродье, — сказал он на железном языке, с тихой, прочувствованной злобой, и это были первые слова Робина Предпоследнего, что Риг услышал в своей жизни.

Площадь меж тем тонула в шёпоте, и голоса поживших, что слышали звуки этого рога быть может три или четыре раза за всю свою жизнь, сливались с голосами молодых, что спрашивали о грядущем и получавшие в ответ лишь затрешины да хмурое недовольство.

Второй раз рог прозвучал скоро и неожиданно близко, что говорило о большой поспешности, с которой двигался в их сторону его носитель. После этого второго раза площадь моментально погрузилась в почтительное молчание, а потом рог возревел в третий раз, и к людям снизошла бессмертная Кэрита.

Как и положено, Риг смотрел в землю при её появлении, усмиряя жгучее чувство любопытства. Овеянный ароматами её духов, приятными и смутно знакомыми, но в то же время таинственными, точно древние сказания. Он слушал ровные, тихие шаги и лёгкий перезвон металла, которые были настолько ритмичны и однообразны, что это даже немного ужасало. Мурашки бежали у него вдоль позвоночника. Звук, запах, и тёплое чувство, что обволакивало будто тёплое одеяло морозным утром, когда ты уже не спишь, но ещё и не бодрствуешь – всё это вызывало ощущение проскальзывания меж сном и явью, и Риг сам не заметил, как поднял голову и уставился во все глаза.

Изящный девичий стан, схваченный лёгкими, упругими шелками, тонкие браслеты, что мелодично звенели при каждом медленном шаге, и накидка, лежащая на её узких плечах зыбким утренним туманом – все делало её нездешней, далёкой и недоступной. Риг смотрел и не мог насмотреться, и разум его, и сердце, и мысли в голове – всё это, весь мир уплывал в зачарованную даль, где среди туманной дымки звучало, напевало, жило созвучно перезвону этих тонких браслетиков что-то неуловимое, что-то чудесное. Лишь красный платок, тонкий и длинный, обволакивающий её лебединую шею, напоминал о земном происхождении девушки, и кончики его мерно качались в такт её шагам, вперёд-назад, снова и снова, вперёд-назад. И сам Риг слегка покачивался вместе с ними, вперёд и назад, неспешно, размеренно.

Вперёд.

Назад.

— Не открывайте глаз, пока она не пройдёт до конца — послышался голос слепого юноши из свиты Безземельного Короля. — Нос зажмите, дышите ртом, по возможности неглубоко. И сосредоточьтесь на каком-нибудь постороннем звуке.

Его слова показались Ригу странными, эхом пронесли в голове, но быстро затихли, растаяли и развеялись по ветру. Слова были не важны. Всё было неважно подле неё.

Смиранный старик в потёртом кафтане, бредущий впереди бессмертной, был удостоен чести нести знамя первых детей Всеотца – простое серое полотно без единого пятнышка, без единого намёка на родословную. Вот только её огненно-рыжие волосы, распущенные, но лежа-

щие с почти чужеродным, неподвижным изяществом, ещё более яркие, чем у брата или отца, служили ей настоящим знаменем и укрепляли положение Торлейфа одним только этим появлением.

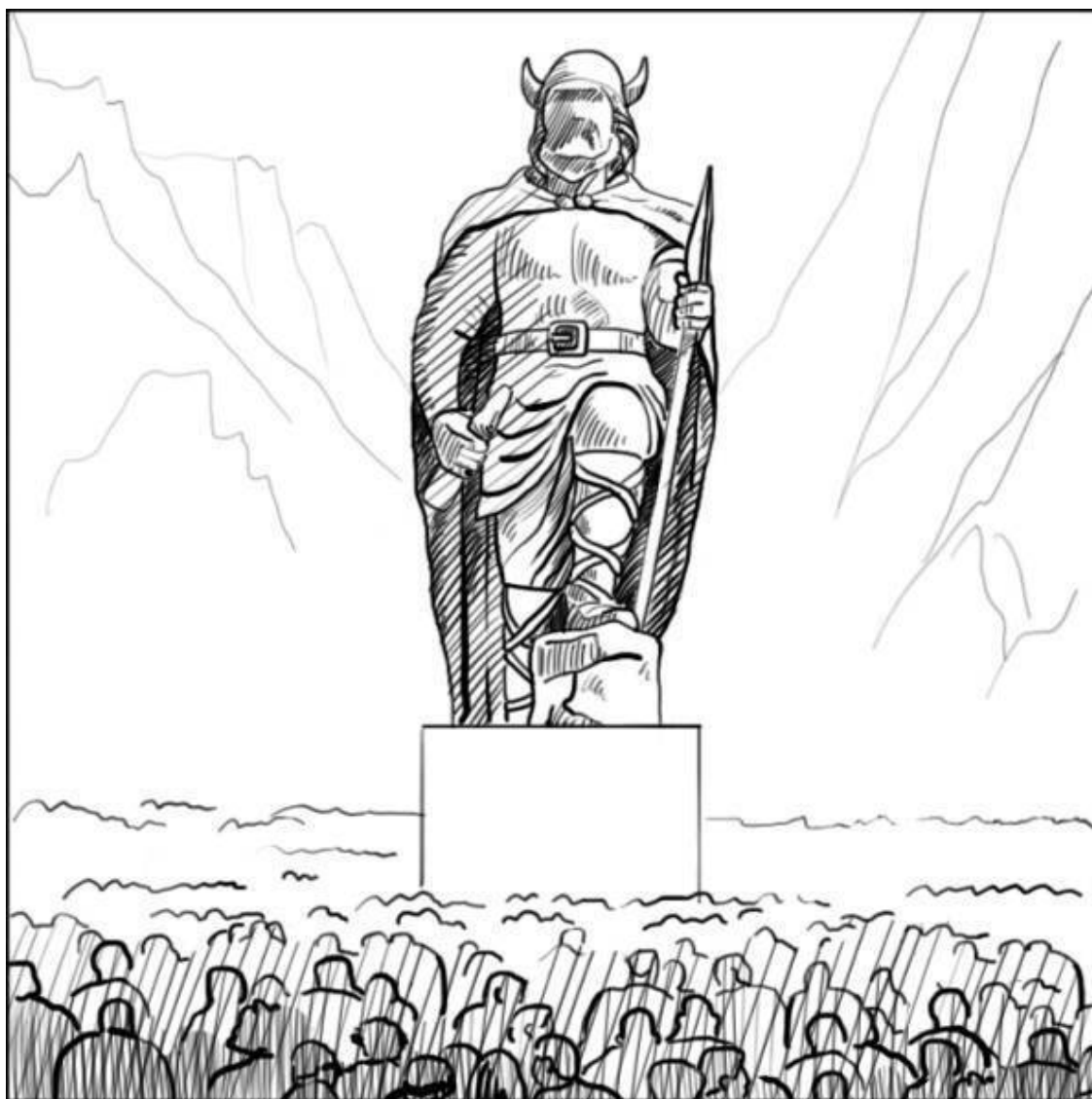
Они не виделись лет шесть, не меньше, и было странно смотреть на Кэриту вот так. Риг помнил её тощей девчонкой, с разодранными коленками и всякой ерундой, запутанной в кудрявых волосах. Девчонку эту он дразнил за худобу, называя Щепкой или уродиной, и в ответ она швырялась в него камнями. Практически всегда промахивалась. Когда ей было двенадцать, незадолго до того как явилось её благословление от Всеобщей Матери, он застукал её позади отцовского дома, с волнением ощупывающую плоскую, так и не начавшую наливать грудь, и громко смеялся и дразнил её после, пока она бегала за ним по всему городу. А когда он добежал до Кнута и, задыхаясь от смеха и долгого бега, рассказал ему – расплакалась и не говорила с ним после целую неделю.

Такой была Кэрита в его памяти до этого дня, и он всё ещё видел перед собой ту девчонку. Но видел и девушку с молочно-белой кожей и мягкой улыбкой. И хоть она и оставалась очень худой, ему бы и в голову не пришло назвать её Щепкой или смеяться над ней. В какой-то момент Риг даже поймал себя на мысли, что он бы назвал Кэриту красивой, и она, до этого тихо и размеренно шефствовавшая к каменным ступеням, в этот момент повернула голову в его сторону, ухмыльнулась и показала язык. Это длилось всего мгновение, и не успел Риг удивиться, или даже понять, что следовало бы удивляться такому вообще, как она уже вновь смотрела вперёд и шла дальше, позвякивая своими браслетами, словно ничего не случилось.

Когда дошла до каменных ступеней и стала возле первой, то склонила смиренно голову, и опустила руки, вложив одну ладонь в другую. Её потёртый жизнью седовласый знаменосец поставил серое знамя, взял рог и протрубил в четвёртый раз.

Люди подняли головы, встали с колен, и уставились на Кэриту во все глаза, перешёптываясь и толкаясь за лучшие места. Из-за этого движение ярла к Ступеням прошло практически незаметно. Его шуба, его перстни, меха и золото сделались смешными пред парочкой тонких браслетиков на узком запястье, а его малая дружина, полная подхалимов и стоящих в тени предков дураков, смотрелось нелепо, точно стая уток, плавающих в открытом море. Но когда Торлейф водрузил своё тело на вторую ступень, положенную всякому ярлу или конунгу уже за то, что рискнул он впасть в грех гордыни и высокомерия, люди признали его власть наступившим молчанием.

— Начнём, — сказал он громко, опираясь правой рукой о колено и левую положив на бедро. — Кнут, сын Бьёрга, наречённый по делам своим Белым, тебе известно, почему был ты сегодня возвышен над нами?

Глава 4. Возвышение

Кнут встал ровно перед ответом, расправил плечи, звеня цепью на шее и кандалами за спиной.

— Известно.

— Признаешь ли ты справедливость этих обвинений?

— Не признаю.

Ярл вздохнул, словно наставник непутёвого ребёнка, когда тот отказывается признаваться в том, что ел сладости, пусть даже у него вся одежда в крошках.

— Равнитель Вальгад, ты испросил время для укрепления своего обвинительного слова, и обещался найти людей достойных, что могут говорить в его пользу. Что скажешь сейчас, перед людьми и богами?

Лысый, точно колено, и более ничем не примечательный, Вальгад отделился от малой дружины ярла, вышел вперёд и повернулся лицом к собравшимся. На одно короткое мгновение в сердце Рига зародилась надежда, что у всех их соседей хватило чести пусть и не вступить за них с братом, но уж хотя бы не встать по другую сторону.

— Я нашёл пятерых достойных, мой ярл, — сказал равнитель. — Все они готовы говорить против Кнута, и слово каждого имеет вес.

Торлейф огладил свою рыжую бороду, точно раздумывая о чем-то, а после важно кивнул.

— Добро. Пусть говорят свободно и подкрепят слова весом своей цепи. А мы будем слушать.

По его команде пара крепких рабов вынесла большие металлические чаши, абсолютно одинакового вида и размера, одну из которых установили по правую сторону от Ступеней, а другую по левую. После этого равнителю было положено осмотреть чаши, взвесить их и убедиться, что они равны. Вальгад не стал утруждаться, и сразу же призвал обвинителей.

Первым против Кнута решил сказать слово Йоран Младший. Высокий, крепкий юноша с гордым волевым лицом, к своим двадцати трём годам заработавший два внушительных шрама, под правой щекой и на лбу, полученными в один день. Он выглядел как достойный воин, хотя даже походка выдавала его – дерзкая, развязная, словно и не человек ходит, а плеть болтается. И если кто и удивился его выходу на стороне обвинения, то точно не Риг, видевший той роковой ночью истинное лицо этой падали.

По зову равнителя Йоран вышел к Ступеням. Сняв свою цепь с дюжиной звеньев, он отдал её Вальгаду, после чего сел на первую ступень, положенную всякому, кто говорит на суде и потому подозреваемому во лжи. И восседая на этой ступени, он так не сказал и слова правды, но никто не прервал его и не выдвинул обвинения.

— Той ночью я и трое моих товарищей отдыхали в питейном доме, когда разговор наш зашёл про Кнута, достойного воина, по прозвищу Белый, и его брата. Мы говорили о том, как нелегко им сейчас, на излёте долгой зимы, и думали, чем мы можем им помочь. Всё ж не чужие они нам, и в нашем суровом краю надо держаться вместе.

Ложь его не была неожиданной. Язык у Йорана Младшего всегда был поганный, оскорблениями и дурными шутками ворлинг плевался чаще, чем дышал. И не потому даже, что кто-то пытался задеть его самого или относился к нему изначально плохо – как умелый воин, да к тому же сын Тира Большая Берлога, имел он при знакомстве расположение к себе со стороны всех и каждого. Во всяком случае, пока не открывал рот. Нет, Йоран Младший относился к тому типу людей, что кусают всех вокруг просто так, в силу своей гнилой природы. Говорит, что выпивал с тремя товарищами? Да у него и одного-то товарища не найдётся, как и того, кто не плюнул бы ему в кружку.

— Мы собрали припасы, от каждого по возможностям, и двинулись в путь, к их дому за городом. Мы были весьма разгорячённы как тёплым вином, так и чистотой наших помыслов, а потому не имели терпения ждать до рассвета. Мы не держали с собой оружия, не таились в тених, взяв каждый по горящему факелу, а подойдя достаточно близко, сообщили о своём приходе криком.

Ложь, от первого и до последнего слова. Таились в тених, пришли с оружием, и о приходе своём точно не предупреждали. И никаких припасов они с собой, конечно же, не несли, ещё и цепи свои поснимали, чтобы звон их не выдал.

Никто, впрочем, Йорана не перебивал, и он продолжал говорить:

— Но Кнут все равно напал на нас из засады. Безоружные, застигнутые врасплох, трое из нас полегли на месте, а мне чудом удалось сбежать. Бегством своим мне гордиться нечего, и если снимут за это с меня одно звено, то так тому и быть. Но безоружный и раненый, я мог лишь погибнуть, а сейчас могу говорить.

Вальгард кивнул и положил цепь Йорана в левую чашу, как признание его слов не подлежащими сомнению, достаточными для обвинения. Достойный равнитель на его месте задал бы множество вопросов, как например, зачем четверым людям четыре факела или почему сапоги Йорана, когда он вернулся в город, были покрыты овечьей кровью. А после этого следовало бы дать слово обвиняемому и узнать его взгляд на произошедшее, услышать его вопросы.

Но по-настоящему достойный равнитель не стал бы слушать слова Йорана изначально, так как всем было известно его положение. Четырнадцатый сын Тира Большая Берлога, он ни в одном доме не стал бы желанным мужем и лишь Торлейф принял его под своей крышей. Поженив того на своей старшей дочери, ярл выдвинул условие, что дети от их брака будут рождены под знамёнами Лердвингов — унижительное соглашение. Но Тир его принял, и его младший сын получил своё место в Бринхейме, право голоса на общих собраниях, стал обязан Торлейфу всем. Любые слова, сказанные Йораном с того дня, это слова ярла, которые тот позволил Йорану сказать, и потому веса не имеющие, не должные его иметь.

Но Вальгард просто кивнул и положил его цепь в обвинительную чашу. Тир Большая Берлога смачно сплюнул на землю, Кэрита резко подняла голову, а старейшие зашептались, но ни один голос не возвысился над этой тихой рябью. Ни один человек не высказал мнения против, просто потому что единственный, кто не побоялся бы возразить столь явной несправедливости, стоял в этот момент на девятой ступени. Вот только Кнут уважал закон и, возвышенный над всеми, хранил молчание в ожидание вопросов.

А потом все услышали, как в голос засмеялся Вэндаль Златовласый. Смех этот был невежливым, но искренним: так смеются, когда идущий рядом падает в грязь, когда проткнёт себе ногу собственным мечом незадачливый товарищ, или каким другим способом человек опозорит себя перед людьми. И этим недобрым смехом Вэндаль выделил себя среди прочих, но не сказал после этого ни слова и просто ушёл с площади, всё ещё немного посмеиваясь.

Йоран проводил Златовласого взглядом, а после отвернулся и отошёл в сторону, стал возле Каменных Ступеней с гордо поднятой головой и взглядом, уходящим в даль. Будто бы сделал что-то достойное, а не наговорил только что на честного человека.

Равнитель меж тем вызывал следующего обвинителя.

Им оказался хозяин питейного дома, Мизинец Олаф. За всю свою жизнь он не держал в руках ничего тяжелее кружки медовухи, счастье своё вырастил на теле покойного отца и его трудах, а потому получил за всю свою жизнь лишь восемь звеньев для своей цепи. Её он с некоторой неохотой передал на хранение Вальгарду, а после поведал, что слышал в ту ночь разговор Йорана и его приятелей, и что все сказанное Йораном — чистая правда. Той ночью не помышляли эти четверо достойнейших из людей ни о чём ином, как о помощи голодающему воину и его непутёвому брату, и каждый из них отдал на обмен столько денег и ценностей, сколько смог, а потом и ещё немного сверху.

После этих слов обвинитель покопался в карманах и извлёк на всеобщее обозрение несколько вореи́ских монет, сказав, что именно этими самими монетами благородная четвёрка и расплатились с ним за съестные припасы. То были обычные монеты, которые ходили в питейном доме из рук в руки каждый день и не было на них ничего, что подтвердило бы слова обвинителя, но люди слышали его слова, видели «доказательство» в его руках и можно было не сомневаться, что многим дуракам этого будет довольно.

Невольно Риг стал думать, а скольким людям на этой площади вообще есть дело до правды и понимают ли они, что на глазах у них происходит вовсе не судилище? Он в принципе не обольщался на людской счёт, и понимал, что большинству куда важнее, как их корова разродится, что крышу надо починить, приданое для дочери собрать или что дом старшему сыну с его новой женой отстроить надобно. Кто сидит во главе длинного стола многих жителей Бринхейма если и беспокоило, то далеко не в первую очередь.

Равнителю Вальгаду точно было не всё равно – ставленник ярла, безвольная марионетка. Услышанного от Мизинца ему было достаточно, и он добавил восемь звеньев в обвинительную чашу, после чего слово взял третий достойный свидетель: мать одного из погибших. Она ничего не видела и не знала, но долго и со слезами на глазах рассказывала, каким замечательным человеком был её единственный сын, прежде чем сорвалась внезапно на крик. Тыкая тонким, дрожащим пальцем в сторону Кнута, она осыпала его проклятиями, короткими и бессвязными, но преисполненными настоящего горя. Её увели насильно, а четыре звена её цепи пополнили обвинительную чашу, словно в её словах был хоть какой-то реальный вес.

Четвертым против Кнута говорил Свейн Принеси. Был он пока всего в одном походе, но умудрился собрать шесть звеньев в дополнение к изначальному, а также потерять глаз и едва не лишиться руки. Кнут был с ним в том походе, отмечал воинские умения и храбрость, порой граничащую с безрассудством, и в целом хорошо отзывался о парне, пусть даже был он сыном рабыни и безотцовщиной. Но храбрый или нет, Свейн все же вышел из Лердвингов, был их верным подпевалой да прислужкой, а потому удивляться его появлению на первой ступени смысла не было никакого.

Одноглазый парень знал о произошедшем не больше матери погибших, и вместо этого начал возводить напраслину на самого Кнута, вспоминая их совместное плавание. Рассказывал он про его несговорчивость и суровый нрав, про неподчинение приказам капитана и жадность при дележе добычи. Последнее так уже само по себе могло вызвать лишь смех, и Ригу показалось, что пару смешков в людской толпе он действительно услышал. Особенно Свейн выделил излишнюю жестокость Кнута в бою, не знающую удержу до такой степени, что казалось, попадись ему в этот момент на пути собственный брат, тот зарубил бы его не моргнув и глазом. Покончив со своей клеветой, Свейн опустил голову и не глядя ни на кого, встал рядом с Йораном и хозяином питейного дома, а цепь его, несмотря на пустые, сотканые из предположений и домыслов слова, прибавила веса обвинению.

Таков был суд ярла Торлейфа.

Кнут Белый

Кнут стоял на одной из верхних ступеней и очень хотел воды, сесть, поесть мяса и помыться. Но жаловаться он не хотел, так что продолжал стоять где стоял и всматриваться в толпу, перебирая взглядом лица. Рига было не видать.

Ладно.

«Могло быть и хуже», – так матушка всегда говаривала. Даже когда моровое поветрие её подкосило да в кровать уложило, она улыбалась и не грустила. Гладила тогда Кнута по голове и говорила, что могло быть хуже. А потом померла. А спустя два года отец собрал великий набег и тоже помер. А Кнут теперь мёрзнет на одной из самых высоких ступеней. Но могло быть и хуже, это правда. Всегда может быть хуже, пока не померёшь.

Хуже всего была скука. Слушать клеветников – единственное развлечением, но ничего приятного в этом не было, так что Кнут особо и не слушал. Младший брат его за дурака держал, и дурак он, наверное, и есть, но то, что на него будут с первой ступени наговаривать, он ожидал и не удивился. На тот момент обвинение собрало тридцать четыре звена. Было даже странно видеть столь малый весь обвинения, потому как Кнуту не верилось, что пятеро обвинителей это всё, что Торлейф и Вальгад смогли привлечь на свою сторону за две недели. Тем более, что принимали они вообще любые слова без разбора, и даже маму несчастного мальчика, что Кнуту попался под топор, и ту притащили. Мерзко как-то, хочется помыться. И мяса, и сесть уже, наконец, нормально, хмельного выпить.

После матери убитого вышел Свейн Принеси – отчаянный парень, даже для сына рабыни, с какой-то незатихающей злобой в глазах. Свейн тоже стал ерунду говорить, ну да ладно. К чему это всё? Ярл с равнителем легко могли и тысячу звеньев такими обвинениями положить на нужную чашу весов: нашлись бы и свидетели того, как Кнут молитвы Поганой Дюжине возносит, если Торлейф слабых духом деньгами своими умаслит. Да чего уж там, нашлись бы и те, кто в Кнута и самого Солнцевора бы признал, за хорошую то плату. Грустно всё это.

Не было сомнений, что все это часть замысла Торлейфа, и что обвинители были подбраны не просто так, не по убедительности их слов, уж точно. Вот только Кнут никак не мог понять конечную цель этой хитрости. Не то, чтобы это важность какую имело, но всё-таки.

А потом Ингварр Пешеход вышел вперёд, и вот это действительно Кнута задело, и куда сильнее, чем он постарался показать. Ингварр дважды был с Кнутом на соседних вёслах и трижды рядом в битве, был первым, кто ранее отметил добром слова Кнута на Ступенях, а до того прославился в походах так, что песни о нем запевали иной раз и на Западном Берегу. Вышел он неспешно, будто бы нехотя. Проигнорировав протянутые руки Вальгада, он сел на первую ступень всё ещё со своей цепью на шее, после чего крепко нахмурился.

Человек небывалой силы и размера, он дожил уже до первых седых волос после многих славных сражениях, за что теперь мог звенеть цепью в двадцать пять звеньев. Их было и больше в его лучшие годы, пока Ингварр, сражённый вестью о смерти жены, не отложил в сторону свой огромный боевой молот и не взял в руки молот плотницкий, всего себя посвящая заботе о трёх своих дочерях. Плохой тогда был год для женщин, оставшихся дома. Ингварр сменял на деньги множество звеньев, прежде чем смог начать кормить семью новым ремеслом, а значит, можно, наверное, было и не удивляться его продажности.

Вот только даже если цепь Ингварра и стала короче, то память людская оставалась прежней, и удивлённый ропот прокатился по собравшейся толпе. Даже Бездомный Стрик цокнул языком.

Ропот стих со временем, успокоился, уступая место редким перешёптываниям в тишине. Ингварр же всё продолжал сидеть молча, понутив голову и не глядя ни на кого, пальцами перебирал звенья своей цепи. Молчание великана затягивалось, и Вальгаду пришлось брать инициативу в свои руки: приблизившись к бывшему воину, он спросил того осторожно, глядя снизу вверх, потому как даже усевшись на первую ступень, великан был выше равнителя на голову:

— Плотник Ингварр, получивший второе прозвание Пешеход, готов ли ты поведать нашему ярлу и жителям города всё то, что знаешь, и что рассказал мне ранее, в личной беседе? Про Кнута и его убийство трёх безоружных людей?

По всей видимости, тот ответил утвердительно, вот только никто этого не услышал и потому Ингварр, откашлявшись, повторил:

— Да, я готов.

— Видел ли ты погибших в ночь убийства?

— Видел.

Равнитель дал ему возможность продолжить рассказ самостоятельно, но Ингварра его цепь явно интересовала куда больше. Не давая могучему ворлингу снова впасть в молчаливое забытье, Вальгад стал засыпать его новыми вопросами:

— Где ты их видел, Ингварр?

— Возле моего дома. На окраине. Там я живу.

— Что они делали?

— Шли, разговаривали. Я не знаю, не слышал точно о чем, далеко они шли. Я работал, поэтому и смог их заметить. Я иногда работаю по ночам, плотничаю: там отпилить, там сколотить, такого рода вещи, ничего сложного. Такие вещи можно и ночью делать. При свете лампы. Ну или свечей, но тут надо осторожным быть – всё же дерево кругом лежит, и с огнём у них дружба крепкая да быстрая.

На Ингварра Кнут обиды не держал и даже в какой-то мере ему сочувствовал. Понимал его. Быть человеком чести на самом деле довольно просто – все знают, где лежит этот путь, и что отличает правильное от неправильного. Когда вслух про такое говорят, то ерунда выходит, слова для обмана придуманы были, но в сердце каждый знает, что достойно. Иди по этой дороге и будешь достойным человеком – просто. Лишь сворачивая, попадаешь ты в густые дебри, начинаешь плутать, а там и заблудиться недолго.

Некоторым с хорошей дороги свернуть, что почесаться, вон как Йорану Младшему, что дороги правильной будто и не видел никогда. Кнут его не осуждал, потому как сам не был Йораном, но уважения к тому не испытывал и руки бы тому не подал. Ингварр Пешеход же – другое дело, с ним Кнут и под градом стрел посидел, и плечом к плечу бился, и в ночном дозоре под одним дождем стоял. Честный мужик, правильный. Грустно, что ему пришлось себя сломать.

Допрос, тем временем, продолжался:

— Это понятно. Куда они шли?

— К дому Бьёрга, бывшего ярла нашего, стало быть. К Ригу и Кнуту, стало быть.

— Несли ли они что-нибудь с собой?

— Ничего, что молодому воину не положено. Темно было, ночь. Но ничего такого они с собой не несли, нет.

— Может быть, они несли с собой мешки с едой припасами?

— Да, мешки были, с едой и припасами. Оружия не было. Они...

Ингварр резко встал, с лицом красным, дыханием тяжёлым, крепко сжимая в руках оставшиеся у него звенья, и казалось, что прямо сейчас он набросится на равнителя и задушит, раздавит того своей цепью. Вальгаду, по-видимому, показалось так же, и он резво, но довольно неуклюже, отпрыгнул в сторону.

Однако бояться ему было нечего. Ингварр просто снял цепь со своей шеи и бросил её в обвинительную чашу.

— Довольно. Я видел, он виновен, — он поднял голову, посмотрел на Кнута и добавил.

— Прости, что так вышло парень. Просто... так вышло.

Кнут покачал головой.

— Пустое, Ингварр, я понимаю. Как ты сам сказал девять лет назад, пока мы на чужой берег смотрели – «если не мы, так другие». Пустое это, не держи на сердце.

— Добро, — сказал плотник и ударил в свою широкую грудь кулаком.

После этого он развернулся и пошёл, но не к Йорану, Свейну и хозяину питейного дома, а обратно, в народ. Остановился на полпути, развернулся, и неожиданно взревел во всю мощь своих могучих лёгких:

— Холмы наших тел!

И Кнут засмеялся, гордо и радостно, как это делает всякий по-настоящему свободный человек, а после ответил, как один воин и должен отвечать другому:

— Моря нашей крови!

Много было воинов на площади, и многие подняли головы, присоединяя свой голос к этим словам. На мгновение мир стал выглядеть таким, каким и должен быть, как его описывают в историях и сказаниях: с благородными правителями, непоколебимыми воинами, честными равнителями. На мгновение.

— Довольно!

Ярл Торлейф поднялся со своего места, бросил грозный взгляд сначала на Кнута, а после на Ингварра. Но могучий великан уже повернулся к тому спиной и уходил с площади прочь, а Кнут вернулся к своему положенному молчанию, так как только Ингварр и обратился к нему, и только ему он ответил. Торлейф не стал мешать уходу могучего воина, вместо этого оглядывая толпу людей и всматриваясь в лицо то одного, то другого ворлинга, прежде чем вновь занять своё место.

— Мы выслушали обвинителей, — сказал он спокойным голосом, оглаживая бороду и продолжая разглядывать лица в толпе. — Я нахожу их слова достойными и принимаю их вес.

Народ зашумел, некоторые захотели высказаться и среди прочих старейшины кланов, и даже некоторые из Лердвингов желали взять слово. Среди прочих слышно было, как выругался Тир Большое Гнездо:

— В коровьем навозе больше веса, чем в их словах!

Многие загудели, одобряя им сказанное. Кнут незаметно перенёс вес с одной ноги на другую — стоять было неудобно. А ещё как же чертовски хочется выпить и помыться, проклятая спина чешется уже третий день.

* * *

Ригу казалось, что вот он, момент, которого он ждал. Что сейчас Торлейфа скинут со второй ступени, протащат по улицам города точно собаку, а после предложат Кнуту сесть во главе длинного стола и править над всеми, и стать не последним истинным ворлингом севера, но первым среди тех, что придут. А Риг будет по правую руку от него, всегда держа наготове хороший совет, и все будет так, как должно было быть.

Вот только Торлейф неспешно поднял ладонь правой руки, а Ондмар Стародуб сделал шаг вперед, положив руку на эфес своего меча. Толпа присмирела. Не сразу, не в один момент, но с каждым мгновением от неё будто отрезали по новому куску, пока не остались лишь отдельные, ворчливые крошки тут и там, но и эти тоже вскоре затихли. Случилось это столь быстро, что недавнее недовольство могло и вовсе сойти за сон. Лишь тогда ярл опустил руку и продолжил говорить так, словно ничего не произошло:

— Теперь мы будем слушать защитников. Кто скажет слово за Кнута?

Тишина, тягучая и давящая. Обычно такая толпа людей не бывает тихой, и кто-то да скажет пару слов соседу, мать отругает непослушного ребёнка, затеют спор старые друзья. Здесь же тишина была абсолютная.

— Не выйдешь, не скажешь ничего? — тихо спросил Рига Элоф Солёный.

Старику стоять столько времени было явно тяжело, но он держался. Опёрся спиной на постамент Дозорного, рукой разминал правое колено, но на землю садиться явно не спешил.

— Не выйду, — Риг чувствовал, как сдавило горло, слова давались ему тяжело. — С одним звеном мои слова там разницы не сделают. Я понял, что задумал Торлейф и...

Закончить он не успел.

— Я буду говорить в его защиту, — мелодичный голос, совсем рядом с ним.

Но когда Риг обернулся на звук, рядом был лишь Стрик Бездомный, что тоже повернул голову в сторону. Судя по тому, как закрутили головами все люди на площади, голос этот услышал каждый, и потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы вспомнить его и понять его происхождение.

Бессмертная Кэрита вышла со своего места, словно отмеченный даром может вот так просто ходить среди людей, и села на первую ступень, словно отмеченная даром и правда может соврать. Все смотрели на это, подавленные изумлением, и если бы небеса разверзлись в ту самую минуту, на землю пришёл Всеотец и повёл бы достойных людей и бессмертных на вторую войну против богов, никто из присутствующих и одного взгляда в ту сторону бы не бросил.

— Я могу начинать? — спросила она.

— Госпожа Кирита, — Вальгад отвесил глубокий поклон, голос его дрожал и был едва слышен. — Я не уверен... Я не думаю, что могу принять ваш голос в защиту Кнута Белого.

Он повернул голову в сторону ярла, и было видно, как Торлейф кивнул ему в знак одобрения. Старый боров мог бы, наверное, и одними глазами выказать равнителю своё одобрение, но все же хотел сделать это демонстративно, напомнить собравшимся кто здесь настоящая власть.

— У вас нет цепи, госпожа Кэрита, — Вальгад вновь отвесил глубокий поклон. — Голос ваш, сколь бы силен он не был, подкреплён силами Проклятой Дюжины и потому, к сожалению, не имеет веса в делах земных.

Легким движением руки она сняла с шеи свой длинный красный платок и протянула его Вальгаду.

— Вот моя цепь, равнитель, — голос её растекался густым мёдом над площадью. — Она родилась не в земных недрах, и скованна была не под ударами молота, но я чувствую её тяжесть, и тяжесть эта будет поболее многих.

Дрожащие руки Вальгада потянулись, было, к платку, но вдруг одёрнулись, точно от огня, и сам равнитель вновь растерянно повернулся к ярлу. Тот покачал головой, а после сказал:

— Довольно, Кэрита. Ты вернулась домой, но забываешь, что стала моим гостем. Веди себя соответствующе.

Волна холода прошла от Каменных Ступеней, проникая сквозь одежду, плоть и кости, до самой души, чтобы уже через мгновение исчезнуть бесследно зыбким утренним туманом. Столь быстро, что Риг хоть и успел осознать, что должен был почувствовать жуткую боль, однако все же испытать её не успел, лишь ужаснулся до глубины души её не случившемуся эху. Однако Торлейф как будто и не заметил чего-либо необычного.

— Я веду себя соответствующе, ярл Торлейф. Всеотец одарил меня своим благословением и поручил оберегать народ севера. Этим я занималась все эти годы, и этим же я занята прямо сейчас, по этой причине я спустилась сегодня к людям. И я буду говорить в защиту Кнута Белого. А ты будешь слушать.

Ярл смерил бессмертную строгим взглядом, словно не повелевала она силами за пределом его понимания, а тот факт, что был он отцом ей по крови, важнее вдруг стал того, что сам Всеотец был творцом её не знающей забвения души.

— Если ты не образумишься, я буду слушать слова в защиту уже твоего имени, пока сама ты сидеть будешь на самой верхней ступени. У тебя нет своей цепи, девочка, у тебя нет своего слова, и нет никакой власти в смертных делах. Платок этот не имел веса в руках твоей матери, что заставило тебя думать, что он будет иметь в твоих?

Кэрита не сказала в ответ ни единого слова. Встала, возвысившись над отцом, и одним резким движением бросила платок ему на плечи. Лёгкий кусочек красной ткани придавил ярла к своему месту, выдавил тяжёлый вздох из его груди, что в тягостном молчании, нависшем над площадью, был отчётливо слышан даже в дальних рядах. Торлейф, нельзя не отдать ему должное, старался сохранить лицо, не прогнуться, не упасть, но почти сразу руки его задрожали, плечи опустились, да и сам он весь сжался, покраснев от напряжения.

Ондмар Стародуб двинулся в их сторону, но к мечу не потянулся, то ли из уважения, то ли ожидая приказа. Он сделал один шаг, второй, замер на третьем, и с трудом, словно шагая

по дну моря, прошёл ещё немного, прежде чем остановиться окончательно, а после упасть на одно колено.

— Спаси нас, Создатель, не оставь в час нужды, — услышал Риг рядом с собой голос, наполненный страхом и злостью, и голос казался знакомым, но невозможно было вспомнить, кому он принадлежит.

Невозможно было вспомнить любые имена. Риг хотел повернуться, сказать что-то, но на самом деле не хотел, и не повернулся. Он вообще ничего не хотел, лишь стоял, смотрел вперёд и чувствовал тоскливую лёгкость в голове и тягучую слабость во всем своём теле. Торлейф же держался из последних сил, и было слышно, как тяжело хрипит он под тяжестью гнева бессмертной. Кнут, возвышенный на одну из верхних ступеней, тяжело привалился к соседней.

В этот момент остальная часть малой дружины открыто потянулась за оружием, но лишь немногие сумели его вытащить, и все те, кто преуспел, уже через мгновение свалились на землю, дёргаясь в болезненных конвульсиях. Шаур был единственным, кто не стал двигаться вовсе и продолжал стоять, тяжело опираясь на своё копье. Из всех способностей к движению сохранил лишь старший сын Торлейфа, Эйрик, и он приближался к отцу и сестре медленно, тяжело, плечом прижавшись к Каменным Ступеням. Пухлое, детское лицо его покраснелось, он взмок от пота, но продолжал неуклонно приближаться к сестре.

— Кэрита, хватит, — сказал он. — Пожалуйста.

— Теперь ты защищаешь его? — впервые за тот день её голос прозвучал знакомо, можно даже сказать обычно. — Ты? После всего, что было? После того, что он сделал?

— Я... защищаю тебя. Посмотри вокруг, посмотри, что ты делаешь... Кого ты думаешь этим спасти?

Судя по многочисленным вздохам облегчения, Кэрита отпустила дружинников, однако никто из них больше не рвался в бой, а упавшие на землю поднимались медленно, не прикасаясь к оружию. Сам Риг же почувствовал, что у него жутко чешется нос, левая нога немного затекла, а порыв ветра со стороны моря, пробравшийся сквозь исхудавший плащ, вызвал оторопь.

— Я просто хочу быть услышанной.

— Тебя и так слышат, Кэрита, — Торлейф медленно распрямился, не рискуя, однако, вставать и дыша тяжело, как после долгого сражения. — Я слышу упрямое желание, капризы, готовность зайти дальше разумного в делах, что тебя не касаются. И в которых ты не разумеешь дальше своего носа.

Девушка бросила на отца гневный взгляд, и тот поморщился от боли, но взгляда не отвёл.

— Подобное поведение недостойно даже для дочери ярла, но для бессмертной... Я разочарован глубоко. А тебе должно быть стыдно за себя.

— Кэрита, не нужно, — сказал Эйрик, рискнувший отойти от Ступеней и приблизиться к сестре. — Не вынуждай меня.

— Не вынуждать на что?

Вместо ответа он поднял руку, и на крышах близлежащих домов показались люди в доспехах: Риг насчитал шестерых, но ему и поворачивать голову было тяжело. А ещё он разглядел в руках у них арбалеты, а также много блестящих на солнце украшений, сделанных, вероятно, из закалённого стекла, и покрывающих их одежды и головы.

Стекло – редкий материал, а уж закаленное так тем более. Но это лучший способ защититься от магии бессмертных.

Арбалеты же – оружие Последней Стражи. Видимо, этим и заслужил иноземец Робин своё место за длинным столом. Советы, знания, подготовка людей.

Большие деньги были потрачены ярлом, чтобы защититься от своей дочери. Готовиться он начал ещё годы назад.

Кэрита отвернулась от брата, как и от всех остальных, и можно было лишь догадываться, о чем она думает. Морок её окончательно спал, и Риг видел теперь её настоящую, почти не изменившуюся со времён их детства. Болезненно худая, нескладная девушка, на которой любая одежда смотрится как на огородном пугале. Бесконечно одинокая.

— Ты можешь говорить, — сказал Торлейф, тяжело дыша и утирая бороду от натёкшей слюны. — Но не равняй свой голос с голосом достойного человека. Ты бессмертная, возвышенная мудрой волей Всеотца над нами так же, как возвышаются горы, моря или небо. Мы слышим голос неба во время грозы и голос моря во времена шторма, но мы не следуем их воле, как и не следуем за Поганой Дюжиной и их отпрысками. Ты не одна из нас, Кэрита. Но ты можешь говорить, и мы будем слушать.

С этими словами он бросил ей красный платок. Она не стала его ловить, но длинная полоска ткани едва ли не сама себя повязала на её изящной шее, дополняя изысканный наряд бессмертной, подчеркивая её утонченную красоту.

— Но это будет твой голос, Кэрита. Не эхо моего голоса и тем более не хор ушедших героев, что всегда следует за тобой и который зовётся магией. Только ты.

Она раздумывала недолго и уже через пару мгновений все вокруг изменилось. В мире не стало больше красок, он не стал громче или насыщеннее, он, в общем-то, никак зримо и не изменился, но как будто бы расцвёл из замёрзшего бутона. Мир вокруг стал просто больше, в то время как сама Кэрита стала меньше.

Гораздо меньше.

Она говорила, но в конце площади Риг не мог расслышать её голоса, и хоть стояла она с подобающей статью, была в тот момент лишь человеком. Женщиной. Она говорила, и люди слушали с уважением, даже те, кто стоял далеко и не мог разобрать её слов, но Риг не сомневался — когда она умолкнет, толпа продолжала молчать в ответ.

— У вашего народа интересные традиции, — сказал на железном языке Браудер, не обращаясь как-будто бы ни к кому конкретно и глядя вперёд. — Только на севере слова женщины, что способна силой своего желания заморозить кровь в твоих жилах, стоят меньше, чем слово трактирщика.

Риг не ответил, слегка повернул голову вправо. Там, всего в паре шагов от них, прячась за шатающейся фигурой бродяги Стрика, стоял Бешеный Нос. Он с великим и, на вкус Рига, несколько преувеличенным вниманием слушал обрывки долетавших до них слов бессмертной, хотя очевидно не мог толком ничего расслышать. Дикарь с Белого Края не смотрел в их сторону, но слышать ему всё же это не помешает.

— Не беспокойся на его счёт, — успокоил его осторожность Безземельный Король. — Ни один человек на этой площади не сможет нас услышать, даже если приложит ухо к твоей щеке. Говори свободно.

Вернув свой взгляд к Каменным Ступеням и брату, что воплощённым спокойствием стоял почти на самой их вершине, пока внизу решалась его судьба, Риг ответил, но голос, вопреки заверениям Безземельного Короля, предпочёл сохранить тихим:

— Люди запомнят уже только то, что я стоял рядом с вами, а губы мои двигались. В итоге это обернётся далеко не в мою пользу.

— Твой брат в любую минуту испустит свой последний вздох, в то время как сам ты выглядишь немногим лучше нищего. Я также готов держать спор на то, что ты будешь отправлен вслед за братом ещё до того, как растает последний снег, просто на всякий случай. Не думаю, что тебе осталось много что терять.

— У меня есть имя. И честь моей семьи.

— У тебя есть имя, — медленно повторил глава наёмником, словно пробуя эти слова на вкус. — Должно быть действительно хорошее, раз ты им так дорожишь. Истинный сын севера.

— Вы так говорите, словно это что-то плохое.

— С именами есть одна сложность, и тут я говорю из опыта – сами по себе они ничего не стоят. А слова мальчика ничего не стоят вдвойне.

— Я не мальчик. Я видел шестнадцать зим, и цепь моя началась.

— И это всё, что ты знаешь о себе: свой возраст да то, что чужие люди выдали тебе кусочек металла? Что ж, это обман, и тебя обманули.

Больше прочих Риг не любил уроки философии. Вэндаль так мог издеваться над ним часами, заставляя отвечать на простые с виду вопросы вроде «кто ты такой?» или «чего ты хочешь?», отменяя все возможные ответы как недостаточные. Это всегда так раздражало. Это раздражает до сих пор.

— Легко называть чужие ответы неправильными.

— Только когда ответ действительно неправильный. Стать взрослым не значит дожить до какого-то возраста, получить звено цепи, свой первый топор, жену, надел земли, шрам, титул или любой другой символ.

— Я заметил, что все вокруг так и норовят рассказать мне, как правильно жить, и как мало я знаю о жизни. Это что ли признак взрослого человека? Желание поучать других?

— В каком-то смысле. Взрослого мужа выделяет не грубый волос над губами, а мудрость которая падает с этих губ. А тот, кто не знает даже сам себя, никогда не скажет ничего мудрого.

Риг бросил быстрый взгляд на Безземельного Короля. Сам же главарь наёмников продолжал говорить, на собеседника не глядя вовсе:

— Никогда не понимал, почему нищие, лишённые дома и пропитания, не возьмут в руки нож, дубинку, или, на худой конец, камень? Что им терять?

— Свою жизнь, например?

— Много ли радости в такой жизни? Ты спрашивал, кто я? Если судьбе будет угодно бросить меня на самое дно, и восьмую башню Эриндаля привяжут к моим ногам стальными канатами, я буду бороться до последнего – это я. Буду стараться выплыть, буду тянуть великую Главную Башню с собой, буду рвать стальные канаты зубами, если ничего другого не останется.

— Считаете, что можете перегрызть сталь зубами?

— Я склонен полагать, что попробовать стоит в любом случае. Такой я человек, я себя знаю.

Риг облизнул пересохшие, обветренные губы, невольно сглотнул вставший в горле ком.

— А если бы кто-то другой попробовал? Если бы вы стояли на берегу и могли бы помочь такому несчастному с его канатами и его башней, что бы вы сделали?

— Зависит от цены, которую этот бедолага готов заплатить.

Риг вздохнул и поморщился – естественно, дело было в деньгах. В конечном счёте, дело всегда было и будет в деньгах. Торлейф понял это раньше всех, и теперь он правитель.

С раздражением Риг посмотрел на массивную фигуру своего врага, а после окинул взглядом его малую дружину, с Ондмаром Стародубом во главе и с шауром в довесок. Плюс достойное число опытных воинов, что заполнили площадь. Уже не первый год стояли эти храбрые ворлинги на защите интересов Торлейфа, и Торлейфу жертвовали часть своей добычи просто потому, что он ярл. Сделав свой выбор три года назад, они явно не отступят от него без веской на то причины.

Было бы полным безумием открыто обнажить оружие против ярла сейчас, тем более что с Кнута станет ещё и встать на защиту этого борава. Безумие, даже если две дюжины наёмников Короля встанут за ним, соблазнившись обещаниями будущих богатств. Что такое две дюжины против двух сотен?

Но все же у Браудера Четвёртого было имя, и видят боги, что это было за имя! Сам он говорит, будто бы имена ничего не стоят, но мир мало знал таких громких имён, как у главаря «Рыцарей Эриндаля» и оно само по себе уже имеет весьма немалый вес. Ондмар Стародуб или Вэндаль Златовласый известны по всей Старой Земле, но Безземельного Короля знают во всем

мире. И знают как человека, который участвовал в великом множестве битв, и из каждой из них вышел победителем.

И Риг задал вопрос, который не следовало задавать, даже когда никто вокруг не мог его услышать.

— Сколько?

Король не ответил и Риг, повернув голову в его сторону, увидел улыбку на его лице и с излишней поспешностью добавил:

— Сейчас у меня почти ничего нет. Но в будущем все будет иначе.

— Будущее меня интересует мало, но к счастью у тебя есть кое-что ценное уже сегодня. Твой брат.

Браудер взглядом указал Ригу на Ступени, и когда тот повернул голову, то увидел, как Кэрита смиренно возвращается на своё место.

— Мы слышали мнение бессмертной госпожи, — сказал Торлейф, обводя взглядом толпу. — И мы благодарны за её заботу о нашем благополучии. Она говорила, и её слова были услышаны. Кто ещё желает высказать слово в защиту Кнута?

Как и ожидалось, более никто не подал голоса и не вышел на Каменные Ступени говорить за обвиняемого, когда чужими устами против того говорил сам ярл. Даже поддержка десяти бессмертных не смогла бы этого изменить. Посмей они возвысить голос, и ничего бы не изменилось, но завтра Кэрита вернётся в свою обитель, а ярл по-прежнему будет здесь, и уже некому будет говорить в их защиту.

Риг хотел выйти и сесть на первую ступень. С гордо поднятой головой бросить своё единственное звено на тонком шнурке в лицо равнителя Вальгада. Поведать всем то, что и так всем известно, рассказать правду и уличить во лжи всех клеветников, а под конец плюнуть на обитые мехом сапоги Торлейфа. А ещё лучше взобраться на каменный постамент Одинокого Дозорного, привлечь внимание толпы, заставить их всех повернуться к нему, отвернуться от разжиревшего в миру ярла, и тем самым открыто противопоставить себя его власти. То был бы поступок, о котором позднее могли сложить славную песню.

Но не бывает песен про мёртвых дураков, и даже соизволь Торлейф дать ему разрешение говорить, да реши народ слушать, это лишь капля в море. Всего лишь лишний козырь в колоду ярла. И единственный возможный исход такого бунтарства — это обвинение самого Рига, изгнание обоих братьев в Белый Край.

Вот только не было сомнений, что сложись оно иначе и окажись на Ступенях сам Риг, Кнут вышел бы вперёд без раздумий, и совесть его оставалась бы чистой, как первый снег. Риг понимал это, и потому стоять смирно, и молчать ему было особенно тяжело.

Молчали и все остальные, и молчание это затягивалось. Риг пошёл вперёд, к Ступеням, отпихивая в стороны праздных зевак, медленно пробирался сквозь человеческое море. Слишком медленно.

На самом деле Риг не мог не признать определённого изящества в задумке Торлейфа. Не было сомнений, что стоило тому лишь пожелать, обмолвиться полупафосом, как в обвинительной чаше лежала бы половина всех цепей с города, если не больше. Он мог обеспечить обвинению любой перевес, добиться казни Кнута, его изгнания или даже исхода их семьи в Белый Край. Но тогда каждый смог бы увидеть его подгнившую сущность и усомниться в таком правителе.

Решением Торлейфа было обеспечить лишь небольшой перевес обвинителей над голосом Кнута, у которого сорок три звена и который, по мнению ярла, уж точно в свою защиту слово скажет. Не дурак же он молчать в такой ситуации, верно? Сорок восемь против сорока трёх в худшем случае грозит старшему сыну Бьёрга пятью ударами хлыста. Но так же и потерей цепи. Хороший способ показать пример каждому, кто дерзнёт идти против Лердвингов, но в то же время сойти за правителя милостивого и разумного.

Вот только Торлейф не знал, что значит быть достойным человеком.

Он ждал ответа, умышленно глядя лишь на толпу людей перед ним, но после затянувшейся тишины не выдержал, и всё-таки поднял голову.

— Скажешь что-нибудь, мальчик? Или ярл и жители Восточного Берега недостаточно хороши, чтобы ты снизошёл до ответа?

— Я буду говорить, — сказал Кнут. — На честном суде, когда он начнётся.

К тому моменту Риг уже почти добрался до Ступеней, но дальше народ стоял слишком плотно, и были там сплошь мужчины, по-северному гордые, из тех что переломятся, если кого вперёд пропустят. Со своего нового места Риг не мог видеть лица Торлейфа, но сидел тот спокойно и лишь огладил медленно бороду, а когда заговорил вновь, голос его оставался спокоен.

— Это говорит Кнут Белый, или же я слышу сейчас сына Бьёрга? Твой отец был человеком достойным, я горд был называть его своим другом, но уж дюже он был упрямый, не знал, когда нужно остановиться. Я говорил ему, когда наступал такой момент. И тебе я могу сказать то же самое.

— Упрямство привело его за длинный стол, Торлейф. Сделало ярлом.

— Ярлом его сделала его храбрость и воля случая. Упрямство привело к смерти на чужих берегах. И не был он в этом первым, и не будет последним, потому как именно этим упрямство всегда и заканчивается – смертью.

— А иные, стало быть, живут вечно?

Торлейф поморщился. Публичные пререкания с молодым воином явно не входили в его планы и не добавляли его положению солидности. Он явно терял контроль, но ещё не понял, где именно дала течь его лодка.

— Иные живут долго и в добром здравии. Думаешь, мёртвым есть дело до длинных цепей? О них и живые-то помнят лишь после еды на столе, в безопасности, когда есть крыша над головой.

Торлейф глубоко вздохнул и плотнее закутался в свою роскошную шубу. Когда он продолжил, его голос казался бесконечно уставшим:

— Цепь не стоит того, чтобы за неё умирать, уж можешь мне в этом поверить.

Кнут поднял голову, и Ригу показалось, что брат посмотрел прямо на него. Было это, конечно же, невозможным – Рига едва ли было видно из-за чужих плечей и голов, но все же он невольно постарался придать себе вид самый уверенный и достойный.

— Дело вовсе не в цепях, Торлейф, они всего лишь металл. Но моя цепь останется со мной.

Они замолчали.

Ярл отвернулся от Кнута, покачал головой.

Сорок восемь против ничего. По законам Севера...

— Тогда, сын Бьёрга, на ней тебя и повесят.

Толпа встретила новость громкими криками, и были среди них и радостные, со стороны Лердвингов, так и недовольные, числом больше, но при этом тише. Однако шло время, толпа затихала, а Кнут продолжал стоять на своём месте, неподвижный, словно статуя Одинокого Дозорного, и такой же, как статуя, невозмутимый.

— Спускайся, Кнут, — крикнул ему Вальгад с лёгкой насмешкой. — Не позорь имя отца, и не заставляй нас стаскивать тебя верёвками да тащить, точно собаку. Хочешь умирать, так умирай достойно. Суд закончился, ярл рассудил по справедливости, слово его было сказано.

Кнут сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, и цепь на его груди прозвенела, когда он сжал её в своём кулаке. А после он произнёс свои слова так, что их нельзя было не услышать – не кричал, но говорил всем своим сердцем, и люди на площади внимали в молчании, не шевелясь.

— Ярл Торлейф забыл, что такое справедливость. Я более не вижу в нем опоры для Закона, но вижу, как он опирается на Закон, пока чаши весов наполняет не железо, но золото. Нет более честного суда на этой земле.

Он оглядел притихший народ воинов, и никто не встретился с ним взглядом.

А потом он добавил:

— Но море рассудит честно.

Глава 5. Молитва висельника

Торлейф с видимым облегчением дал своё согласие испытанию на меже, углядев в этом лёгкий выход из затруднительного положения. Не пришлось казнить прославленного воина по явному предлогу, но и забирать свои слова обратно также не пришлось – на тот момент Торлейф видел это как свою победу.

Кнут неспешно спустился и в сопровождении Элофа Солёного отправился к берегу, переговариваясь о чём-то со стариком. Весь собравшийся на площади люд немедля потянулся вслед за ними, по пути прирастая любопытствующими и медленно вбирая в себя каждого жителя города. И если на судилище пришёл хотя бы один человек от каждой семьи, то поглядеть на межевое испытание собрался, кажется, весь город. Настоящее живое море, пёстрое и гудящее. Иные выбежали из дома в первой подвернувшейся под руку одежде, кто-то захватил с собой малых детей, что даже ходить ещё не могли самостоятельно, и даже старики, шаркая, с крошками еды в седой бороде, выползли посмотреть на это зрелище. Давненько никто не просил суда открытым морем, многие его и не видели никогда, а Риг предпочёл бы не видеть и дальше.

Все обсуждали грядущее – мужчины говорили с присущей им естественной деловитостью, в то время как женщины, что юные, что седые, давали волю чувствам и домыслам. Не остались в стороне и дети, стайками облепляя растянувшееся шествие, и то пропадая в его недрах, то выстреливая шумными искорками, убегая куда-то по своим детским делам. Через некоторое время они возвращались, держа в ладошках горсточку разноцветных камней, что шли у них за звенья цепи, или же прутики, что выполняли роль меча или топора в зависимости от его формы и длины. С прутиками разыгрывали они суд поединком, и многие хотели быть Ондмаром Стародубом, но иные брали на себя роль Кнута и принимали достойную смерть. Камешками же делались ставки на исход грядущего испытания, и вскоре Риг заметил, что подобного не чураются и взрослые, используя разве что не камни, а настоящие деньги.

В Кнута верили в основном азартные, хотя их было и больше, чем ожидалось. Сам Риг чувствовал холодное презрение к этому копошению, но и осуждать их не мог – простым людям нужны их простые радости. Но всё равно мерзко.

Потребовалось немало труда, чтобы добраться до головы этого многоголосого, сотканного из человеческих тел, чудовища, распахивая преграждавших путь без лишних церемоний и не оборачиваясь, чтобы извиниться. Пустая многоголосая толпа извинений не заслуживает. К тому моменту путь их был уже практически закончен, и в воздухе чувствовался чарующий аромат открытого моря, а если напрячь слух, то за гомоном безликих голосов можно было даже расслышать спокойное пение волн и пронзительные крики чаек, не привыкших к такому массовому вторжению в их вотчину.

Риг схватил брата за плечо – догнал, успел. Но изрядно вспотел и сбил дыхание, а потому сначала сделал три глубоких вдоха, успокоился и только потом сказал громким шёпотом:

— Ты набитый камнями дурак. Я предлагал тебе возможность спокойно сбежать, а ты выбрал это?

— Вот ты где, — расплылся в улыбке Кнут. — Рад тебя видеть. Все смотрел и смотрел на людей внизу, но никак не мог тебя среди них заприметить, почти было начал беспокоиться за тебя.

— За меня беспокоился? Ты вообще заметил, что это тебя сегодня судят?

— Тебе здесь не место, Риг, — вклинился в их разговор Элоф. — Ты должен уйти.

— Закон севера позволяет мне благословить моего единокровного брата до начала испытания и убедиться, что никто не сотворит над ним чар и не ослабит его отравой или злым словом.

— Ты трактуешь закон слишком вольно, — поморщился бывалый воин. — Старейшины...

Риг лишь отмахнулся от него, вернув всё своё внимание брату:

— Гордый, упрямый баран.

— Это такое у тебя благословение? — Кнут ухмыльнулся. — Душевно, мне нравится.

— Ты с самого начала это планировал, верно?

— Я же сказал, что утром будет суд, и что никто, даже ярл, не выше закона. Я, может, и не так умён как ты, Риг, но и я не дурак.

— Дурак, и ещё какой. Над всеми дураками конунг, дураков первый покровитель.

— Пока всё идёт как надо, — старший из братьев пожал плечами. — Торлейф дал согласие.

— Торлейф не понял твоей задумки, иначе бы просто не позволил тебе даже близко подойти к берегу. Но я тебя знаю, и то, что ты собираешься сделать – это сущее безумие.

— Я вижу это иначе.

— Значит, ты видишь это неправильно. Сделаешь, как задумал – погибнешь. Ты меня понимаешь, Кнут?

Старший брат лишь хмыкнул.

— И что в этом неправильного?

Есть что-то такое в суровых краях нашего мира, что заражает мужчин безрассудным желанием умереть. Риг лицезрел это массовое помешательство с детства. Мальчиков начинают учить обращаться с мечом, когда ростом они станут длиннее клинка, а потом на каждом дворе мужчин вдвое меньше всегда, чем женщин. Риг видел это каждый день, но всё равно не понимал. Иногда хотел быть таким же, как и они, иногда презирал их за такую глупость, и себя заодно, но понимать – никогда не понимал.

Ноги их заскользили по крупным, острым камням и стало ясно, что они пришли.

Широкое, каменистое побережье было забито мелкими рыбацкими лодчонками, уставлено сохнувшими крабовыми ловушками и сетями, что нуждались в починке, а сами камни были покрыты горстками подтаявшего грязного снега, гнилых щепок, вперемешку с дерьмом многочисленных чаек да медленно гниющими водорослями. Бывалые рыбаки говорили, что к запаху привыкаешь со временем, но к своим шестнадцати годам Риг сразу же почувствовал, как проситься наружу желудок, так что старался лишний раз взгляда под ноги не опускать и дышать неглубоко. Справа от идущих была небольшая пристань, на которой разгружались две изысканных каравеллы Торлейфа и одна пузатая каракка отшельников. Три этих корабля заняли все свободное место, вынуждая мелкие судёнышки налётчиков и шхуны торговцев ютиться в их тени или довольствоваться дальним берегом. По левую руку же была Позорная Скала, над которой, если хорошенько присмотреться, видна была вершина маяка, потухшая и невзрачная при дневном свете.

Народ собирался долго, и Риг успел продрогнуть до самых костей, пока неспешные вереницы растягивались вокруг них с братом широкой дугой, окружая. Пришла и Кэрита, скромно встав позади всех, сцепив руки в замок и не сводя взгляда с Кнута, пока тот, в свою очередь, и единого раза в её сторону не повернулся. На шее у девушки был массивный ошейник из закалённого стекла. Такими пользуется Последняя Стража, чтобы подавить магию у своих пленников и, по всей видимости, теперь ещё пользовался и ярл Торлейф, чтобы держать в узде старшую дочь. Довольно у него оказалось дерзости, рядить в кандалы бессмертную, но ещё удивительнее было то, что Кэрита позволила ярлу подобное. И даже после этого за спиной девушки тихо встал Робин Предпоследний, держа ладонь на эфесе меча и напряжённый слова стрела, лежащая на тетиве.

Теперь, когда магия Кэриты была задавлена стеклом, она не казалась Ригу красивой или даже привлекательной. Болезненно бледная, тощая и плоскогрудая, она будто так и не страх-

нула с себя до конца переходный возраст, оставшись неуклюжей конструкцией из локтей и коленей. Как есть Щепка. Стоя так близко к воде, она дрожала от холода как осенний листок на ветру, пока жирный Эйрик не укрыл сестру своим плащом.

Народ пребывал на берег бесконечным и крайне неспешным потоком, а взбудораженные чайки всё так же голосили во всю глотку, чем только усиливали раздражение Рига. И это даже не вспоминая о проклятом мокром ветре, задувающим с каждым мгновением как будто все сильнее и настойчивее. Когда до берега наконец-то добрался ярл Торлейф и его малая дружина, Риг был почти рад их видеть. Ондмар Стародуб шёл по правую руку ярла, могучий памятник уходящим временам, и что-то вкрадчиво говорил своему господину. Торлейф не отвечал, лишь хмурился. Когда же Ондмар закончил говорить, то ярл сделал взмах рукой, и бледнокожий шаур, что шёл позади него, с поклоном удалился, направляясь непонятно куда.

Сразу за ярлом следовал Йоран Младший, под вереницей насмешливых взглядов несущий в руках массивное деревянное кресло, украшенное изысканной и сложной резьбой. Не иначе как Торлейф не простил Тиру Большая Берлога его ругательства во время суда, и решил указать многодетному ворлингу его место. Судя по тому, что в этот раз Тир хмурил свои седые брови в благородном молчании, урок им был усвоен. Сам же Йоран не сказал ни слова, пока тащил свой груз, но взглядом огрызался цепко — ни дать ни взять затравленный волк.

Как только стул для важной задницы был установлен на специально расчищенном месте, и ярл сумел уместить в него своё широкое тело, все взгляды устремились на него, а голоса почтительно смолкли. Казалось, что и надоедливые чайки заметно притихли. Пусть Торлейф не отличался величием вида, но он был ярлом и за ним всегда были богатство и власть, не говоря уже про стоящего по левую руку могучего Ондмара. На севере люди от рождения равны, но и нет в мире места, где власть почитают сильнее.

— У тебя было довольно времени подумать по дороге до берега, мальчик, — сказал он. — Что-нибудь изменилось?

— Изменилось многое, — ответил Кнут. — Но только за последние три года. Мои же намерения остались прежними, как и мой выбор. Испытание на меже.

Торлейф слегка развёл руки в стороны, хлопнул себя по коленям и тяжело вздохнул.

— Сильна, видать, кровь Солнца Севера. Да будет так.

Этим он как бы говорил всем зрителям: смотрите, я пытался, но парнишка упрям, ну что ты будешь с ним делать. Вроде как у могучего ярла Торлейфа Золотого не было выбора. Разве есть какие-то другие варианты? Только и остаётся, что дать ему умереть.

— Видит Всеотец и вся Поганая дюжина, я не искал твоей смерти, мальчик и сделал всё, чтобы отвести её. Ты знаешь, каковы правила твоего грядущего испытания или мне стоит повторить их?

— Я родился и вырос на Старой Земле, повторять нужды нет.

— Добро, — Торлейф устало откинулся на спинку своего кресла. — Ты можешь начинать готовиться.

Элоф Солёный снял с пленника оковы и бросил их на землю, а сам Кнут, сперва размяв затёкшие запястья, стал медленно снимать с себя одежду. Оставшись в итоге абсолютно нагим перед всем городом, ничем он не высказал смущения и стоял ровно, без дрожи, хоть дующий с моря ветер пробирал до самых костей даже одетого.

Молодая рабыня, смущённо отводя взгляд, принесла ему большой кувшин, доверху наполненный медвежьим жиром, и Кнут стал растирать его по всему своему телу, не смущаясь ни запаха, ни людских взглядов. Люди смотрели в немом изумлении, ибо оставшись совсем без одежды, не снял Кнут с шеи свою цепь, и та звенела при каждом его резком движении.

Нечасто воины выбирают испытание на меже, но такое иногда бывает. Чего никогда ещё не было, так это чтобы воин решил с морем бороться с цепью на шее, пусть даже снять цепь

перед началом было всё равно, что отказаться от неё. А цепь у Кнута была не маленькая. Тяжёлая.

Впервые за весь этот день ярл увидел настоящего Кнута, понял его суть и посерел лицом, ужаснулся. Меряя людей по себе, Торлейф решил было, что Кнут просто хочет сложить свою цепь на своих условиях, не признавая себя виновным. Но не все ещё на севере были такими, как Торлейф Золотой.

— Ты так и собираешься плыть, цепи не снимая? — спросил он, и голос его был спокойным. Нужно было знать Торлейфа действительно близко и долгие годы слушать его, как друга и практически члена семьи, чтобы понять, как тяжело ему далось это спокойствие. — Оно не стоит того. Ничего столько не стоит.

— Цену определяют желающий продавать, — ответил Кнут, продолжая тщательно покрывать себя густым жиром. — А я ничего продавать не намерен.

Руки ярла вцепились в подлокотники кресла и взгляд его, всегда лёгкий и полный теплоты, сделался пасмурным, тяжёлым.

— Погибнешь, — сказал он коротко.

— Море рассудит, — ответил Кнут и встал ровно.

Ярл поднялся со своего места, смерил обоих сыновей Бьёрга тяжёлым, пронизывающим не хуже проклятого ветра, взглядом, и, наконец, изрёк:

— Добро. Ты уже взрослый мальчик, можешь выбирать ту судьбу, которая тебе в пору. Даже если судьба эта короткая.

После этого толпа снова обрела голос, заволновалась, зашумела. Никто, однако, не знал, как реагировать на случившееся, не представляя даже возможным сам выбор, что Кнут сделал с лицом столь спокойным, словно и не шёл он на верную смерть.

Расстояние от берега до горизонта, если смотреть с высоты человеческого роста и если море спокойно, будет примерно пять вёрст. Ну или пять километров – как бессмертные говорят, в старых учёных книгах по расчётам.

— Это безумие, — сказал Риг брату полушёпотом, пока в общем гомоне никто не мог услышать его слов. — Ещё и снег не весь растаял, вода ледяная, а ты две недели просидел в клетке на воде и хлебе.

— Я могу это сделать.

— Ты мог это сделать, сложив цепь на берегу. На это он и рассчитывал, думал, что ты просто упрямый дурак, что хочет проиграть на своих условиях. Был прав лишь наполовину.

Громкий крик Вальгада прервал их:

— Кнут, по прозвищу Белый, сын Бьёрга, кого возьмёшь ты себе на вёсла? Кто доведёт тебя до горизонта, откуда начнёшь ты своё испытание?

Кнут дважды хлопнул Риг по плечу и поднял голову.

— Йорана по прозвищу Младший, и Свейна Принеси, что говорили против меня на суде.

— Интересный выбор, — сказал ярл и махнул рукой, призывая выбранных. — Кого поставить у огня, Ингварра Пешехода или кого другого из твоих обвинителей?

— На твоё усмотрение, Торлейф. У тебя есть моё безграничное доверие.

Снова взмах рукой.

— Тогда Эйрик, мой старший сын и знаменосец, удостоится чести дать вам сигнал. Есть возражения?

— Покуда он может натянуть тетиву и послать стрелу в небо, у меня возражений нет. Он справится?

Несколько смешков в толпе. Ригу даже стало немного жалко неуклюжего жирного Эйрика. Интересно, он сам упросил отца сделать его знаменосцем, или же амбиции ярла не позволили ему иметь просто сына?

Сам Торлейф на оскорбление Кнута не отреагировал, лишь грустно покачал головой, и на мгновение Риг поверил, что тот и правда не желает видеть их смерти.

— Добро. Выдвигайтесь!

Риг хотел сказать брату какие-то напутственные слова, но его сразу же оттеснили в сторону. Не успел он моргнуть и глазом, как Кнут уже стоял в лодке, пока Йоран и Свейн орудовали вёслами. Пухлолицый же Эйрик оказался рядом с ним, держа лук и стрелу в своих смешных, пухлых ручках. Попытки Торлейфа превратить своего старшего сына в подобие настоящего ворлинга лишь ещё больше подчёркивали нелепость последнего.

— Это стоит немного, — сказал Эйрик тихо, не поворачивая головы. — Но мне искренне жаль. Я голосовал против.

Значит, было голосование. И было большинство, что отправило его брата на смерть.

Риг молча кивнул. Лодка стремительно удалялась от берега.

— Не уходи никуда! — крикнул Кнут и махнул на прощание рукой. — Я скоро вернусь!

Вскоре брат стал едва различимым пятнышком среди беспокойных волн. И Риг смотрел на это пятнышко и старался быть хладнокровным, через силу дышал медленно и глубоко, крепко зажмуривая иной раз глаза. Он и не заметил, как люди вокруг него расступились, а после и вовсе отошли на несколько шагов назад, и как ярл Торлейф встал справа от него, так же глядя на удаляющуюся лодку.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал он тихо. — Уставшим и сильно замёрзшим, если говорить честно. Сходи до питейного дома, съешь чего-нибудь и хорошенько отогрейся у огня. За мой счёт.

— Спасибо, может быть позже. Пока побуду лучше здесь. Он обещал скоро вернуться, и он сдержит своё слово. Хоть кто-то должен.

Торлейф пожал плечами, но под его толстой шубой это движение было почти незаметным.

— Полагаю, это должен быть укол в мою сторону? Прошло три года, а ты все ещё считаешь меня за предателя?

— Ты знал, чего хотел мой отец и говорил, держа руку на клятвенном камне и Всеотца призывая в свидетели, что разделяешь его мечты. Ты говорил что и жизни не пожалеешь, чтоб помочь этим мечтам осуществиться. Но сейчас ты все ещё жив.

— Твой отец мечтал, чтобы у севера были свои короны вместо цепей, и чтобы передавались они от отца к сыну, как заведено у железных людей. Я, как и прежде, разделяю эту мечту.

— Оно и видно.

— Тебе просто не по нраву, что сыном в короне будешь не ты.

— Мне не по нраву, — сказал Риг медленно, и так спокойно, как только мог. — Что люди нашего будущего короля приходят ночью с оружием к моему дому. Мне не по нраву, что достойный человек оказывается на суде, когда защищает свою семью и своё имущество. И совсем не по нраву мне, что после вынужден он искать справедливости в море, а не у того, кто назвал себя правителем.

Они помолчали немного, глядя на крохотную, почти неразличимую точку, что изредка мелькала среди волн у самого горизонта. Торлейф нарушил молчание первым:

— Он не вернётся. Доплыть до берега от самого горизонта, с тяжёлой цепью на шее ни одному человеку не под силу, и ты сам это знаешь. Три версты, в холодной воде, это и без цепи было бы сложным испытанием.

— Пять вёрст.

— Тем более. Кнут хороший пловец, сильный и выносливый, но шансов у него нет никаких. Ему нужно было одуматься ещё на Ступенях.

— Шансов, может, и нет, но у него есть гордость.

Риг и сам точно не мог сказать, почему сейчас защищает решение Кнута. Сам же его дураком последним называл ещё совсем недавно, и Торлейф по сути лишь повторил те слова. Сам Торлейф лишь усмехнулся.

— Гордость – быстрый яд для мужчины. Не повторяй его ошибки, мальчик, хотя бы ради сестры, ведь кто-то должен будет позаботиться о ней завтра.

— Она мертва, — сказал Риг и сделал небольшую паузу, чтобы взять себя в руки. — Суровая зима, большая часть нашего имущества отправилась в твой карман, мы голодали. Было тяжело, и она не справилась.

Риг давно уже прознал истинную натуру Торлейфа, но все же ожидал если и не раскаяния, то, по меньшей мере, сочувствия, на худой конец удивления. Однако жадный боров просто молчал, и на лице его не промелькнуло и тени.

И тогда, сделав глубокий вдох, Риг сказал:

— Если Кнут не вернётся, я разменяю у равнителя наш дом и все, что только можно – землю, остатки вещей, оружие отца, всё что только смогу. После этого я уеду навсегда, без лишней гордости. Ты, твоя дружина, твой ручной равнитель и весь этот город можете хоть подавиться друг другом, мне всё равно.

В этот момент Эйрик положил на тетиву стрелу с подожжённым наконечником.

— Лодка скрылась за линией горизонта, отец. Прикажешь стрелять?

Он натянул тетиву, прицелился в небо, но Торлейф остановил его жестом.

— Обожди немного, — сказал он и прищурился, приложив руку ко лбу козырьком. — Я почти уверен, что всё ещё вижу их вдалеке.

Риг сжал кулаки, все душевные силы прилагая к тому, чтобы не броситься на бесчестного мерзавца. Тот же продолжал говорить голосом тихим и невозмутимым:

— Я послал четверых воинов дорезать ваш скот, Риг. Я думал, что голод и нищета вынудят вас преклонить колено, так как я сам помню их особенно хорошо. Чувство настоящего голода может многое сделать с человеком. И не важно, сколь велика его гордость.

Скорость движение лодки – величина непостоянная. Если предположить, что скорость их движения не поменялась, Йоран и Свейн поддерживают тот же темп, что они взяли возле берега, то получится примерно четыре километра в час. Умножить на десять, разделить на тридцать шесть – каждая секунда это чуть больше метра дальше от берега.

Риг поднял голову:

— Полагаю, гордость одних людей будет всё же побольше, чем у некоторых. Ты думал, что мы преклоним колено от бедности, а сегодня решил, будто бы Кнут сложит свою цепь перед испытанием. Ошибся оба раза.

— Может быть и так. Но я вижу свою ошибку лишь в том, что вы на самом деле не были нищими.

— Мы голодали, спасибо большое за это.

— Но не в нищете. До того как Кнут сразил троих моих людей, они успели зарезать всех ваших овец. И пусть их было немного, но по рассказам Йорана Младшего то были славные животные: хорошая порода, с густой шерстью. Сытые, довольные овцы, что будут плодиться. И их было достаточно, чтобы вырастить большее стадо, продать, собрать достаточно денег, чтобы заручиться дружбой нескольких кланов или службой наёмников.

Не отвечай. Не затягивай разговор.

— Ты считать умеешь не хуже моего, Риг, и сейчас я не сказал тебе ничего нового. А значит, ты лежал и корчился от голода, и видел, как голодает твой брат, что три года рисковал своей жизнью в набегах, чтобы кормить тебя. Пока в шаге от вас блеяли эти овцы. Смотрел, как погибает твоя сестра, но так и не пустил под нож ни одного животного.

Холодные волны накатывали на берег одна за другой, снова и снова, пока Риг смотрел на горизонт, где уже давно пропала из видимости маленькая лодка с его бесстрашным братом.

Волна за волной, снова и снова, пока ярко горел наконечник стрелы Эйрика, пока сделавшие ставку на Кнута криком просили свои деньги обратно. И пока лодка уплывала все дальше от берега.

— Ты не бросил мне открытого вызова, а собирал вокруг себя предателей и шептал им свои обещания. Позволил своей сестре умереть. Когда твоего брата подняли на Ступени, молча прятался в дальних рядах и не сказал слова в его защиту. А теперь ты говоришь мне, что уедешь утром, и никогда не вернёшься, но я не верю человеку, который может со спокойным сердцем жертвовать столь многим. Я не позволю тебе уехать.

Риг чувствовал, как гнев переполняет его. Простая, чистая ярость, от которой темнеет в глазах, вскормленная немыслимой в своих размерах несправедливостью. И хоть не обещали никогда справедливости в этом мире, и сам Риг не раз был готов сказать это вслух, жестокая бесчестность происходящего душила его. Казалось, что стоит лишь шевельнуться, и весь он развалится на части.

Шёпот людей за его спиной, сначала робкий и неуверенный, неуклонно становился все более обеспокоенным и взволнованным. Но когда начало казаться, что у толпы вот-вот прорежется голос, ярл Торлейф скомандовал стрелять. В то же мгновение красный огонёк устремился в небо — Эйрик поспешил как только мог.

— Межевая линия пройдена, — сказал ярл громко. — Испытание началось.

Риг смотрел, как волны набегают одна за другой, считал их невольно, уверенный без всякой причины, что Кнут сразу же вернётся, как только число волн перейдёт за тысячу. Торлейф вернулся в своё кресло и укутался в свои меха, а Эйрик встал по правую руку от него. Риг же продолжал стоять у берега, спиной и к ним обоим, и ко всему их народу.

Ничтожества. Жалкие, мелочные, капризные ничтожества.

Это был именно их народ — Торлейфа, Эйрика, Ондмара Стародуба и прочих подобных им. Люди прошлого, что в своей суете проморгали рассвет нового мира, не обратили внимания на растущее год от года число голодных и нищих, не заметили, как цена добычи в походах стала слишком высока. Когда Хальфсен Рыжий собирал под своим командованием сотни кланов, все видели тень от его огромного войска и каждый слышал, с каким грохотом эта большая волна разбилась о высокие имперские стены. Они получили весть о смерти Бьёрга, наречённого Солнцем Севера, величайшего ворлинга из всех, но не разглядели в том для себя предзнаменования, а только возможность наживы. И все они — и ярл, и его прихлебатели, и серая безучастная толпа, все они получают по заслугам своим, и получают сполна. В этой мысли Риг находил утешение. Весь этот грязный недалёкий сброд мог в Белый Край пойти и сдохнуть там, ему не было до этого никакого дела.

Дело ему было лишь до холодных морских волн, что шли одна за другой, и было их сначала шесть сотен, а после восемь, девять и десять. Кнут не возвращался, Риг начал считать сначала.

На третьей сотне к берегу причалила лодка.

— Плывёт, — сказал запыхавшийся Свейн и бросил весло.

Йоран же и того не сказал, и оба они вернулись в народ.

Когда счёт волн вновь дошёл до тысячи, Риг хотел начать сначала, но не смог — разум его наполнился мрачными мыслями, и не было у него более сил их сдерживать.

Он остался один. После всех испытаний, принесённых жертв и рискованных решений, в конечном итоге он остался в одиночестве, когда за спиной столпилось великое множество людей. Он не может победить, и он не может уйти, вне зависимости от того, хотел он этого или нет. Больше всего на свете в этот момент Риг желал самому подняться на Ступени, и ему было даже неважно, какой повод Торлейф изыщет для этого, и какое наказание назначит после. Было сильное искушение облегчить ярлу задачу — броситься на него с топором, пусть надежда

на успех и была призрачной. Но топора у Рига больше не было, а даже и сложись оно иначе – не было желания портить подобной нелепицей память о брате.

Грязная от водорослей и мелких камней вода продолжала прибывать к берегу и отступать, оставляя после себя грязь и мелкую морскую шелуху. Неизменная, постоянная. Люди меж тем расходились, и хоть Риг не оборачивался, но слышал их шаги и удаляющиеся голоса. И хотя сам он продрог до самого основания своей души, не чувствуя лица и пальцев на ногах, присоединяться к ним не собирался. В его молчаливом дозоре не было смысла или какого-то разумного плана, но казалось, что уйди он сейчас и свершиться непоправимое предательство, убийство, словно само его присутствие могло что-то изменить, придать брату сил каким-то неизвестным, божественным способом.

В какой-то момент он впал в некое подобие транса, отрешившись от всего: и от боли в уставших ногах, и от холода, и от изнывающего без еды желудка. Даже в голове его уже не осталось никаких связных мыслей, а только одно лишь желание, ставшее целью – стоять на берегу моря, всматриваясь в далёкие волны. Поэтому и не сразу очнулся он, не сразу ожил телом и мыслями, когда Ондмар провозгласил на весь берег:

— Вижу его! Плывёт! Не признал Моребород паршивца!

До боли напрягая глаза, Риг высматривал брата среди однообразия моря и не видел его, как не видели и прочие люди. Но Ондмар Стародуб своё слово сказал, забирать обратно не собирался, и было этого достаточно.

— Вон он, — крикнул один, указывая вперёд, и все взгляды устремились по направлению его пальца.

А потом весь берег затопило причудливой радостью, словно и не эти люди молча провожали Кнута сначала на Ступени, а после и за межевую линию. Риг, впрочем, забыл про них в одно мгновение.

Он увидел его, живого, уже довольно близко к берегу. Кнут приближался к ним медленно, и даже с такого расстояния было видно, что просто оставаться на плаву стоит ему великих усилий, не говоря уже про необходимость плыть к берегу, но он приближался. И люди кричали ему слова одобрения, и Риг кричал среди них.

Кнут стал тем, кто прошёл испытание на меже, не снимая цепи, первым среди людей, и весьма вероятно, что последним. Когда до берега ему оставалось совсем немного, когда мог он уже ощупать ногами острое береговое дно, Ондмар Стародуб бросился в воду, не снимая своих одежд и не испрашивая чьего-либо разрешения, и Риг последовал за ним через два мгновения. Равнитель Вальгад пробовал возвысить свой голос, но заглушен был радостным криком толпы, а после и поднятой рукой ярла Торлейфа.

Ондмар первым добрался до дрожащего Кнута, с кожей синей, точно у мертвеца, подхватил его под правое плечо, а Риг подхватил под левое. Так они и вынесли его на берег вместе с его цепью, под ликование людское и гром их поздравлений. И все это время Риг слышал тихий, едва различимый шёпот:

— Я мог умереть, Риг, — говорил Кнут полубезумно, — Я мог умереть.

И народ приветствовал их, как должно приветствовать славного воина:

— Моря нашей крови! – кричали одни.

— Холмы наших тел! – вторили им другие.

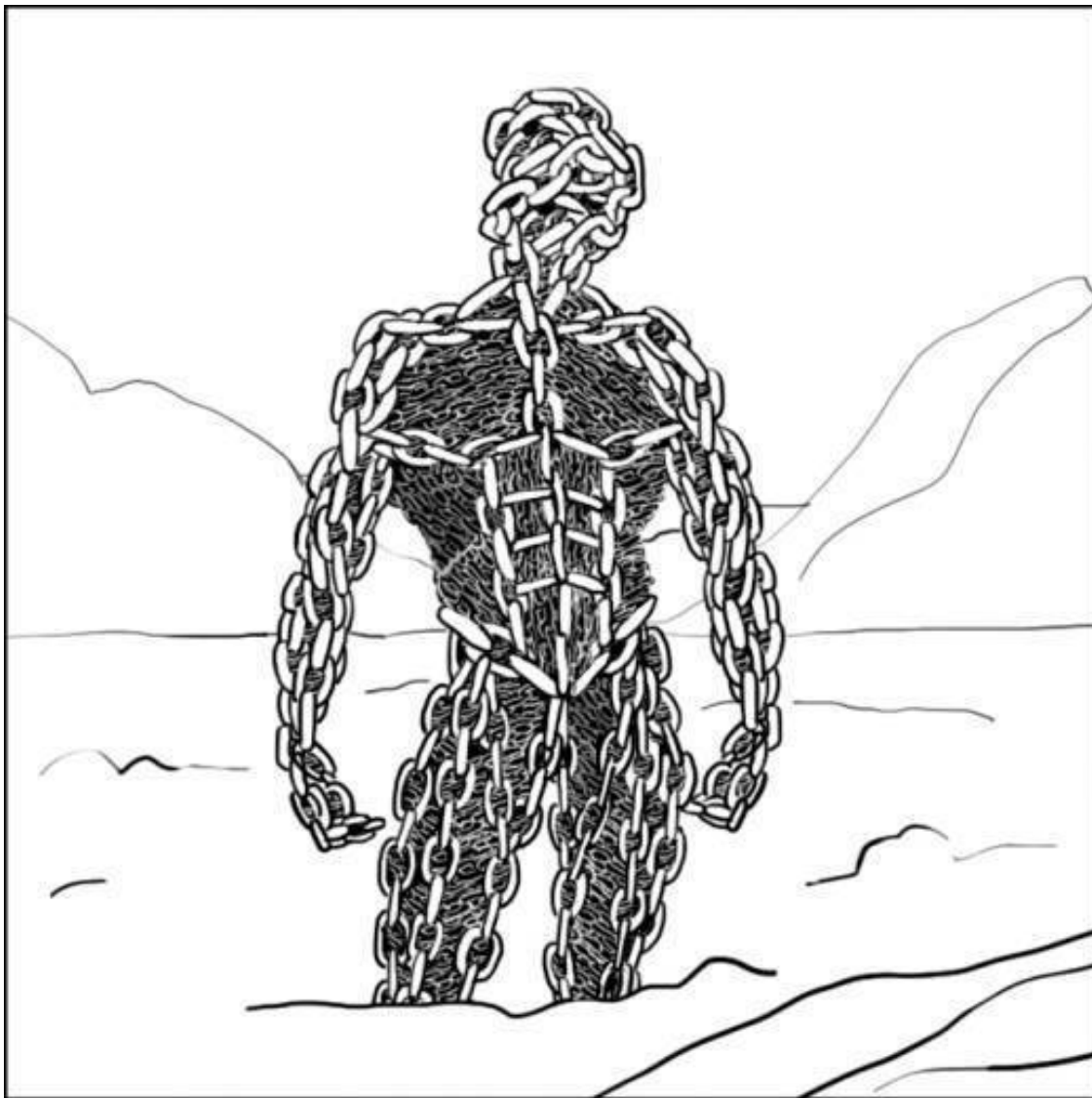
А третьи вопрошали:

— Что говорит он? Что он говорит тебе, Риг? Не слышно!

А Кнут все повторял и повторял своё «я мог умереть», и тёмное беспокойство росло у Рига на сердце.

— Говорит он, — крикнул Риг во всю глотку, и люди стихли сразу, в мгновение. — Подать ему тёплого эля, да побольше! Кувшином! Жажда измучила моего брата, пока он добирался до нас!

И сотни людей возревели одобрением, и лишь ярл Торлейф улыбался в своём кресле, глядя на них внимательными глазами, да наёмник Финн хмурил брови, отдавая слепому юноше два серебряных кольца и терпя подначки младшего брата. Риг зацепился взглядом и за Безземельного Короля, стоящего рядом с ними. В то короткое мгновение, что их взгляды встретились, главарь наёмников медленно кивнул.

Глава 6. Достоинство короля

На какое-то время весь мир словно отряхнулся от пьяного, беспокойного сна и вернулся на привычную колею. Риг и его брат сидели в питейном доме, окружённые всеобщим одобрением, за столом, уставленным яствами, и было им тепло, сыто и уютно. Никто не отводил взгляд, и даже напротив, улыбались, хлопали старшего из братьев по плечу, предлагали выпивку. Кнут встречал эти предложения рассеянным молчанием.

Как только полуживое тело Кнута вытащили на берег, Кэрита, избавленная от стеклянных оков, скромно потупила голову и, покраснев как варёный рак, возложила свои дрожащие тонкие ладони на его обнажённую грудь. Меньше чем за час она вернула Кнута к жизни, вышел даже более здоровым, чем заходил в воду. После этого девушка не сказала ни слова и поспешно удалилась в свою обитель на холмах, а Робин Предпоследний и шестеро незнакомых Ригу воинов с арбалетами служили ей почётным эскортом. Эйрик будто бы хотел переброситься словом с сестрой, но его отец отвлёк своего знаменосца делами и поручениями, увёл прочь как можно скорее. Слов извинений ярл Кнуту не сказал, хотя сейчас тот все равно едва ли бы выдал ответ.

Он не ел много, а разговаривал и того меньше, прикладываясь к кубку с хмелем несколько чаще, чем бывало даже в самые худшие времена. Цепь свою он снял, держал на коленях, и иногда оглаживал пальцами два новых звена, после чего качал головой каким-то своим мыслям и делал новый большой глоток. Он перестал бормотать про свою смерть к большому облегчению Рига, но, глядя на то, как стремительно пустеет очередной кувшин, тот скоро начал беспокоиться за брата с прежней силой.

— Ты в порядке? — спросил он, стараясь звучать расслабленно, как человек, у которого есть план. — Будет обидно, если после всего этого ты утонешь в кубке с медовухой.

Кнут с шумом грохнул пустым кубком по столу, чем на мгновение привлекая всеобщее внимание. Все до единого повернулись в их сторону, ожидая услышать слова героя. Кнут молчал.

— Хозяин! — крикнул Риг. — Ещё!

Собравшиеся воины одобрительно грохнули кружками и вернулись к своим делам. Лишь Стрик Бездомный задержал на них взгляд, сидя в своём грязном углу и глядя на Кнута как-то уж слишком внимательно для человека, который и босиком по снегу ходит, настолько ему всё равно. Но старик не стал подходить к ним и не сказал ничего, что, пожалуй, к лучшему, памятуя о его изысканной манере общения. Риг же решил игнорировать бродягу вовсе.

Подошёл мрачный Мизинец с новым кувшином и поставил его перед Кнудом. Пустые он оставил там же, где они и были – среди воинов принято показать, как много ты смог выпить за одну ночь, из-за чего столы иной раз трещали под тяжестью пустой посуды.

— Что-нибудь ещё? — пробубнил пузатый лавочник, скрестив руки на груди.

Без цепи на шее этот его жест выглядел уже не столь внушительно, как он к тому привык.

— Я хочу свой топор назад, — сказал ему Риг. — Тот, что сменял прошлой ночью.

— Четыре десятка ворейских монет.

Ригу стоило некоторого усилия, чтобы остаться сидеть на месте. Ещё больших усилий потребовала вежливая улыбка.

— Остатки того пойла, что ты выдал мне, едва ли стоили и трёх монет, о сорока же не могло бы идти и речи.

Мизинец скривился лицом от самодовольства, пожал плечами:

— Пройшей ночью ты владел топором Бьёрга, и мог продать его за сколько хочешь. Сегодня топором владею я.

Медленно выдохнув через нос, Риг потянулся к кошельку и отсчитал требуемое – половину тех денег, что дал им ярл в качестве компенсации за «отсутствие» Кнута в течение двух недель.

Получив деньги, хозяин питейного дома неспешно их пересчитал, что любой северянин посчитал бы за оскорбление, после чего пошёл к своей стойке.

— Ты сменял топор нашего отца? — услышал Риг слова Кнута. — На выпивку?

Даже не смотря на сердитый тон старшего брата, Риг не сдержал облегчённого вздоха. По крайней мере он говорит.

— Спросил человек, что вызвался с цепью на шее доплыть от горизонта до берега.

— Думаешь, это семейное? Склонности принимать плохие решения?

— Наш топор уже несёт обратно, а ты вот он, прямо передо мной, живой и здоровый – справился, сделал невозможное. Не так всё и плохо. Будем судить по результатам.

Про результаты последнего похода их отца он предпочёл умолчать, но Кнут всё равно про это вспомнил – видно было по лицу. Риг постарался улыбнуться как можно естественнее, словно у них и правда наступила светлая полоса, а не передышка на один-два вечера. Но Кнут лишь покачал головой:

— Я не справился, Риг. Что-то потянуло меня вперёд, с середины пути, когда я окончательно выбился из сил. Я не был даже уверен, что плыву в правильном направлении.

— Поплыл бы тогда обратно.

— Смешно, — отозвался Кнут без капли веселья в голосе. — Я всегда знал, что однажды умру, в бою или как-то вот так. Но я не думал, что... я даже не знаю как это описать.

— Что после смерти ты будешь мёртв?

Кнут нерешительно кивнул.

— Что-то вроде того. Но потом кто-то вытащил меня, потянул за цепь, точно рыбу на крючке.

— Видимо, бывает и такое — ответил Риг. — Всякое может случиться.

Риг думал об их разговоре с Безземельным Королём, о башнях на дне моря, цепях и долгах. Вспомнил и слепого мальчика с птицами – странный, конечно, попутчик для главаря наёмников. Точно не воин. О своей погибшей сестре и словах Торлейфа он старался не думать.

Мизинец вернулся, бросил топор на стол прямо перед Ригом.

— Забирай, — сказал он. — Посмотрим, надолго ли он с тобой.

— Посмотрим, — кивнул Риг и взглядом указал в сторону наёмников. — Ярл Торлейф просил передать, что воины Браудера Четвёртого гуляют бесплатно. Он обещает потом возместить тебе убытки.

Толстяк был вовсе не рад таким новостям, нахмурил свои седые брови, сжал зубы и ушёл в волнении. Понятная реакция. Неприятно, когда ты должен правителю, но ещё хуже – когда правитель должен тебе.

— Мой стол Торлейф пожелал оплатить тоже! — крикнул вдогонку Риг. — Так и сказал мне на берегу, мол, сходи до питейного дома, поешь да отогрейся, за его счёт. Его слова.

Толстяк не обернулся, и будто бы даже ускорил шаг. Риг с ухмылкой поднялся – маленькие победы дают почти столько же радости, сколько и победы большие.

— Если ты за едой, то мне уже хватит, — сказал Кнут, вновь прикладываясь к кубку.

— Нам обоим сегодня хватит. День завтрашний вызывает куда больше вопросов.

Кнут поставил кубок на стол, утёр рот предплечьем.

— И куда мы идём? — спросил он, медленно поднимаясь.

— Выказать благодарность.

На выходе из питейного дома им встретился Элоф Солёный. Старый воин как будто бы ничем не был занят, просто стоял у дома напротив и курил табак из выдавшей целую жизнь

трубки. Подозрительно часто Риг стал видеть Элофа рядом с собой, но предпочёл не задавать ему никаких вопросов. Без доказательств-то правды всё равно не узнаешь, а если старик невиновен, то будешь выглядеть напуганным дурачком. Да и странно ли, что человек, умеющий в этой жизни только людей убивать, слоняется без дела в мирном городе, где убивать некого? И странно ли иногда наткаться на него, если весь город можно от края до края пробежать до того как вспотеешь. Совсем не странно.

Риг с братом повернули и зашагали в сторону пристани. Элоф почти сразу же докурил свою трубку, пошёл в другую сторону. В сторону ярлова дома. Совсем не странно.

Сама улица, меж тем, встретила братьев неприветливо – все самые благородные да смелые остались в питейном доме, покуда не протрезвеют и не примкнут к остальным. Никто, конечно, не кидался в братьев камнями или грязью, не обсыпал ругательствами и не уводил прочь детей при их приближении, однако косились точно. И пока они с братом шли в сторону пристани, вокруг них будто бы образовывался пузырь упругого воздуха, в который никто не желал входить, предпочитая свернуть на другую сторону или обойти кругом. Те же, кто не имел выбора и вынужден был пройти подле них, прятали глаза и делали вид, что торопятся по делам столь важным, что не имеют они времени даже на приветствие.

Моребород не признал в Кнута бесчестного, однако волны не смыли с него обвинений. Всё, что знал простой народ, так это то, что старший сын Бьёрга обвинялся в убийстве безоружных, был судим и смог избежать изгнания или позорной смерти лишь потому, что смог доплыть до берега. Боги судили его, или же он просто достаточно молод и силен, чтобы избежать наказания? Даже оправданный, Кнут не был полностью свободен, и люди всегда будут говорить у него за спиной.

Единственный, кто смотрел на них внимательно, так это дикарь с Белого Края по имени Бешеный Нос. Глаза и уши Торлейфа, он делал вид, что пытается сделать себе самокрутку, но слишком выделялся в толпе тем, что не отводил взгляда. Можно было бы, конечно, разоблачить этого шпиона и получить краткий перекус удовлетворением, но Риг предпочёл иметь на своём хвосте известного шпиона, чем потом заново искать неизвестного – маленькими победами не стоит упиваться. Пусть смотрит, они с братом не делают ничего плохого.

Так, чужими среди знакомых лиц, они и дошли до пристани, где их уже ждал массивный корабль отшельников – изгнанники, народ-без-дома, жители кораблей. Впечатляющий размерами, но неуклюжий по форме, каракка видом своим походила на пузатую бочку, к которой забавы ради приделали парус. Чудно было осознавать, что на таком совсем не вызывающем уважение корабле можно выйти в открытое море и отправиться к любым, даже самым далёким берегам. Впрочем, старый, повидавший не одну бурю корпус внушал доверие своей массивностью, хоть и был грязен донельзя, и даже опытный Риг мог сказать, что чинили корабль неоднократно, и не осталось в нём ни одной изначальной доски.

Типовая каракка имеет длину до пятидесяти метров, ширину до двенадцати, а высота борта доходит до девяти метров. Эта, впрочем, выглядит несколько скромнее, приблизительно тридцать метров, не больше. Хороший корабль, практически бесполезный, если ты желаешь прибыть куда-то быстро, но незаменимый, если желаешь получить самые высокие шансы добраться до цели живым.

Иного, впрочем, и не ожидалось от корабля, который, точно рак-отшельник с брошенной раковинкой, сделали своим домом горстка изгнанных оборванцев, что копошилась сейчас на снастях. Риг с любопытством оглядел отшельников: этих мужчин, женщин и детей, часть из которых должно быть ни разу не ступали на твёрдый берег. Те разглядывали его в ответ.

Ненависть в каждом взгляде, вечно тлеющую злость, впитанную ещё с молоком матери да варёными водорослями, или что они там вынуждены есть вместо нормальной пищи. Они ненавидели его едва ли не больше, чем он их презирал. Точно перегрызли бы ему горло во сне

теми остатками зубов, что смогли сохранить специально для этой цели, если дать им такую возможность. Безземельный Король определённо умел подбирать себе интересных спутников.

Слегка заворожённый морскими бродягами, Риг неспешно двигался к опущенному трапу и не заметил двух мрачных охранников до тех пор, пока один из них не окликнул его по имени:

— Довольно, Риг. Обожди здесь.

Охранниками на сходе с трапа выступали не отшельники, как можно было подумать, но двое ворлингов, хотя по незнанию их и легко было принять за чужаков. Так, обратившийся к Ригу, и наречённый по делам своим Трёшкой, а более никакого имени и не имеющий, был смуглый кожей и с чёрными, как смола, волосами. Из-за своей внешности он куда больше походил на наёмника Безземельного Короля, чем на воина севера.

Рождённый в стране жаркой, на далёких берегах, Трёшка был пленён ещё до того, как смог это осознать, и по всей видимости принадлежал роду важного человека, раз за его возвращение Торлейф запросил три золотых кольца. Однако сам Трёшка, по всей видимости, не был столь важен, так как родня его выкупа так и не прислала, и мальчик со смуглой кожей остался жить среди ворлингов на положении раба, покуда сам не скопил нужное количество денег в тяжких трудах и опасных походах. Вот только получив на руки три золотых кольца, Трёшка не стал выкупать своей свободы, вставив одно кольцо себе в ухо, второе – в левую бровь, а третье – в нос. Так и ходил он, самый богатый невольник на всем севере, и во всём послушный старшему сыну ярла, Эйрику, коему Торлейф передал право владения.

Вторым стражником была низкорослая девушка из отшельников, которая, тем не менее, была ворлингом и жила в Бринхейме уже многие годы. Такая же мелкоглазая и уродливая лицом, как и все представители её народа, с короткими волосами, обрезанными почти у самого черепа, пришла она к ним соплячкой без имени, а как доросла до девушки, то была в итоге наречена Дэгни Плетуньей.

И сложно было представить человека, которому бы меньше всего подходило слово «девушка». Лицо её едва ли хоть раз за всю жизнь озаряла улыбка, да и сама она была сплошь углы и острые грани, как если бы у кинжала внезапно выросли зубы. В её движениях не было ничего грациозного или женственного – лишь сухая необходимость и результат. Пришла она в их город уже остриженной, малявка лет восьми от роду, но волоча за собой сани с мёртвым мужчиной, мечом и парой ножей. Одежда мелкой отшельницы, даже испорченная кровью и грязью, стоила явно немалые деньги, и на мелкоглазой смотрелась как подлинное чудо. В таком виде, прямо вместе с мертвецом на сани, её и принял у себя дома Ондмар Стародуб, забрав меч мертвеца в уплату за свою доброту, а саму девочку пристроив на кухню помощницей.

Не прошло и недели, как Дэгни отгрызла ухо поварёнку, что вздумал украсть её ножи, за что не только не была наказана, но была взята Ондмаром на обучение лично. Великий воин тоже не разглядел в ней женщины, а потому бил её, не сдерживая руки, и требовал даже более, чем с равных. Но она не жаловалась, потому как сталь не умеет жаловаться на кузнеца и его молот. А когда подросла, то хвостом стала ходить за старшим сыном ярла, чему все подивились безмерно, но объяснения не нашли. Чудная из них была пара – пухлощёкий, мягкий лицом и весь покрытый нелепыми веснушками юноша, и девушка, что цепь свою обернула вокруг пояса, вечно со свежими синяками, а видом своим напоминает потёртый канат, на который якорь цепляют.

Риг оглядел обоих охранников, бросил взгляд вверх по трапу, на корабль, прекрасно понимая, кого именно эти двое тут стерегут. И не то чтобы присутствие ярлова сына могло его напугать, но Ригу было тревожно от того, что он не мог измыслить хоть какой-то причины для Эйрика быть на этом корабле. Во всяком случае такой, что не обернулась бы для Рига и его брата новыми проблемами.

— Когда последний раз мне случалось проверить, — сказал Риг, становясь против эйриковой свиты, — Земля наша была родиной свободных людей, и мы с моим братом были людьми

свободными. А значит, можем идти куда пожелаем, не спрашивая разрешения у невольника и безродной бродяжки.

Трёшка примирительно поднял руки, но и в сторону не отступил.

— Было бы славно, пожелай вы идти куда-нибудь ещё.

— Или что? — вмешался Кнут. — Ты нас остановишь?

— Я не ищу ссоры, Белый Кнут, лишь делаю, как мне велено. Ты можешь выбирать, как тебе поступить, но я же, как невольник, лишён такой роскоши.

— Стало быть, не уступишь? — спросил Риг и выразительно положил ладонь на заткну-тый за пояс отцовский топор. Приятно всё же было вновь чувствовать его тяжесть.

— Всё в ваших руках, — улыбнулся Трёшка, миролюбиво сцепив руки у себя за спиной.

В то же время хмурая Дэгни насупилась, дыша тяжело и в каждой руке уже сжимая по одному из своих старых ножей. Не девушка, не человек даже, но жаркое пламя, запертое в крошечной спичке. Нужна только искра.

— Есть в мире причины для кровопролития и получше, чем необходимость немного подождать, — послышался голос Эйрика с корабля, и Риг невольно расслабился.

Через мгновение появился сам наследник Торлейфа: неспешно спускаясь по трапу и глядя под ноги с опаской, руками он помогал своему нелепому телу держать равновесие. Впрочем, он все же нашёл мгновение и приветствовал братьев вежливым кивком головы:

— Почему, где бы вы двое ни появились, всегда люди тянутся к оружию?

Он улыбнулся им, словно они были старыми друзьями, продолжением крепкой дружбы их отцов и матерей. Словно они всё ещё были друзья.

— Я рад, — улыбнулся Эйрик, спустившийся на пристать и поравнявшись с ними. — Безмерно рад, что утреннее испытание завершилось к лучшему.

— Думаю, твой отец может не согласиться с такой оценкой, — заметил Риг.

— Мой отец не хочет терять добрых воинов без войны, да ещё и в собственных стенах. Мой отец хочет мира, Риг.

— Те, кто резал остатки нашего скота под покровом ночи, тоже делали это во имя мира?

Улыбка ушла с лица Эйрика, он тяжело вздохнул.

— Все могут совершать ошибки. Но никогда не поздно сменить направление и унять лишнюю гордость, признать свою неправоту...

— Преклонить колена? — закончил за него Риг. — Боюсь, для этого уже точно слишком поздно.

— Я слышал о вашей утрате. Ваша сестра..., мне жаль слышать о новых испытаниях, что выпали на долю вашей семьи.

— Дай угадаю, по тому вопросу ты тоже голосовал против?

— Риг, я знаю, что для вас это особенно нелегко, и...

— Ты ничего не знаешь, — сказал Кнут, и Ригу на мгновение показалось, что тот набросится на сына ярла, но брат лишь фыркнул. — Ничего.

— Пусть так, — не стал спорить Эйрик. — Но я всё равно искренне соболезную вашей потере и искреннее радуюсь исходу сегодняшнего суда. А так же надеюсь, что сегодня мы более не встретимся. Море было к вам милостиво, но сталь может оказаться не столь разборчивой.

На этих словах он пошёл прочь от корабля, обойдя братьев вместе со своими телохранителями.

— Это угроза? — спросил Риг его спину.

Спина не ответила. Пожав плечами, Риг постарался выбросить Эйрика из своей головы и стал подниматься на корабль — предстоящий разговор рискует быть непростым, и лучше бы явился на него собранным. Кнут, помедлив немного и глядя на бегущие под ними волны, сделал глубокий вдох и последовал за ним.

Иноземцы, облюбовавшие центр верхней палубы, определённо входили в кураж, и словно и не было у них прошлой ночи, и словно не было у них и дня завтрашнего. Они пили, шумели, отвечивали плохие шутки и двусмысленные комплименты уродливым мелкоглазым отшельникам, а также пели простые песенки про смерть, разврат и обречённость, почитая громкость голоса превыше нот и ритма. Мелкоглазые, привыкшие куда больше к проклятиям и побоям со стороны других народов, к веселью присоединялись настороженно, как не знавшие ласки собаки, иные же игнорировали иноземцев вовсе.

Риг миновал и тех и других, следя за тем, куда ставит ногу и избегая подозрительных пятен и луж, стараясь при этом не оборачиваться и идти неспешно, даже немного вальяжно, словно ничего особенного и не происходит. Дышал медленно и спокойно, словно и вовсе разучился это делать, пока запах жаренного мяса, пота и забористого хмеля наполнял его естество, придавая ему странной уверенности. Невольно его взгляд зацепился за знакомые фигуры: Финн наигрывал что-то на своём струнном музыкальном инструменте, пока его младший брат, сидя рядом, разделявал мясо для следующей большой порции. И то, с каким сосредоточением он это делал, с каким лицом ломал кости и отдираал с них мясо, вызывало мороз по коже. Финн сказал что-то, и Бартл коротко засмеялся, а после пихнул брата локтём в бок.

Сам Браудер Четвёртый, он же Безземельный Король и Змей Эриндаля восседал возле фальшборта, за небольшим столиком с белоснежной скатертью. Початая бутылка вина стояла на этом столе, и два бокала были подле неё – один, пустой, держал в руках Безземельный Король, а второй, наполненный до середины, стоял без владельца.

Пытаясь соответствовать своему уверенному виду, Риг сел рядом с Королём и, не зная толком, что делать дальше, отпил немного вина из чужого бокала. Интересно, хоть кто-нибудь в действительности отличает одно вино от другого, и хорошее от плохого? Покрутив в руках тонкое стекло, Риг поставил бокал на прежнее место, сказал коротко:

— Спасибо. За помощь, на испытании.

Кнут встал позади него, словно и не старший сын Бьёрга, а телохранитель для младшего брата. К этому невозможно привыкнуть. Сам Короля не поблагодарил, будто его это всё вообще не касается.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Король, взяв оставленный Ригом бокал и сделав маленький глоток. — Уверяю, мной двигали самые корыстные мотивы из возможных.

— И все же я благодарен, — Риг не знал, за какой бокал ему теперь братья, и предпочёл сложить руки на коленях. — Но моя благодарность это все, что я могу предложить, раз уж я не просил об этой помощи.

— Мои новые друзья, лирийские банкиры, скорее назвали бы это инвестициями, а не помощью. А банкиры – худший вид друзей. Особенно лирийские.

— Об этих инвестициях я не просил также, название не меняет сути. Я знаю, что вы сделали, или вернее что сделал ваш бессмертный, повелевающий птицами. И я, и мой брат благодарны.

Риг услышал, как брат его шумно выдохнул носом. Белый Кнут, гордый сын севера, не просил помощи, и не желал жульничать на испытании или в честном суде. Но был рад всё же остаться в живых, а потому держал свои возражения при себе.

— В названиях, мальчик с севера, самая суть. Как человек, выросший среди людей с двумя именами, я думаю, ты должен понимать это лучше многих.

Используя салфетку, главарь наёмников промокнул губы, свернул её после этого дважды и аккуратно убрал под свою пустую тарелку. В его присутствии Ригу делалось неловко: то, как безземельный Король сидел, как смотрел и как брал бокал – любое его движение или эмоция были преисполнены какой-то внутренней силы и заставляли Рига чувствовать себя простым и неуклюжим, лишним на своём собственном месте. Непривычное чувство.

Сам же Король не подавал виду, что манеры его собеседника, или вернее полное отсутствие оных, хоть как-то задевают его внимание. У него была эта странная особенность со всеми говорить как с равными, но при этом дать понять, что это уступка с его стороны.

— Однако ты прав, когда говоришь, что мы так и не обговорили цену. С этим делом лучше не затягивать, тем более, когда работа уже наполовину сделана. Итак, сколько ты хочешь за свою помощь?

— Мою помощь? — растеряно повторил Риг.

Нужно было отдать Королю должное — он знал, как перехватить контроль над беседой.

— Твою, и твоего брата. Как я и сказал, его спасение не было благотворительностью, он тоже нужен мне живым. Но я не считаю его отдельной стороной сделки, и договариваюсь только с тобой. Цена, стало быть, будет только одна.

Кнут фыркнул за спиной младшего брата, но возражать не стал. Браудер смерил Рига терпеливым, лишь самую капельку насмешливым взглядом, и откинулся на своём стуле, сложив руки в рубашке с изысканными манжетами на животе. Риг же чувствовал себя идиотом. Он помнил это чувство ещё со времён, когда Вэндаль Златовласый учил его математике и геометрии, всегда умудряясь находить самые слабые места в познаниях своего ученика. Он надавливал на эти места всё новыми и новыми вопросами, а каждый дрожащий и неуверенный ответ встречая вздохом или закатыванием глаз. В тот день, когда с математикой было покончено и Вэндаль уступил место следующему преподавателю, как к своему удовольствию, так и к удовольствию Рига, последнему казалось, что он больше никогда не окажется в этом положении. Но вот ему снова будто бы стало двенадцать, и его учитель нетерпеливо вздыхает.

— Я бы хотел услышать твою цену, мальчик, и желательно до захода солнца. У тебя же есть цена, верно?

— У всех, кто хоть чего-то стоит, есть цена, — отозвался Риг, сглотнув вставший в горле ком.

Так их отец говорил.

Риг же знал абсолютно точно, сколько ему нужно денег, высчитал эту сумму ещё два года назад, и каждый день с тем самых пор пытался приблизиться к ней. Он посчитал, сколько ему будут стоить услуги наёмников, сколько запросят за свою преданность пять кланов, и сколько Лердвингов он сможет сманить на свою сторону за правильный звон золота в правильное время. Он даже знал, монетка к монете, сколько потребуется потратить на подарки для ярлов соседних земель, чтобы они в нужный момент остались греться у своего костра и не оборачивались на чужие дела. Риг всегда хорошо считал, ещё с детства. Он знал точную сумму, и знал, что сумма эта была велика, а они с братом, два безродных и опальных ворлинга, один из которых и в бою-то не был ни разу, не стоят и десятой доли этих денег. Но какой смысл соглашаться на меньшее?

— Я хочу богатство, — сказал Риг и поднял голову. — Это моя цена.

Риг ждал, что главарь наёмников рассмеётся ему в лицо, но тот лишь презрительно усмехнулся.

— Деньги, — сказал он, словно речь шла об изгаженных чайками камнях.

— Я не назвал суммы, — заметил Риг, словно оправдываясь. — Но я хочу много, явно больше, чем у вас есть. Настоящее богатство.

— Ты не знаешь, что у меня есть, а чего у меня нет, мальчик с севера. А в первую очередь, у меня есть уши. И этими самыми ушами я слышал, что ты слывёшь за человека умного, во всяком случае, здесь, в последнем островке цивилизации на пути к вечным ледяным пустошам.

Король бросил взгляд за борт, в сторону родного города Рига, как бы говоря, что в целом и не ожидал много от человека, умного по местным меркам. Но всё же выглядел разочарованным. Взгляд свой на Рига он так и не вернул, но продолжал говорить:

— А потом ты просишь денег. Монеты, кольца, пластинки металла со словами Пророка — это не цена. Это недостаток ума и воображения.

— Воображение не накормит воинов, — справедливо заметил Кнут. — Не завернёт их тела в броню и кольчугу, не вложит в их руки оружие, не накормит в походе и не снарядит корабли. Желаящий большего всегда должен желать денег.

Риг же постарался сохранить выражение достоинства на своём лице:

— Что же советует просить командир наёмников, как не презренное золото? Мне нужно многое, и многое стоит денег. Если бы обещания и честь стоили хоть что-то, я бы попросил расплатиться ими, и возможно был бы самым богатым человеком на всей Старой Земле, не сидел бы здесь вовсе.

— Сидел бы на месте своего отца? — улыбнулся Король и выпил ещё немного вина. — Ты, как мне кажется, весьма силен в вопросах «если» и «может быть», но точно новорождённый котёнок, когда дело доходит до вопросов «когда» и «каким образом».

Ригу было довольно непривычно встретить человека, который считал себя умнее него. Да, Вендаль Златовласый был куда лучше образован, а Торлейф как будто бы был куда ловчее как политик, но в сумме очков Риг привык считать себя фаворитом. И теперь чужеземец смотрит на него свысока и думает, будто бы Риг не видит его замыслы?

— Мёртвые Земли! — выпалил Риг, возможно излишне громко, чем привлёк несколько заинтересованных взглядов со стороны мелкоглазых и наёмников. — Я не дурак, я понимаю, что вы планируете, и зачем забрались так далеко на север. Вы собираетесь в поход на Мёртвые Земли, искать забытые богатства.

Взгляд Короля снова вернулся к Ригу. Спокойный, изучающий взгляд неспешного покупателя с большим кошельком. От этого взгляда ком стоял в горле и хотелось поёжиться, сесть поудобнее, но Риг все же смог подавить этот порыв, откашлялся и продолжил тихим полусмешным тоном:

— На севере нет ничего, кроме снега, воинов и безумцев, и никому не нужно первого, а второго у вас и так в избытке. «Славные шесть сотен», так я слышал.

— Может чуть меньше. Или чуть больше, смотря как считать.

— Шесть сотен это довольно много.

— Зависит от точки зрения. Это, по меньшей мере, вдвое больше нужного, если предел твоих мечтаний небольшой городок в преддверии безжизненных пустошей. Ты можешь купить эти шесть сотен головорезов, ты можешь их продать — сделки, торговля, обмен денег и любезностей. Но если твои желания лежат в другой плоскости и твоя цель, скажем так, несколько более амбициозна, то шесть сотен стоят не больше, чем снег посреди зимы.

Риг медленно кивнул.

— Поэтому и собираетесь на восток, искать что-то сильнее, чем армия? Древнее оружие посреди оставленных берегов?

Король не ответил, ни словом, ни жестом не подтвердил правильность догадки Рига. Отрицать, впрочем, он тоже не стал.

— Снег, воины и безумцы, — повторил Риг. — Без первых двух остаётся лишь один вариант, и все безумцы рано или поздно плывут на восток. Если, разумеется, смогут найти корабль, что согласится ждать за горизонтом, проводника, что проведёт вдоль тихой смерти, да бессмертного, что спрячет во сне.

Риг посмотрел на слепого юношу с живым чучелом птицы на плече. И хоть тот и смотрел своим невидящим взглядом прямо перед собой, было ощущение, что он внимательно смотрит на Рига в ответ.

— Насколько я могу судить, у вас есть корабль и есть человек, наделённый магией, родом с имперской земли. В безумцах же недостатка никогда и не было, — Риг взглядом окинул пёструю компанию наёмников, что гудела в своём бесконечном празднике неподалёку. — Не

хватает лишь проводника, и только потому я сижу здесь, а мой брат не поцеловал дно этим утром.

— А вы, стало быть, можете предоставить проводника?

— Безумцев на севере хватает всегда, но вот тех, кто вернулся с Мёртвой Земли и согласен сходить туда ещё раз можно и пальцами рук пересчитать. С чужаками они не знают, но могут послушать нас с братом.

— Вот значит как, — медленно проговорил главарь наёмников и сделал глоток вина. — Не интриган, не хитрец, и уж точно не дипломат, но в конечном счёте ты, кажется, все же умеешь думать головой, а не кулаками. Похвально.

— Спасибо, я полагаю?

— Но ты ошибся дважды. В первую очередь, меня не интересуют обглоданные окраины Мёртвой Земли, что вы называете Черным берегом. Подобно тебе, мальчик с севера, я не склонен причислять себя к глупцам, и потому не собираюсь делать ставку на руины, где за прошедшие столетия даже пыль со стен растащила. Я хочу взять нетронутое. Я хочу пройти до самого центра оставленного континента.

— Считающий себя за умного и от Чёрного берега держался бы как можно дальше, — заметил Кнут. — А уж тем более от сердца проклятого континента, где нет ничего кроме смерти. Многие, лучшие среди многих, уже сгнули, пытаясь доказать обратное.

— До самого центра, — повторил Риг, чувствуя, как холодная дрожь пробежала по всему его телу.

Поход на оставленные берега издревле был сам по себе отчаянной затеей с большими шансами найти свою смерть от того, чему даже ещё нет названия. Но в каждом поколении находились те, кто желал испытать судьбу: и на жарких южных берегах, и в осколках империи на западе, и в землях Пророка, и среди вечнозелёных лесов работоторговцев – беспечные храбрецы находились везде. Больше всего – среди корабельного народа, мелкоглазых отшельников. После исхода с Восточного берега многие из них повадились ходить на проклятую землю в поисках орудия достаточной силы, чтобы дать им желанное возмездие. Минуло два поколения, прежде чем изгнанный народ отказался от своей затеи, но принял на себя роль проводников и перевозчиков, а звание самого отчаянного народа перешло к жителям севера.

В детстве, холодными зимними ночами, столь долгими, что и не веришь порой в возвращение света, Риг любил послушать истории о безумцах с Мёртвой Земли. Если бывал он достаточно настойчив, отец сдавался и рассказывал о тех, с кем судьба сводила его лично. Рассказывал он про Харальда Тощего, что по возвращении вёл себя абсолютно нормально, но ровно через сто дней после того, как сошёл на берег, внезапно съел свой язык и собственные губы. Он сгрыз бы до костей и свои руки, как бы сыновья не сковали его цепями и в таком виде не оставили доживать оставшиеся годы. Рассказывал отец и про Ивара Бледного, что вдруг убоился крови без всякой меры, и стоило ему остаться наедине с собой, тут же норовил выпустить её из себя до последней капли, в чем в итоге и преуспел с третьей попытки. Но больше всего Риг любил историю про конунга Рагнара, лишённого второго имени.

Некогда прославленный воин и великий вождь с Западного Берега, вознамерился он доказать своё превосходство над людьми и богами в походе до центра Мёртвой Земли. И хоть и не преуспел, но все же дошёл дальше всех и оставил там своё знамя, вернувшись на родные берега со многими артефактами великой силы. С их помощью он сеял смерть и разрушение повсюду, давая пощаду лишь тем, кто желал присоединиться к его безумной ватаге, и требуя в доказательство верности с кого руку, с кого глаз, а с кого и смерть сына или дочери. Когда же у Рагнара родился сын, то безумный вождь своими руками умертвил безвинного младенца прямо в колыбели. Как говорили очевидцы, действовал он при этом без спешки, несколько раз давая беззащитному ребёнку в последний момент сделать вдох, отдышаться, чтобы затем снова сомкнуть крепкие руки на его тонкой шее.

В день, когда кланы запада объединили усилия и положили конец безумству бывшего конунга, в своё оправдание сказал он лишь, что память стала подводить его после похода. Жестокие дела запоминались, были лишь цепью тусклых фонарей, что освещали сумрак его разума и не давали конунгу окончательно потерять себя. После его казни, случившейся почти десять лет назад, более желающих пройти вглубь Мёртвой Земли не находилось. На севере было много отчаянных безумцев, но настолько отчаянных и настолько безумных с тех пор более не было. До этого дня.

— До центра, — повторил Безземельный Король и только в этот момент Риг увидел что-то зловещее в его глазах, что-то тёмное и спящее в глубине, — Всё или ничего, и ни граммом меньше.

— И вы хотите, чтобы я нашёл вам проводника в благодарность за спасение брата? Рассчитываете, что имя моего отца поможет привлечь вам кого-то из тех, кто уже ступал на проклятую землю?

— Это твоя вторая ошибка. Мне нет дела до имени твоего отца, мальчик с севера, потому что твой отец мёртв. И по моему опыту, помощь мёртвых это тяжёлый топор, которым бьёшь редко, а носишь с собой постоянно. Мне не нужен и проводник, так как я уж нашёл лучшего из возможных.

Кивком головы Король указал в сторону, и Риг невольно посмотрел в указанном направлении. Очередной мелкоглазый, в грязных обносках, старый и скрюченный. Вот только если вся остальная команда была занята какими-то своими морскими делами или же напротив, откровенно бездельничала, то этот старик не делал ни того, ни другого. Судя по виду, у него была какой-то жаркий спор, и старик в нём разошёлся не на шутку. Вот только сидел он при этом совершенно один.

— Это тот, о ком я думаю? — спросил внезапно Кнут. — Мёртвый Дикарь Синдри, мелкоглазый с именем?

Часть матросов злобно зыркнула на Кнута, услышав «мелкоглазые» – не самое любимое их слово, по всей видимости. Но в остальном... никто его не поправил.

Мёртвый Дикарь Синдри оказывается был ещё жив. Что ж, он действительно самый опытный проводник, так как он единственный, кто был достаточно безумным, чтобы вернуться в Мёртвые Земли трижды. И, по всей видимости, уже в четвёртый раз. Другое дело, что в первый раз Синдри был вообще единственным, кто вернулся, а второй раз был проводником Рагнара, что после стал известен не с самой лучшей стороны. Но тем не менее, проводник Королю, получается, действительно был не нужен.

Если отбросить все ложные варианты, то оставшийся и будет истиной, как бы невероятно она не звучала. Если ему не нужны воины, и не нужен проводник, то остаётся только одна причина плыть так далеко на север.

Король словно прочитал его мысли, слегка кивнул с лукавой улыбкой.

— Чего мне не хватает, так это помощи бессмертного.

Невольно Риг покосился в сторону на юношу с птицами, но тот никак не стал комментировать слова главаря наёмников. Ещё сильнее Ригу хотелось узнать, почему именно он и Кнут получили этот странный запрос, однако в итоге он не спросил ничего. Едва ли Браудер даст ему объяснение, так что молчанием он получит гораздо больше, чем вопросом.

— Я не буду говорить тебе своих замыслов и не выскажу никакой просьбы, потому что никому из нас не стоит стоять в тени какого бы то ни было заговора. Но у обоих из нас есть, скажем так, потребности. Вопрос лишь в том, что нужно тебе, мальчик с севера.

Риг чувствовал, будто стоит на краю Позорной Скалы, и море бьётся о скалы у него под ногами, пока сам он смотрит вниз, на верную смерть. В такие моменты всегда появляется это странное желание спрыгнуть.

— Всё или ничего, — сказал Риг, и облизнул пересохшие губы, — И ни граммом меньше.

— Хорошая цена, — Браудер улыбнулся, и налил Ригу выпить. — Достойная. В самый раз для короля.

Глава 7. За чужие интересы

К тому моменту, как Риг и Кнут вышли из города и неспешно зашагали по направлению к своему дому, уже начинало смеркаться, но улицы по-прежнему были полны народа. На окраине цивилизованного мира не так часто происходит что-то интересное, так что все, от мала до велика, кружились по узким улочкам, переноса до смешного нелепые слухи от одного скопления людей к другому. Судачили и про отряд наёмников Короля, про появление Кэриты, и про суд над Кнутом, его подвиг на испытании, и про корабль отшельников. И хоть до начала лета и оставалось больше месяца, погода была тёплой, безветренной, а потому крайне заманчивой для людей, за долгую зиму уставших сидеть в четырёх стенах.

Единственной неприятностью мог бы стать мокрый снег, неспешно падающий с неба тяжёлыми хлопьями, но для стаек безумной от детства ребятни это был настоящий подарок. Стены каждого второго дома носили следы их сражений снежками, не умолкали с заходом солнца их задорные вопли, и в любом дворе можно было наткнуться на грозного снеговика, несущего свой дозор с мотыгой и ведром на голове.

И если взрослые провожали Рига и его брата взглядами, а старики приветствовали сдержанным кивком, то дети на них внимания не обращали вовсе. Одна из групп при этом с большим драматизмом разыгрывала утренний межевой суд: мальчишки мужественно пытались преодолеть пешком всю главную улицу, пока девчонки висли у них на шеях, имитируя то ли цепи, то ли хватку Мореборода.

Один из мальчишек, крепкого вида паренёк лет двенадцати, захотел доказать свою удаль, и взял на свою шею сразу двух девок примерно такого же возраста. Начал он хорошо, пустился чуть ли не бегом, пока обе его подруги визжали от восторга, но быстро выдохся и в итоге все трое неуклюже плюхнулись в грязь, чем вызвали волну злобного детского хохота и град насмешек. Одна из девчонок заплакала и убежала, другая дала в глаз ближайшему мальчишке, после чего запрыгнула на спину своего незадачливого кавалера, едва успевшего подняться, и скомандовала продолжать испытание.

Отдельная группа детей, из тех, что обладают природным любопытством и склонны искать приключения на свою голову, не принимала участия в общем веселье. Они были заняты тем, что окружили сидящего на голой земле шаура, и всячески шумели и галдели вокруг него. Изредка самые смелые швырялись в шаура снежками, а один, у которого, видимо, запасная жизнь была в кармане, швырнул в мертвецки бледного чужеземца камнем. Шаур ожидаемо не реагировал и продолжал сидеть, низко склонив свою голову в широкополой шляпе.

Три года он жил в Бринхейме, три года дети донимали его во время этих странных неподвижных посиделок, что случались раз или два в неделю, и ни разу он не отреагировал. Кроме одного единственного случая, когда одна дерзкая соплячка сорвала повязку с его глаз. Другие дети говорят, что в одно мгновение шаур вскочил на ноги и свернул девчуске голову так, как хозяйка сворачивает головы курицам – легко и быстро. После чего, скрывая от всех лицо за широкими полями своей шляпы, вновь повязал на глаза повязку и вернулся к своему занятию. Родители девочки пробовали истребовать справедливости у Торлейфа, но остались ни с чем и сочли за лучшее уехать из города.

И хоть после этого шаур всегда сохранял в такие минуты полную неподвижность и спокойствие, а все жители города усвоили урок и более не тянули руки к его повязке, Риг невольно начал нервничать, проходя мимо чужеземца. Шаур даже головы в их стороны не повернул, но каким-то образом Риг всё равно чувствовал его внимание на себе.

Последним был дом великана Ингварра по прозвищу Пешеход, что тоже проводил их взглядом, ненадолго оторвавшись от своего плотнического ремесла. Риг в его сторону демонстративно не смотрел – помнил лживые слова гиганта на суде против Кнута, хотя сам Кнут

приветливо махнул рукой. С точки зрения плотника братья шли обычной дорогой до своего дома, так что Ингварр ничего им не сказал, и более того, виновато отвернул голову. Жалости к нему Риг не испытывал – сам был дурак, на суде лжесвидетельствовал, и цепь свою потерял заслужено.

Когда дома, наконец-то, закончились, Риг испытал облегчение, словно утром он сунул голову в капкан, просидел так весь день в ожидании мучительной смерти, а теперь ему было дозволено прекратить это безумство. Вот только передышка вышла короткой. Как только они отошли от города достаточно далеко и убедились, что никто не следит за ними, то свернули с протопанной тропы, и быстрым шагом направились к Дозорным Холмам.

Шли молча, в тягостном напряжении, и дошли до самого подножья, до маленькой, аккуратной тропинки, расчищенная от снега и грязи, уходящей прямо вверх. Лишь в этот момент Кнут решил высказаться:

— У тебя и раньше бывали рискованные идеи, но это..., — старший брат могучей ладонью помял собственный затылок, вздохнул. — Это настоящее безумие.

— Люди возвращаются с Мёртвой Земли.

— Люди приплывают обратно живыми с Мёртвой Земли. Но ты их видел? Никто из них по-настоящему не вернулся.

Своими глазами Риг ни одного вернувшегося не видел, кроме разве что Торлейфа Золотого. Но жирный боров выглядел вполне нормально.

— Боишься? — Риг и сам боялся до такой степени, что все его внутренности сжимались в плотный комок лишь об одной мысли о Мёртвых Землях, но удержаться от того, чтобы поддеть брата, не смог.

Кнут же на мгновение выглядел не столько напуганным, сколько удивлённым.

— Я разумен, — сказал он в итоге. — Мы можем умереть, Риг, или даже чего похуже. Но в Край и Короля, и Мёртвые Земли, сейчас я говорю про это.

Кивком Кнут указал на вершину холма, но Риг головы демонстративно не поднял. Помедлил мгновение, а после первым ступил на узкую тропу, пошёл вверх и с облегчением услышал, как скрипят по снегу за его спиной шаги брата. А потом и его ворчание:

— За поход на Оставленные берега не вешают, это не нарушает закон. А вот за попытку приблизиться к обители бессмертной мы рады будем, если для нас ничего страшнее верёвки не станут выдумывать.

— Закон Севера не выточен в камне.

— Но он есть. И ты не обтерхаешься от него в этот раз. Это даже при условии, что Кэрита не убьёт нас на месте сама.

— Щепке мы нравимся.

— Риг, за то только, что ты её Щепкой называл, она тебя первого и раздавит. А не она, так точно повесят потом, если Торлейф будет милостив.

Забавно, что из них двоих теперь Кнут был голосом осторожности. Риг и сам понимал, что правда в словах брата есть, вот только это была правда обычной жизни, а не правда человека с ножом возле горла.

— Если мы будем сидеть сложа руки, то и следующей зимы не увидим, всё к этому идёт. Я предпочитаю попробовать сделать хоть что-то сейчас, даже если шансов у нас немного, и проще будет затопленную башню со дна морского вытянуть.

— Мы можем сражаться честно.

— Ага, честно, — Риг усмехнулся. — Как во время твоего испытания на меже. Ты знаешь, что ваша лодка уже за горизонтом скрылась, но Торлейф не давал Эйрику подать сигнал?

Кнут промолчал.

— Честный бой, да. С тем же успехом можно сразу колено преклонить, и заодно, чтобы два раза не садиться, ещё и голову на плаху положить.

— А то, что мы делаем сейчас, это не то же самое?

— Только если нас поймают.

Старший брат издал недовольное ворчание, но шаги его все так же отдавались за спиной. Не просто было Белому Кнуту преступить закон, всё ж второе имя ему дали весьма удачное, так как в душе он действительно был белым, точно первый снег. И снег этот, конечно, лежит всегда красиво да ровно, блестит аки сокровища Бессердечной, залюбуешься. Но вот только если ты куда дойти хочешь, то придётся эту белую ровность ногами то немного потоптать.

— Нас точно поймают, Риг, не воины так сама Кэрита. Она чтит закон. И ты видел, что она сделала с ярлом и его малой дружиной? Посмотрела только, а их всех к земле придавило, точно небо им на плечи рухнуло.

— Сегодня утром я видел, как она подлечила тебя, практически вернула к жизни с другой стороны, после того как ты приплыл от горизонта со своей цепью на шее.

— Она славная, и у неё большое сердце. Но она чтит закон.

— А ещё сегодня утром я понял, что случиться может всякое.

Кнут тяжело вздохнул.

— Куда ты, туда и я, ты же знаешь.

— И твоё ворчание вместе с нами?

— Слушай, вокруг нас дураков с горячими головами живёт порядочно, но ни один из них не пытался пробраться сюда. И на то есть причины.

— Никто из этих дураков не заключал сделку с безземельным Королём.

— Всё или ничего, я понял, — Кнут сплюнул на левую сторону, где сквозь снег виднелись очертания города. — То есть, теперь мы наёмники? Отец, должно быть, сейчас рвёт и мечет на другой стороне, не иначе как большой шторм грядёт на наши головы.

— То-то отец никогда не сражался, и чужие приказы не слушал.

— Он желал видеть тебя во главе длинного стола, а не готовым лить кровь за чужие деньги. И уж точно не спящим на дне моря за чужие интересы. Он бы не одобрил.

— Отец мёртв, — сказал Риг, и сам удивился, как резко прозвучали эти простые слова.

— Его желания – это очень большой топор, которым мне никогда не хватит сил замахнуться, и который он отдал мне, не спросив.

— Слова иноземца.

— Мои слова. Я, именно я, уже до смерти устал таскать этот топор на себе.

Дальше какое-то время шли молча, скрипели снегом. Странно, что вот вроде детство уже позади, а всё равно когда снег такой талый да липкий, на душе немного светлее становится. Ну, пока не вспомнишь куда ты по этому снегу идёшь, конечно.

— Так давай уедем! — Кнут внезапно нарушил молчание. — Хочешь всё бросить? Давай! В Край иноземца-короля, в Край отца и все, чего он добился. В Край наш дом, наш народ, наше наследие – мы просто уедем, коли на это у тебя душа лежит.

В голосе Кнута слышалось явное раздражение – то были не его желания, просто злость. Северянину место на севере, а Кнут был самым северным человеком из возможных. Но Риг знал, что если он скажет уезжать, то брат скрипнёт зубами, но поедет. Просто меч, а не человек – прямой, тяжёлый и сделанный из металла. Меч его отца.

— Мы не можем уехать. Торлейф не даст нам дороги, не рискнёт беспокойно спать по ночам в ожидании нашего возвращения.

Шаги за спиной прекратились. Риг тоже остановился.

— Значит, ты действительно думал об этом?

— Я думал о многих вещах, — сказал Риг, не оборачиваясь. — Это то, в чем я должен быть хорош, верно? Именно так все и говорили, и теперь это то, что я делаю.

Подняв голову, Риг посмотрел наверх. Середина пути.

— Сначала я думал, что нам нужно пережить зиму, состричь золота с наших овец и им подкрепить наши справедливые притязания. А когда она умерла от голода, я думал броситься вниз с Позорной скалы. После я думал, что если сделаю это, то её смерть не будет иметь смысла, и в итоге увидел, как ты поднимаешься на Ступени, а потом идёшь тонуть под тяжестью своей цепи.

Риг пошёл дальше.

— Думал я очень много. Но полагаю, в конечном счёте, я просто не так уж и умён.

— Это не твоя вина, что так вышло... Она хотела..., — за спиной закрипели шаги. — Ты не мог знать, что так будет. Никто не знает будущего.

— Но предположить было не сложно. Зима была суровой, мы жили впроголодь, и я не знаю чего ещё, на самом деле, здесь можно было ожидать. Я пробовал винить в этом Торлейфа, но правда в том, что последнее слово было за мной.

Тяжёлая рука старшего брата легла Ригу на плечо.

— Последнее решение было за ней. Не бери на себя слишком много, маленький выскочка, каждый из нас сам решил держаться до последнего. И Всеотец знает, она была самая упрямая среди нас.

— Да уж, — постарался улыбнуться Риг. — Торлейфу знатно повезло, что это не я поцеловал дно раньше всех, а то бы с неё случилось спихнуть его массивную тушу ещё до начала весны.

— Он всегда был везучим. Ему пришлось жить в доме с толпой Лердвингов, пока мы жили в доме, где буйствовала наша сестра.

— Везучий мерзавец.

Они слегка посмеялись этой их старой, затёртой до дыр, шутке, ведь именно так и поступают настоящие ворлинги: смеются в лицо смерти, проклиная собственных жадных богов, сражаются до последнего. И не оборачиваются, не показывают брату лицо и глаза.

Кнут поравнялся с младшим братом, хлопнул его по спине.

— Куда ты, туда и я, Риг. Как обычно.

— Прямо к победе, стало быть.

— Прямо к победе, — улыбнулся Кнут. — Вот только давай все же убавим голоса и притворимся, что у нас и правда есть шанс победить. Мы уже почти добрались до вершины.

— И при этом не встретили ни одного охранника.

— Кому вообще придёт в голову, что Кэрите нужна охрана?

Первого охранника они встретили буквально через десяток шагов, едва не споткнувшись об его неподвижное тело. Старик, что ещё утром нёс знамя бессмертной. Теперь он лежал с лицом бледным да глазами закрытыми, и выглядел так, будто заснул на посту и не заметил, как его укутало снегом. Вот только любой и с первого взгляда смог бы сказать, что старик вовсе не спит. Есть что-то такое у каждого мертвеца, что-то неестественное и даже чужое в выражении лица, в его позе, в абсолютной неподвижности, что никогда не даст спутать его со спящими. Мёртвые – первое доказательство существования души, так как по ним сразу видно её отсутствие.

Кнут сразу же вытащил из ножен меч, после чего присел на корточки и расчистил тело от снега. Белая одежда старика была покрыта красными пятнами, одно из которых, самое большое и тёмное, было в области живота. Копьё стражника было аккуратно прикопано в снег поблизости.

— Удар кинжала или ножа, весьма умелый — сказал Кнут шёпотом.

Трупное окоченение наступает через час после смерти.

Преодолевая брезгливость, Риг осторожно подвигал руку мертвеца. Она была какой-то удивительно тяжёлой, но двигалась свободно.

— Тело остывшее, но смертью не скованное. Умер он не так давно.

Лицо старика было такое же, как и утром, разве что очень бледное, но при этом совершенно другое, жуткое. Он был мёртв, и был совсем рядом с ними. Мёртвый.

— Риг, нам стоит уходить обратно, и уходить быстро. Кто бы не измыслил поднять руку на блаженного, едва ли он остановился на этом и решил после подобного возвращаться домой. Он ждёт нас на вершине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.